Ференц Мюнних

Бурный путь



ФЕРЕНЦ МЮННИХ

Публикуя свою краткую биографию, я не могу не отметить с благодарностью и любовью ту большую и кропотливую работу, которую проделала моя жена Этелка, чтобы эта книга увидела свет.

Ференц Мюнних

Münnich Ferenc

VIHAROS ÚT

SZÉPIRODALMI
KÖNYVKIADÓ
BUDAPEST
1966

Ференц Мюнних

БУРНЫЙ ПУТЬ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА
1968

И (Венгр.)
М98

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Перевернув последнюю страницу этой книги, читатель еще долго будет чувствовать на себе обаяние ее автора, который прошел трудный, действительно бурный жизненный путь.

Видный деятель венгерского и международного рабочего движения, один из руководителей венгерских интернационалистов, защищавших Советскую власть в России в годы гражданской войны, один из организаторов Коммунистической партии Венгрии, бывший председатель Революционного рабоче-крестьянского правительства Венгерской Народной Республики, Ференц Мюнних до последнего дыхания оставался активным борцом за коммунистические идеалы, за народное счастье.

Прожив на свете 81 год (скончался он 29 ноября 1967 года), много повидав и испытав на своем веку, Ференц Мюнних и в преклонные годы отличался удивительным жизнелюбием. В его простом, скромном доме всегда было людно. Здесь часто можно было встретить и рабочего, пришедшего за советом, и крестьянина, приехавшего из далекого села, чтобы узнать о здоровье дядюшки Фери, как просто и уважительно называли Ференца Мюнниха в Венгрии, и друга, зашедшего на огонек вспомнить о боях и походах по бескрайним просторам Сибири или в выжженных солнцем горах республиканской Испании.

Ференц Мюнних много писал. Его статьи и воспоминания публиковались в венгерских и зарубежных газетах и журналах. Ему

было что рассказать людям, особенно о великих событиях, свидетелем и непосредственным участником которых он был. «С тех пор, — говорил Мюнних, — как свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, восторжествовала и погибла Венгерская Советская Республика, прогремели бои в республиканской Испании,— с тех пор родилось и выросло новое поколение, которое должно знать об этих славных вехах нашего пути не только по учебникам истории».

«Бурный путь» — книга воспоминаний ветерана-интернационалиста, в которой он просто и человечно рассказывает о времени и о себе.

В годы первой мировой войны Ф. Мюнних попал в русский плен. В лагере для военнопленных он впервые познакомился с трудами Маркса и Ленина, вместе с Бела Куном вступил в местную организацию РСДРП и стал одним из зачинателей движения венгерских интернационалистов.

К сожалению, скромность мемуариста помешала ему рассказать о многих боях, в которых он принимал участие в годы гражданской войны в России, защищая вместе с другими бывшими венгерскими военнопленными молодую Советскую республику от белогвардейских банд.

По заданию Бюро заграничных секций РСДРП в октябре 1918 года Мюнниха вместе с другими венгерскими интернационалистами направляют на родину для ведения революционной работы. 21 марта 1919 года в Венгрии была установлена диктатура пролетариата. Это событие вписало еще одну яркую страницу в историю революционного и рабочего движения. Несмотря на яростное сопротивление внутренней контрреволюции и интервенцию целого ряда империалистических государств, советская власть в Венгрии просуществовала 133 героических дня. Это стало возможным благодаря влиянию победоносной Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря революционизирующей роли бывших венгерских военнопленных, возвратившихся на родину из Советской России.

«Сотни тысяч военнопленных... передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, — писал В. И. Ленин, — что бациллы большевизма захватили эти страны целиком»[1].

Правительство Венгерской Советской Республики с первых дней своего существования приступило к организации Красной армии и заключило союз с Советской Россией. В период создания венгерской Красной армии в полную силу проявились организаторские и военные способности Ференца Мюнниха. Сначала он был назначен полит-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 141.

комиссаром 6-й дивизии, а затем начальником политуправления венгерской Красной армии. Ференц Мюнних зарекомендовал себя не только хорошим политическим воспитателем солдат новой революционной армии, но и отличным командиром. Здесь Мюнниху очень пригодился тот боевой опыт, который он приобрел в Советской России в годы гражданской войны, сражаясь в Сибири и на Урале против белогвардейских отрядов и банд.

После поражения Венгерской Советской Республики Мюнних эмигрирует за границу, где принимает активное участие в рабочем движении в Австрии, Германии и других странах. Будучи находчиным конспиратором, Мюнних разъезжает по всей Европе, успешно выполняя различные партийные поручения. В Германии его арестовывают по подозрению в ведении революционной работы, но за отсутствием доказательств высылают из страны как иностранца.

Советский Союз гостеприимно принимает отважного революционера. Здесь Мюнних занимает ответственный пост в нефтяной промышленности, сотрудничает в газетах и журналах, является членом редколлегии издаваемого у нас венгерского журнала «Шарло эш калапач» («Серп и молот»), изучает русский язык, много ездит по стране, знакомясь с жизнью социалистического государства.

Когда в 1936 году испанский пролетариат с оружием в руках встал на защиту своей республики, тысячи людей со всего мира, и в первую очередь коммунисты, пришли на помощь героической Испании. В числе первых добровольцев-интернационалистов был и Ференц Мюнних, который рассматривал борьбу с фашизмом, где бы она ни велась, как борьбу за счастье и свободу и своей родины. Отто Флатер (под этим именем сражался Ф. Мюнних в Испании) был начальником штаба 15-й испанской дивизии, а затем — командиром 11-й Интернациональной бригады. Он разделил нелегкую судьбу многих интернационалистов, попав в лагерь для интернированных, из-за колючей проволоки которого Мюнниха вызволил Советский Союз, вновь предоставив ему советское гражданство. И вот он снова на свободной советской земле, которая, по его собственным словам, стала для него второй родиной. Лечение, короткий отдых — и снова руководящая работа в нефтяной промышленности.

В первые же дни Великой Отечественной войны Ференц Мюнних добровольно уходит в Красную Армию, где выполняет особое задание командования. Летом и осенью 1942 года он — в числе мужественных защитников легендарного Сталинграда, так как прекрасно понимает, что на берегах Волги решается не только судьба Советского Союза, но и судьба далекой, порабощенной фашистами Венгрии, которую он мечтал видеть свободной и счастливой. В ноябре 1942 года Ф. Мюнниха вызывают в Москву и предлагают возгла-

вить венгерскую редакцию Всесоюзного радио, выполняющую ответственную и важную работу по пропаганде антифашистской политики Советского Союза.

В сентябре 1945 года, через тридцать лет, Ференц Мюнних возвращается на освобожденную Советской Армией родину. Сначала его назначают мэром города Печ — крупного промышленного и культурного центра на юге страны, а затем Коммунистическая партия Венгрии направляет его на другую работу — начальником Главного управления будапештской полиции. Начиная с 1950 года Ференц Мюнних возглавляет дипломатические представительства Венгерской Народной Республики в Финляндии, Болгарии, Советском Союзе и Югославии.

В период контрреволюционного мятежа в Венгрии, развязанного силами внутренней и международной реакции в октябре 1956 года, Мюнних был одним из организаторов борьбы венгерского народа против фашистских путчистов. В Революционном рабоче-крестьянском правительстве, сформированном товарищем Яношем Кадаром, Ф. Мюнних с ноября 1956 по февраль 1957 года занимает пост заместителя председателя правительства и министра вооруженных сил и общественной безопасности, а с февраля 1957 года назначается первым заместителем председателя правительства. С 1958 по 1961 год Ференц Мюнних возглавляет Совет министров Венгерской Народной Республики.

Центральный комитет Венгерской социалистической рабочей партии, бессменным членом которого до самой смерти был Ференц Мюнних, уверенно ведет партию по ленинскому пути. «Наша партия, — говорил Ференц Мюнних на Всевенгерской конференции ВСРП в июне 1957 года, — и сегодня продолжает идти под знаменем бессмертного учения Ленина, пролетарского интернационализма; в этом духе она воспитывает членов партии и поддерживающие ее массы. Быстрое восстановление партии и страны, достигнутые нами успехи стали возможны благодаря тому, что социалистический лагерь, и в первую очередь его ведущая сила — Советский Союз, руководствуясь не только обязательствами по Варшавскому договору, но и принципами пролетарского интернационализма, оказал нам помощь в разгроме контрреволюции».

По заданию ЦК ВСРП товарищ Мюнних много внимания уделял созданию и укреплению вооруженных сил Венгрии. По этому поводу он писал: «Мы хотим создать такую армию и такие органы безопасности, которые представляли бы интересы рабочего класса и трудового крестьянства и которые защищали бы социалистические и революционные завоевания венгерского народа». В настоящее время Венгерская народная армия в боевом содружестве с армиями брат-

ских стран — участниц Варшавского договора надежно стоит на страже социализма, бдительно охраняет мирный созидательный труд венгерского народа.

Ференц Мюнних возглавлял правительство ВНР в сложный период: преодолевая вызванные контрреволюцией трудности, Венгрия успешно выполняла трехлетний план, закладывала фундамент социализма. Бурно развивалась промышленность. Большие сдвиги произошли на селе — социалистический сектор стал господствующим в сельском хозяйстве. Повышалось благосостояние народа.

Ференц Мюнних всегда был верным другом советского народа. В своих статьях и выступлениях он постоянно подчеркивал историческое значение идей Октября.

«Когда грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, мне шел тридцать первый год, — писал Мюнних. — Уже зрелым человеком я вступил на путь революционной борьбы. И не было в моей жизни ни одной секунды, ни одного мгновения, когда бы я пожалел об этом. Вновь и вновь вспоминая октябрьские дни 1917 года, я каждый раз испытываю чувство большой радости: дело великой революции продолжается, вспышка октябрьского выстрела «Авроры» озарила своим немеркнущим светом весь мир...

...Везде и всегда идеи Великой Октябрьской социалистической революции, пролетарского интернационализма помогали мне выстоять и преодолеть все трудности, помогали быть верным солдатом великой армии Ленина. Любовь к советскому народу, к партии Ленина всегда согревала меня, вливала новые душевные силы.

Я называю Советский Союз своей второй родиной. Оглядываясь на весь 50-летний путь Страны Советов, нельзя не восхищаться бессмертным подвигом советского народа».

Выступая на митинге дружбы, состоявшемся 7 сентября 1967 года в Будапеште, глава советской партийно-правительственной делегации Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев с большой теплотой говорил о нерушимой дружбе советского и венгерского народов, о замечательных традициях пролетарского интернационализма, о боевой революционной дружбе, издавна связывающей трудящихся Советского Союза и Венгрии.

«Мы никогда не забудем, что десятки тысяч сынов трудового народа Венгрии были активными участниками Октябрьской революции в России, помогали нашему народу в боях отстаивать дело социализма. Многие из этих славных бойцов-интернационалистов здравствуют и по сей день, и в час своего великого праздника советские люди будут чествовать их как своих родных братьев вместе со всеми героями Октября».

Одним из первых среди этих бойцов-интернационалистов можно назвать Ференца Мюнниха.

За мужество и героизм, проявленные при защите Советской власти в годы гражданской войны и иностранной интервенции в России, а также за заслуги в укреплении братской дружбы между советским и венгерским народами Президиум Верховного Совета СССР в ноябре 1965 года наградил Ференца Мюнниха орденом Ленина, а 28 октября 1967 года — вторым орденом Ленина за активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войне и установление Советской власти в 1917—1922 годах и в связи с 50-летием Великого Октября. Отмечая его выдающуюся деятельность в международном рабочем движении и заслуги в руководстве Венгерским революционным рабоче-крестьянским правительством и в связи с 80-летием ветерана Президиум Венгерской Народной Республики присвоил ему звание Героя Социалистического Труда.

Издательство с большим удовольствием представляет советскому читателю книгу воспоминаний нашего большого друга Ференца Мюнниха.

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Известно, что семь городов мира претендовали быть родиной Гомера. Что же касается места моего рождения, то об этом поспорили только город Токай и село Шерегейеш.

А было это вот как. Однажды в Токае открывали новый мост, и меня, как Председателя Совета Министров, пригласили на это торжество. Подъезжая к городу, я увидел большие кумачовые полотнища, на которых было написано: «Привет нашему земляку!» Такие же приветствия мелькали и на улицах, и в окнах домов. Я чувствовал себя очень неловко, так как родился вовсе не в Токае. Правда, я вырос в этом городе и самые лучшие воспоминания моей юности связаны с Токайскими горами, но родина моя — село Шерегейеш (медье[1] Фейер), жители которого избрали меня депутатом в Государственное собрание.

Родился я в 1886 году в семье аптекаря. Когда мне исполнилось два года, родители переехали в село Аваш-Фельшё (медье Сатмар). Четыре класса начальной школы я окончил в районном центре Синерваралье, а первый и второй классы гимназии — в Сатмарнемети. Потом мы переехали в Будапешт. Здесь я посещал третий класс гимназии. В Будапеште отец выучился на ветеринарного врача и получил назначение в Токай. В четвертый класс гимназии я ходил в Игле, а в пятый, шестой, седьмой и восьмой — в Ньиредьхазе.

Из четвертого класса гимназии в Игле меня исключили, потому что я не стерпел оскорбления: когда преподаватель ударил линейкой мне по рукам, я пнул его ногой.

В день сдачи экзаменов на аттестат зрелости в Ньи-

---

[1] Медье — административно-территориальная единица, равная области. — *Прим. ред.*



Дом, в котором родился Ференц Мюнних

редьхазе я взял под защиту одного студента-стипендиата, которого преподаватель гимнастики хотел ударить.

— Вы лучше меня ударьте, а не этого бедного парня. Он ведь все равно не осмелится дать вам сдачи, так как очень боится потерять стипендию! — крикнул я преподавателю гимнастики и схватил его за руку. После этого меня сразу же исключили из гимназии и в Ньиредьхазе.

Пришлось еще целый год учиться самостоятельно и сдавать экзамены в Мункаче.

Право я изучал в Эперьеше, а диплом доктора получил в Коложваре.

С детских лет я пристрастился к чтению. В школе моими любимыми предметами были литература, история и иностранные языки. Огромное впечатление на меня производили рассказы о таких выдающихся исторических личностях, как Юлий Цезарь, Ганнибал, Александр Македонский, а также Аттила, Янош Хуняди, Наполеон и другие.

В студенческие годы я начал писать стихи. Некоторые из друзей считали, что литературная деятельность — мое призвание. Самое большое влияние на меня оказывала поэзия Петёфи, Ади, Вёрёшмарти и Яноша Араня.

Впервые одно из моих стихотворений было напечатано в местной газете «Токай еш видеке». Впоследствии я стал редактором этой газеты. Мои стихи публиковались в «Фелшёмадьярорсаги хирлап» (Шаторальяуйхей), в журнале Шаму Феньеша «Уттёрё», а также в литературном журнале «Чоконаи лапок», издаваемом Обществом Чоконаи[1].

Я писал на самые разные темы — лирические, гражданские, атеистические, а позже и на революционные.

Мой отец был известным в округе социалистом и антиклерикалом. В молодости он воспитывался у эгерских священников и хорошо познакомился с лицемерием служителей церкви. С той поры он питал к ним только отвращение. Мировоззрение отца сказалось на принципах воспитания сыновей. И хотя сам он не был воинствующим атеистом, однако с большой симпатией относился к моим антирелигиозным убеждениям, которые вызывали в тогдашнем обществе одно лишь негодование.

В начале столетия в прогрессивной газете «Уттёрё» появилось мое первое атеистическое стихотворение. Главный редактор газеты весьма лестно отозвался о нем. В то время я работал практикантом у адвоката. Когда это стихотворение было опубликовано, мой работодатель токайский адвокат, по фамилии Сечени, пришел в отчаяние и просил меня не писать впредь подобных стихов, потому что, по его словам, из-за них он может легко растерять свою клиентуру.

— Этого вы можете не бояться, — успокоил я его, — так как, к сожалению, в нашем городе вряд ли найдется хоть один человек, не считая меня самого, кто читает эту газету.

Друзья моего детства, вспоминая те далекие годы, отмечают, что я среди них выделялся не только интеллектом и образованностью, но еще и был бесшабашным сорвиголовой, которому доставляло большое удовольствие досадить кому-нибудь из обывателей нашего небольшого городка.

Так, например, как-то, прогуляв всю ночь (было мне тогда лет семнадцать), я возвращался домой и натолкнулся на духовную процессию, организованную по случаю праздника тела Христова. Процессию возглавлял кашшский епископ Агоштон Фишер. Все это зрелище так меня

---

[1] Кружок прогрессивных литераторов в Дебрецене. — *Прим. ред.*



Ференц Мюнних — гимназист (1898 г.)

возмутило, что я повел цыганский оркестр (или цыганскую банду, как тогда у нас называли подобные оркестры) навстречу процессии, решив по-своему возглавить ее.

Обыватели нашего городка не любили меня и за то, что я демонстративно ухаживал за девушками-еврейками и дружил с еврейскими парнями. В те годы в Венгрии очень силен был антисемитизм. Мои неразборчивые знакомства особенно осуждали религиозные мамаши, у которых подрастали дочери. Их коробило, что юноша-католик из приличной семьи дружит с евреями. Я не обращал никакого внимания на подобное «общественное» мнение и всю жизнь выбирал друзей отнюдь не по родословному или национальному принципу.

Под влиянием родителей во мне рано проснулась склонность к критическому мышлению. Я остро переживал малейшую социальную несправедливость. Однажды отец взял меня с собой в село Венчеллё (медье Сабольч), где находилась конюшня для рысистых лошадей графа Дежефи. Врача-ветеринара срочно вызвали осмотреть заболевшего скакуна по кличке Сокровище: конь был застрахован в международной страховой компании на триста тысяч

фунтов стерлингов. Там-то я впервые воочию и увидел вопиющие контрасты: лошади графа были окружены такой заботой и уважением, каким не пользовались люди, ухаживающие за ними.

До глубины души меня возмутило, что пол в конюшне выложен плиткой, помещение для лошадей оборудовано по последнему слову техники (горит электрический свет, имеется водопровод), тогда как совсем рядом в грязных перенаселенных комнатушках ютится прислуга.

Вернувшись домой и все еще находясь под впечатлением увиденного, я спросил у отца:

— Скажи, папа, разве это справедливо, что с лошадьми обращаются намного лучше, чем с людьми?

— Этого тебе еще не понять, сынок,— ответил отец, погладив меня по голове, и глубоко вздохнул.

Тогда мне действительно были непонятны причины такой несправедливости, однако с этого времени я начал серьезно интересоваться общественными проблемами.

В АРМИИ

В восемнадцать лет мне прислали повестку на военную службу, но, как студент университета, я получил отсрочку и был призван в армию только в 1910 году после окончания юридического факультета.

Меня назначили в 65-й королевский пехотный полк. Королевские полки составляли главную силу австро-венгерской армии. Кроме того, в нее входили австрийский ландвер и венгерская королевская армия гонведов. И те и другие подчинялись общему военному министру. Официальным языком в армии считался немецкий. Это правило, однако, не распространялось на армию гонведов. Но поскольку офицеры в большинстве своем были австрийцами, у меня с ними довольно часто возникали столкновения из-за языка, за что я попадал, конечно, на гауптвахту.

После года службы в армии я сдал экзамены, необходимые для получения офицерского чина, и уволился в запас.

В 1914 году, с началом первой мировой войны, меня вновь призвали в армию и направили в 85-й пехотный полк, который стоял тогда в Марамарошсигете. Мне было присвоено звание лейтенанта. Воевал я на русском фронте, в Галиции. Получив ранение, я несколько месяцев отлеживался в Балашшадьярмате, где находился штаб по укомплектованию 85-го пехотного полка. За бои в Карпатах меня наградили медалью «Серебряный витязский крест». Поправившись, я месяцев пять-шесть вел жизнь гарнизонного офицера, ухаживал за добрыми местными патриотками и мог бы оставаться в Балашшадьярмате и дольше, если бы не один случай. Я начал усиленно ухаживать за одной дамой, а она оказалась близкой знакомой самого начальника гарнизона. Полковник тотчас же отправил меня на фронт. Правда, при этом он одним взмахом руки произвел меня в ротные командиры. Итак, став очередной жертвой любви, я был вынужден раньше срока отправиться на фронт сражаться за императора Франца-Иосифа.

Австро-Венгрия была многонациональным государством, и поэтому национальный состав моей роты отличался чрезвычайным разнообразием: приблизительно в равном количестве здесь служили марамарошские румыны, венгры, немцы и евреи. Случалось, что во время движения на занятия или по дороге назад я ставил в голову колонны солдат различных национальностей и приказывал каждому запевать свою песню. Так, например, венгры начинали «Порезал я себе правую руку», немцы горланили «На родине, на родине», румыны запевали «Лист зеленый», а евреи тянули что-то свое, еврейское. Когда рота проходила через какое-нибудь село, местные жители высыпали на улицу и с большим оживлением слушали наше пение — одновременно на разных языках. Солдаты же в свою очередь тоже были довольны, так как чувствовали себя равноправными.

В те времена я еще не был знаком с марксизмом, но инстинктивно склонялся к интернационализму: для меня все солдаты были равны независимо от их национальности и вероисповедания. Но то, что солдаты одной роты исповедовали различные религии, вызывало порой большие затруднения. Так, например, когда на немецком языке раздавалась команда «К молитве», все должны были вставать на колени, в том числе и евреи, а это им запрещалось

их религией. Евреи не хотели есть свинину, а в армии в основном ее только и давали.

Много воплей и жалоб было во время стрижки волос. Верующие солдаты-евреи умоляли оставить им хотя бы небольшие пейсы. Обычно я убеждал их следующим образом:

— Что касается меня, то вы вообще можете никогда не стричься и отрастить себе волосы хоть до колен, но тогда меня накажут за невыполнение приказа.

Этот довод действовал всегда безотказно. Солдаты понимали, что тут уж ничего не поделаешь — хочешь не хочешь, стричься нужно, — но каждый прятал себе в карман по локону волос.

Некоторые евреи, стремясь уклониться от военной службы, добывали документы на женские фамилии, однако власти очень скоро раскусили эту хитрость.

Однажды во время построения роты я в шутку сказал солдатам:

— Кто не хочет идти на фронт, выйти из строя!

И один еврей, по фамилии Бухбаум (до армии он работал наборщиком в типографии), откровенно признался:

— Если бы я знал, что господин лейтенант не изволит шутить, я бы вышел из строя.

Этот солдат как-то доверительно сообщил мне, что пишет книгу и хочет посвятить лично мне большую-большую главу.

— Но, к сожалению, в таких условиях невозможно писать, — продолжал он, — так как здесь постоянно стреляют.

Пришлось перевести его в обоз. Удалось этому солдату написать свою книгу или нет, я не знаю. Но справедливости ради нужно сказать, что внешне невоинственные евреи зарекомендовали себя храбрыми бойцами.

В роте меня очень любили. Я относился к солдатам по-человечески, и они в свою очередь платили мне верностью. Не раз по ночам, вздремнув в окопе, я чувствовал, как кто-нибудь из солдат бережно накрывал меня шинелью.

Поскольку не всем из читателей «посчастливилось» сражаться на фронтах первой мировой войны (или, возможно, поистине счастливыми оказались те, кто не попал на фронт, потому что они были на пятнадцать — двадцать,

а то и тридцать лет моложе меня), я немного коснусь истории.

В годы первой мировой войны Венгрия входила в состав Австро-Венгерской империи. На территории Австрии преимущественными правами по отношению к другим проживающим в стране национальностям пользовались австрийцы, на территории Венгрии — венгры, точнее, венгерская буржуазия.

Австро-Венгерская империя была тюрьмой народов. Многонациональное население империи составляло пятьдесят два миллиона человек, из них австрийцев насчитывалось около семи миллионов, а венгров — приблизительно одиннадцать-двенадцать миллионов человек, то есть австрийцев и венгров всего было около двадцати миллионов. Значит, кроме австрийцев и венгров на территории империи проживало еще тридцать два миллиона человек других национальностей, которых поработила австро-венгерская буржуазия.

Первая мировая война вспыхнула в эпоху империализма, когда все противоречия капитализма обострились до крайности. Империалистические державы пытались найти выход из создавшегося кризиса путем развязывания войн, однако большая часть территорий, которые можно было бы захватить и превратить в свои колонии, была уже поделена между крупными государствами. Назревал конфликт за новый передел мира.

Поводом для начала первой мировой войны послужило незначительное на первый взгляд событие. В июне 1914 года в южной части Австро-Венгерской империи, в Боснии, в городе Сараево сербский студент-националист убил наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда. И как говорят простые люди: «В результате этого и разразилась война». Само собой разумеется, что войны начинаются отнюдь не потому, что кто-то где-то убивает эрцгерцога или короля, хотя в то время эрцгерцоги котировались гораздо выше, чем теперь. Однако и тогда убийство наследника послужило лишь поводом для развязывания войны.

В мире господствовали две крупные группировки государств. Австро-Венгрия, Германия и Италия образовали Тройственный союз. Им противостоял союз России и Франции, к которому затем присоединилась и Англия. Этот союз стал известен под названием Антанты. Несмот-

ря на свой высокий уровень экономического и технического развития, Соединенные Штаты Америки первое время стояли в стороне от европейских событий.

Итак, великие державы раскололись на два враждебных лагеря, и убийство эрцгерцога в Боснии было использовано германскими империалистами как повод для объявления войны. Германия чувствовала себя намного сильнее своих противников и сложившуюся ситуацию считала наиболее подходящей для начала войны. Сохранившиеся документы тех лет свидетельствуют о том, что война началась вовсе не из-за убийства эрцгерцога: она преследовала явно захватнические цели. Так, например, когда австро-венгерский министр иностранных дел не поспешил предъявить ультиматум Сербии, германский кайзер Вильгельм II сделал на полях дипломатической ноты следующую приписку: «Почему колеблется, почему мешкает этот идиот?»

И вот война началась, и как пели тогда в модной пештской песенке: «Все витязи ушли в солдаты...» Само собой разумеется, многие из них уходили в солдаты со слезами на глазах. И хотя буржуазия поставила на ноги весь свой пропагандистский аппарат, призванный воодушевить народные массы и создать видимость национального подъема, население Австро-Венгерской империи не выразило своего восторга по поводу начавшейся войны.

Нас, венгров, призывали отомстить за 1849 год, когда войска генерала Паскевича по приказу Николая I подавили национальное движение в Венгрии. Разумеется, такие призывы могли серьезно воспринимать только шовинистически настроенные элементы, главным образом офицеры, вышедшие из аристократических кругов. Однако на солдатские массы эта пропаганда не оказывала никакого влияния.

С наступлением зимы 1914 года особенно отчетливо проявилась экономическая и политическая слабость Австро-Венгерской империи. В среде буржуазии и офицерства процветало безграничное стяжательство, трусость и хамство. Солдаты же на передовой (на карпатском фронте) в снег и грязь получали такую обувь, что за несколько дней она разваливалась по всем швам. Ноги приходилось обматывать тряпками и в таком виде выполнять свой «патриотический долг».

Спустя четыре-пять месяцев после начала войны снабжение армии продуктами питания стало настолько плохим, что солдаты при раздаче хлеба подставляли свои шапки, чтобы не пропало ни одной крошки. Вполне понятно, настроение у солдат было очень скверное. Оно усугублялось еще и тем, что весной 1915 года австро-венгерская армия стала терпеть поражение за поражением и германское военное командование для укрепления сил своих союзников ввело в Карпаты специальную, так называемую Южную германскую армию.

Здесь-то и выяснилось, насколько «крепок» союз между Австро-Венгрией и Германией. Вооружение, обмундирование и снаряжение в германской армии было намного лучше, не говоря уже о снабжении продовольствием. Немецкие офицеры открыто презирали и всячески поносили солдат и офицеров австро-венгерской армии. Кроме того, семьи мобилизованных в армию венгров и австрийцев не получали от государства никакой помощи. Все это, вместе взятое, вызвало в австро-венгерской армии волну недовольства. Армия разлагалась. Участились случаи, когда кадровые офицеры, то есть люди, для которых служба в армии была их основной профессией, старались убежать подальше от фронта. Так, например, на нашем участке фронта вряд ли можно было встретить батальон, командир которого имел бы чин выше лейтенанта. Офицеры запаса, которых обычно в мирное время кадровые офицеры ни во что не ставили, вдруг превратились почти в полководцев. Им спокойно доверяли командование ротами и даже батальонами. И теперь кадровые офицеры при всяком удобном случае старались подчеркнуть, что запасники прекрасно умеют выполнять их распоряжения. Для кадровиков это было своего рода ширмой, за которой они отсиживались где-нибудь в тылу, на призывном пункте, приятно проводя время в кафе.

В ПЛЕНУ

Первого ноября 1915 года под Тарнополем я попал к русским в плен.

Несколько недель подряд шли тяжелые бои за реку Стрипа. Из моей роты, насчитывавшей более двухсот солдат, осталось всего около девяноста человек.

Люди очень устали, питались кое-как. Части русской армии прорвали линию нашей обороны и окружили нас. Мы потеряли связь с соседними частями.

Однажды вечером мне удалось связаться по телефону со штабом нашего полка. Ответил чей-то пьяный голос. Небрежным тоном он поинтересовался обстановкой на нашем участке. Я доложил, что мы окружены, полностью отрезаны от тыла и боеприпасы у нас на исходе. Однако, несмотря на это, нам не обещали никакой помощи, но приказали держаться до последней капли крови. Одновременно в телефонной трубке слышалась цыганская музыка и чье-то пение: значит, в штабе полка было довольно весело.

На рассвете следующего дня русские возобновили наступление. С гранатами в руках под громкие крики «ура» они ворвались в наши окопы. Нам же вовсе не хотелось сражаться до последней капли крови, и потому мы спокойно сдались в плен.

Русские отвели нас в долину реки Стрипа, где к тому времени собралось уже несколько тысяч военнопленных. Мы залегли, распластавшись на земле, так как русские пулеметчики искусно прочесывали местность. Я увидел понтонные мостики, по которым русские части переправлялись на противоположный берег. Я понял, что оставаться здесь было бы равносильно самоубийству, и потому потихоньку стал пробираться к ближайшей переправе. Моему примеру последовали и другие. В целости и сохранности несколько сот военнопленных перешли на русские позиции, расположенные на другом берегу Стрипы.

Мы не верили слухам о том, что русские казаки якобы поджаривают пленных на вертеле и бог знает чего только не делают с ними. И действительно, наши первые впечатления в плену были довольно приятными.

Русские позиции находились на высоком берегу реки, вскарабкаться на который было не так-то легко. Когда мы взбирались по откосу, русские солдаты протягивали нам свои винтовки со штыками (у русских тогда были трехгранные штыки, которыми можно было колоть, а не рубить). Ухватившись руками за русские винтовки, мы спокойно влезли в окопы. Похлопав нас по плечу, русские тотчас же начали угощать пленных чаем. Так мы благополучно миновали тот драматический момент, которого боялись больше всего.

Командиром русского корпуса, куда мы попали в плен, оказался барон фон Бринкен. Интересно, что Южной германской армией командовал барон фон Ботмер. Значит, немцы и бароны были везде: в германской армии — прусские бароны; в царской армии — прибалтийские немцы бароны.

Пленных отвели в ближайший тыл. Потом нас построили и направили на восток.

В вышестоящем штабе нас допросил русский капитан, говоривший по-венгерски. Ему хорошо было известно, что наш полк фактически состоял из остатков нескольких полков. Больше того, русский капитан даже знал, что в наш полк входили подразделения 65-го и 25-го полков. Видимо, это был искусный разведчик. Он так безукоризненно говорил по-венгерски, что было просто невозможно поверить, что он не венгр. Русский капитан объяснил, что одно время жил в Сомбатхейе, Капошваре и в Будапеште на проспекте Королевы Эржебет, и при этом сообщил нам, что венгров царское правительство считает наиболее опасными противниками, поэтому и увезут нас подальше, в Сибирь. Но, чтобы мы не падали духом, он тут же добавил, что в Сибири водятся не только одни медведи, что там есть и города, в которых имеются даже университеты.

Пешим порядком нас направили дальше. Трое суток подряд пленные солдаты и офицеры шли вдоль железнодорожной насыпи. Вместе с нами плелся один немецкий лейтенант. Он был в отчаянии. Его страшно возмущало, что мы как-то не очень опечалены своим положением. Мы объяснили ему, что нас нисколько не беспокоит наша военная карьера, так как мы не сами выбрали себе солдатскую профессию. Это был типичный прусский офицер. Вел он себя вызывающе, и поэтому, когда казак, не стерпев его наглости, влепил ему пощечину, мы все были очень довольны. Да это и понятно: союзнические отношения у нас с немецкими «друзьями» были весьма скверными.

Наконец мы добрались до какой-то железнодорожной станции. И тут нам пришлось убедиться, что классовое неравенство существует даже в плену. Наши кадровые офицеры, а были тут и полковники и майоры, очутившись в сорока — пятидесяти километрах от линии фронта, почувствовали себя в большей безопасности и начали рассортировывать наши ряды. Когда подошел состав, оказалось, что вагон первого класса предназначается для пол-

ковников, второго класса — для майоров и тому подобное. Значит, даже в плен офицеры поедут в мягких вагонах, а рядовых повезут как скот. Чаша терпения переполнилась. Сила принуждения со стороны своих офицеров уже была не властна над солдатами, и поэтому посадка по вагонам проходила в большой давке. Русские командиры испугались, что такое попрание офицерского авторитета плохо повлияет на их собственных солдат, направлявшихся на фронт, и начали наводить порядок.

Случилось так, что во время посадки я попал в вагон, предназначенный для старших лейтенантов. Только я расположился, как ко мне подошел какой-то старший лейтенант из пленных и грубо приказал убираться ко всем чертям. Поскольку мне никуда убираться не хотелось, я выругался, сказав офицеру что-то со словом «конский».

— Я знаю, что это значит, — заявил он мне по-немецки.

— Тем лучше, — ответил я. — Не надо будет переводить.

Господин офицер не успокоился и сообщил обо мне русскому командиру, после чего меня силой выставили из этого вагона.

В своих вагонах мы пытались по мере возможности поддерживать чистоту и порядок. День обычно начинался с уничтожения вшей. В громадной армии военнопленных были представители всех национальностей Австро-Венгерской империи, в том числе и очень много немцев. На нарах подо мной спал немецкий офицер, и однажды я увидел, что он не бьет пойманных насекомых, а осторожно опускает их на пол. Заметив мое изумление, он спокойно объяснил, что вши тоже живые существа и хотят жить. Я поинтересовался, а стрелял ли офицер на фронте. Он мне ответил, что, конечно, стрелял, но ведь там ему приходилось иметь дело с противником. Такое проявление немецкого гуманизма глубоко потрясло меня.

По пути следования мы остановились в Дарницком лагере для военнопленных под Киевом. Все бараки в лагере были забиты нашим братом до отказа. Только центральный корпус почему-то пустовал. Заглянув в окна, мы увидели там около пятидесяти кроватей, застланных чистым бельем. Никого не спрашивая, пленные выломали двери. Не успели мы как следует расположиться, как в дверях появился русский санитар. Он объяснил нам, что этот

корпус находится в распоряжении Красного Креста и только вчера отсюда увезли пятьдесят больных холерой. Оставаться здесь очень опасно, говорил русский, поэтому следует немедленно покинуть помещение. Для нас же самое главное было выспаться, и, не обращая никакого внимания на такое предупреждение, мы улеглись в постели и тотчас же уснули мертвым сном. Быть может, историю с холерой выдумали, чтобы припугнуть пленных; во всяком случае, этого санитара мы больше не видели и очень хорошо выспались.

Через несколько дней нас отправили дальше. К тому времени мы уже перезнакомились друг с другом (собралось нас человек сорок) и решили держаться все вместе. Мы так и сели в один вагон.

Теперь уже не было вагонов ни первого, ни второго класса. Нам подали «телячьи» вагоны, предназначенные для перевозки восьми лошадей или тридцати шести пленных. Правда, в этих вагонах стояли печки-буржуйки. Наши офицеры поначалу страшно возмутились, так как считали недостойным для себя ехать в таких вагонах. Они и нам приказали не садиться в эти вагоны, чтобы тем самым заставить русских уважать воинские звания пленных офицеров. Но мы в то время были настроены по-бунтарски, и, как только подали состав, все рядовые по моему предложению тотчас же сели в вагоны. У офицеров это вызвало бурю негодования. Осудив наше поведение, они тут же составили соответствующий протокол, но это не помогло: господам офицерам пришлось сесть в такие же вагоны — для скота.

И началась для нас жизнь на колесах. Мы знали, что нас везут в Сибирь, везут через всю Россию, а это долгий путь. И действительно, наше путешествие в «телячьих» вагонах продолжалось около трех недель. Топливо для печки нам давали, еду тоже давали. Оказалось даже, что, в то время как на нашем фронте мы подбирали каждую хлебную крошку, здесь, в тылу русской армии, за три копейки можно было купить превосходную французскую булочку. Это еще раз говорило о том, как плохи военные перспективы Австро-Венгерской империи. У царской армии были не только большие запасы хлеба, но и огромные людские ресурсы. Мы своими глазами видели, что в России народу больше, чем оружия. Призываемое в царскую армию пополнение получало оружие убитых или раненых.

Наша первая крупная остановка в Сибири была в Омске. Здесь мы расположились в старой крепости.

Состав военнопленных был самый разнообразный. Некоторые уже тогда стремились выделиться из общей толпы. Так, например, гусарский старший лейтенант Кальман Рац постоянно хвастался тем, что он командир 1-го взвода 1-го эскадрона 1-го гусарского полка гонведов, а такой взвод — один-единственный на всем белом свете. Кроме того, Кальман Рац все время строил планы побега, но ни один из них так и не попытался привести в исполнение. Рац постоянно вертелся в компании нескольких венгерских аристократов-офицеров. Среди них был некий граф Канель Круи — якобы потомок Арпадов. Рац всегда говорил о нем:

— Мой друг императорских кровей.

Но однажды, поссорившись, Рац назвал графа не Круи, а просто Канелем.

В омской крепости были и интернированные турецкие офицеры. Сначала они заинтересовали нас как нечто экзотическое. Более того, мы познакомились с несколькими из них ближе и учились у них турецкому языку. Они были очень непосредственными, даже слишком непосредственными людьми, а когда мы поняли, что многие из них — просто ненормальные, то стали побаиваться их. К счастью, нас вновь посадили в вагоны и повезли дальше на восток.

31 декабря 1915 года мы прибыли в Томск. Выгрузив из вагонов, нас несколько часов продержали на трескучем морозе. Мы дрожали от холода, так как летнее обмундирование было явно не по сезону. Наконец нас повели в город.

Наша группа, состоявшая из сорока пяти человек, расположилась в большой рубленой сибирской избе из нескольких комнат, которые, ко всеобщей радости, оказались хорошо натопленными. Единственной мебелью избы были деревянные нары без всяких матрацев и постельного белья. Пленных охраняли пожилые казаки-ополченцы. Они встретили нас по-дружески.

Теперь на повестку дня встали вопросы внутреннего распорядка. Старший лейтенант Кальман Рац, не долго думая, заявил, что он, как старший по званию офицер, само собой разумеется, должен возглавить нашу группу. Я поставил под сомнение его притязания на «трон» и предложил выбирать командиров, поскольку здесь не ка-



Ференц Мюнних в Томске (1918 г.)

зарма, а лагерь для военнопленных. Наша группа в основном состояла из запасников, и они сразу же поддержали мое предложение. Получилось так, что старшим группы выбрали меня. Кальман Рац вышел из себя и орал как угорелый, доказывая, что, как офицер, я не считаюсь с воинскими званиями. Он даже пригрозил мне припомнить все это по возвращении на родину. А я ему ответил: «Гордись сколько хочешь своим званием. Более того, можешь носить свои знаки различия хоть в могиле».

Так началась наша жизнь в плену. Постепенно мы стали обзаводиться всем необходимым. Сначала приобрели постельное белье, а когда среди нас нашелся человек, умеющий готовить, организовали собственную кухню. В сопровождении казаков-охранников мы могли ходить за продуктами на рынок и в магазины. Мы вовсю развернули собственное хозяйство, выбрали старшего по кухне, повара, закупщика продуктов и т. д.

Наши охранники вовсе и не собирались делать из нас шашлык. Относились они к нам дружелюбно. Более того, когда мы завязали знакомство с прекрасной половиной населения, наши казаки всячески помогали нам.

С каждым днем военнопленные все лучше узнавали друг друга. Люди разбивались по группкам, сближаясь на основе общности взглядов. Кальман Рац вместе с графами образовал свою, особую группу. Но заведенный порядок у нас был для всех один, так что иногда и графам приходилось шагать на рынок за продуктами.

Я подружился с моими однополчанами Бела Ярошем и прапорщиком доктором Кароем Рейнером. У нас были одинаковые взгляды на войну, на назревавшую русскую революцию и вероятные общественные преобразования в недалеком будущем. Мы много говорили о социализме.

Бела Ярош вырос в аристократической семье, до армии он работал в Марамарошсигете судебным секретарем. Это был интеллигентный, начитанный человек с широким кругозором. К социалистическим убеждениям он пришел постепенно, систематически анализируя общественные события. Карой Рейнер отличался живым умом и был очень подвижным человеком. Интерес к социализму в нем пробудили крестьянские волнения в Задунайском крае.

В Томске строили центральный лагерь для военнопленных. К июню 1916 года лагерь был готов, и нашей «золотой жизни» пришел конец. В этом лагере нас разместили в огромных бараках. Вместе были собраны большие массы людей. В лагере находилось несколько тысяч австрийцев и венгров. Была здесь и группа немецких офицеров, в большинстве своем — из запасников.

У военнопленных было достаточно времени, чтобы вдоволь наговориться друг с другом и выяснить общие точки зрения.

Бела Ярош, Карой Рейнер и я организовали специальную пропагандистскую группу и стали регулярно проводить обсуждения социальных вопросов. Непосредственное наше начальство в лагере состояло из пленных полковников и кадровых офицеров. Они считали нас предателями и социалистами. Мы и на самом деле были социалистами, нам только не хватало необходимой теоретической подготовки, да и опыт общественной работы у нас был пока небольшой.

Наша группа открыто выступила против войны и заявила о своем желании вместо королевской Венгрии иметь республику — самостоятельную и независимую Венгрию. Все это, разумеется, вызвало огромное возмущение у наших полковников и кадровых офицеров. Они устроили нам

бойкот и не разрешили обедать в столовой. Однако нам это не нанесло никакого ущерба. Заведующий кухней офицер запаса был наш хороший друг. Он посылал нам обеды прямо в барак, выбирая что повкуснее, так что мы питались даже намного лучше, чем господа офицеры. Таким образом, этот бойкот шел нам только на пользу.

Наши столкновения с кадровыми офицерами не прекращались.

Как-то полковник, по фамилии Планк, остановил меня во дворе лагеря и начал стыдить за то, что я не ношу знаков различия.

— Разве это хорошо? — увещевал он меня.

Я ответил, что, быть может, это и нехорошо, но когда в 1914 году меня призвали в армию и погнали на войну, даже не спросив моего желания, — это ведь было совсем нехорошо.

Однажды меня вызвали на офицерский суд чести. Я пошел и наговорил массу неприятных вещей.

— Господин лейтенант, насколько мне известно, в вашей семье есть высокопоставленные офицеры, и я никак не могу понять причину вашего поведения, направленного на подрыв нашей армии, — сказал мне один майор.

— Действительно, в нашей семье были и такие. В детстве они страдали умственной отсталостью, вот родители и отдали их в военную школу. А там, видимо, они как раз и подошли...

Так мы и жили, постоянно препираясь с офицерами. Они нас то и дело вызывали на суд чести. Принудить ходить на заседания этого суда никто не мог, но от нечего делать мы все же ходили туда. Для нас это было своего рода развлечением, еще одной возможностью досадить господам офицерам.

Однажды я взял да и снял свои лейтенантские звездочки. Не потому, что чувствовал себя обойденным в чине, как было с некоторыми: «Почему, мол, я не полковник?» Вовсе не поэтому. Снял по политическим мотивам — в знак протеста против войны и милитаризма.

Тем временем наша пропагандистская группа росла. Собираясь вместе, мы живо обсуждали революционную ситуацию в России.

Чтобы хоть как-то развлечься, военнопленные организовали театральный кружок. Женские роли готовили молодые кадеты. В день спектакля они так хорошо загримиро-

вались, что русские охранники, поднявшись прямо на сцену, потребовали у «актрис», проникнувших на территорию лагеря, пропуска. Некоторые пожилые офицеры тоже вообразили бог знает что. Сразу же после окончания спектакля они наперебой стали дарить «женщинам» цветы, а потом, осторожно взяв «актрис» под руку, прогуливались с ними по лагерному двору. Зрелище было довольно забавное.

РЕВОЛЮЦИОННО-ОРГАНИЗАТОРСКАЯ РАБОТА

В 1916 году после известного Брусиловского прорыва в лагерь прибыли новые пленные. Среди них оказался и Бела Кун. Ему стало известно о нашей деятельности в лагере, и он быстро установил с нами связь. С приходом Бела Куна вся агитационная работа в лагере пошла в марксистском направлении. Мы доставали марксистскую литературу и с большим воодушевлением и усердием читали и изучали ее. В этом нам помогал один преподаватель Томского университета. Правда, впоследствии, узнав, что мы присоединились к Российской социал-демократической рабочей партии, он отошел от нас.

Вся наша деятельность проводилась под лозунгом классовой борьбы, за что пленные офицеры ненавидели нас и грозились перевешать всех по возвращении на родину. Меня, например, они не раз спрашивали, что я скажу о такой перспективе, и я им неизменно отвечал:

— В самом худшем случае я не вернусь домой, но думаю, что и у нас скоро будет то же самое, что в России.

Этому, конечно, никто из офицеров не хотел верить.

В конце 1916 года для несения караульной службы в наш лагерь прибыли солдаты царской армии из Прибайкалья. Все они были потомками немцев-переселенцев, и с ними мы уже могли свободно изъясняться по-немецки. Некоторые из них называли себя убежденными социалистами. Они рассказывали, что в России происходят большие волнения, массы выражают недовольство царским режимом и вот-вот должно что-то произойти. Мы это приняли к сведению.

Рядом с нами находился другой лагерь для военнопленных, в котором содержались одни рядовые. Нам не разрешалось туда ходить, так как царское правительство, строго придерживаясь правил военной субординации, считало, что офицерам неприлично болтаться в лагере для рядовых. Как нам стало известно, в этом лагере было много старых квалифицированных рабочих, которые принимали участие в революционном движении. Однажды, притворившись больными, мы попали в местный госпиталь. Там и удалось нам установить связь с этими товарищами. Таким образом, в обоих лагерях для военнопленных развернулась агитационная и пропагандистская работа. В лагере для рядовых оказалось много замечательных революционеров. Они активно включились в общественную работу и за короткое время добились больших результатов.

Февральская революция 1917 года принесла и нам большое облегчение. Мы в лагере стали даже выпускать газеты на трех языках: «Непсаву» — на венгерском; «Пролетарий» — на немецком и «Коммунист» — на чешском. Эти газеты пользовались большой популярностью у военнопленных.

В начале 1917 года мы познакомились с товарищем Ансоном из Латвии. Долгое время он жил в сибирской ссылке. После Февральской революции его освободили, и он переехал в Томск. Таких, как он, здесь было много. С большим интересом они изучали труды зарубежных социалистов и оказывали нам неоценимую помощь в распространении политических знаний.

Нам разрешалось участвовать во всех собраниях и митингах. 1 Мая на демонстрацию в Томске вышли многие военнопленные. Помню, Бела Кун, Бела Ярош и я выступали перед демонстрантами на митинге. В этот торжественный день некоторых из нас приняли в местную организацию большевиков.

В Томском Совете большевики пользовались огромным влиянием. Они добились (это было во времена Керенского), чтобы нам разрешили жить в самом городе. Мы могли теперь более или менее свободно заниматься революционной деятельностью, хотя и находились в распоряжении администрации лагеря.

Политические события в России разворачивались стремительно. Реакционная политика буржуазно-либерального правительства Керенского, с нашей точки зрения, успеха

в Томске не имела. В сентябре 1917 года мы по собственной инициативе приступили к формированию отряда Красной гвардии из военнопленных. Когда я однажды заявил пленным кадровым офицерам, что начиная с этого дня охранять их будут не бородатые русские революционеры, а венгерские красногвардейцы, они мне не поверили.

— Неправда! Разве может венгерский солдат нарушить присягу и держать под охраной своих офицеров?

Я ответил: «Поживем — увидим!» И вот в один прекрасный день, прогуливаясь неподалеку от ворот, офицеры, к своему изумлению, увидели, что перед воротами с винтовкой на плече расхаживает часовой, похожий на венгра. Заговорив с ним, они убедились, что это действительно венгр.

Офицеры напустились на часового:

— Как тебе не стыдно, предатель! Вот вернешься на родину, тебя за это повесят!

Часовой снял винтовку с плеча и спокойно сказал:

— Послушайте, господа офицеры, перестаньте болтать. С часовым разговаривать не разрешается!

Офицеры не отставали. Тогда часовой по всем правилам загнал патрон в патронник и прикрикнул на них:

— Убирайтесь отсюда, а то буду стрелять!

Офицерам пришлось подчиниться. Теперь уж они воочию убедились, что охрана лагеря находится в руках венгров-красногвардейцев.

За годы войны офицеры не раз оскорбляли человеческое достоинство рядовых и так им насолили, что теперь солдаты и унтер-офицеры, став красногвардейцами, часто старались отплатить своим обидчикам. Вот один случай.

Наше управление находилось от лагеря километрах в трех. В день выплаты денег (а нам даже доверялось выдавать офицерам деньги, пересылаемые через Общество Красного Креста) я позвонил по телефону начальнику охраны (не то товарищу Сабо, не то товарищу Тоту — не помню точно фамилию), чтобы он привел для получения денег таких-то и таких-то офицеров. Позже мне рассказали, как все это происходило. Товарищ Тот выстроил полковников и майоров, скомандовал им: «Смирно!», а потом, пользуясь терминологией самих же офицеров, приказал им: «Вы — солдаты и должны знать, как следует себя вести в строю. При движении по городу курить и болтать запрещается!» Надо думать, что такое обращение

полковники и майоры восприняли без особого воодушевления.

Дожидаясь прихода офицеров, я сидел в комнате. Услышав топот и слова команды, вышел на улицу. Во дворе товарищ Тот командовал:

— Взвод, стой! Направо! — Затем он подошел ко мне и по-военному доложил: — Товарищ командир, указанные вами офицеры приведены мною для получения денежного содержания.

Я приказал ему подать команду «Вольно». Он быстро исполнил это и от себя добавил, что теперь можно и болтать и курить. Короче говоря, командовал офицерами он точно так же, как когда-то они им, и делал это весьма артистично.

Конечно, все это мелочи, но они помогают лучше почувствовать ту атмосферу, которая царила в лагере. Если вспомнить «Похождения бравого солдата Швейка», то все, что описал Гашек, покажется сравнительно бледной копией того, на что нам пришлось насмотреться. Так, в лагере для военнопленных все равно требовали строго соблюдать правила субординации. Старшего по званию младший должен был приветствовать первым. Если кто-нибудь нарушал это правило, его немедленно вызывали к уланскому полковнику, ну уж а тот умел «снимать стружку» с провинившегося и грозился в следующий раз поставить нарушителя посредине двора, чтобы он приветствовал всех проходящих мимо. Наблюдая подобные сцены, мы от души смеялись. Кроме того, в лагере постоянно разбирались персональные дела офицеров. Если один офицер оскорблял другого, обиженный обязан был вызвать своего обидчика на дуэль. Назначались секунданты, которые обсуждали условия дуэли и составляли протокол, где записывали, что ввиду военного положения дуэль в настоящих условиях состояться не может и откладывается до возвращения на родину. Эти поистине опереточные сценки несколько разнообразили и оживляли нашу лагерную жизнь.

Среди военнопленных были представители всех национальностей Австро-Венгерской империи: и хорваты, и австрийцы, и словаки, и словенцы, и румыны — все кто угодно, однако больше всего было венгров. Между прочим, венгры наиболее сознательно реагировали на происходящие события и буквально «пачками» вступали в Красную гвардию. Происходило все это еще до Великой Октябрь-

 Зак. 1127

ской социалистической революции, программа партии большевиков нам была известна лишь в основном, да и по-русски-то мы говорили кое-как. В работе наших пропагандистов и агитаторов имелись недостатки и ошибки. Но все дело в том, что многие венгерские военнопленные, процентов этак восемьдесят пять, были до войны крестьянами и, конечно, бедняками: ведь сыновья кулаков в большинстве случаев освобождались от службы в армии. Венгерские крестьяне тянулись к русской революции, так как их кровно интересовал вопрос о разделе земли. Поэтому агитировать венгров вступать в Красную гвардию было делом нетрудным.

Познакомившись поближе, русские стали относиться к нам с большим доверием. Русским нравился наш интерес к их делам, и очень скоро они помогли нам установить связь с революционными организациями Томска, так что наша агитационная работа среди военнопленных стала неразрывно связана с местным революционным движением. Мы принимали участие в собраниях и митингах большевиков, а затем под видом развлекательных вечеринок сами провели несколько собраний. Помещения нам предоставляли местные организации большевиков. С докладами на таких собраниях чаще всего выступали Бела Кун, Карой Рейнер, Имре Силади и я.

Если в период, предшествовавший Февральской революции в России, нам приходилось заниматься общественно-политическими проблемами чисто научно, то теперь в своей работе мы перешли к открытой революционной агитации. Поскольку русская революционная теория придавала чрезвычайно важное значение вооруженной борьбе, наши организации тоже развернули широкую кампанию по подготовке к вооруженному восстанию. В своих выступлениях мы постоянно подчеркивали, что ситуация в Венгрии похожа на ситуацию в России, и призывали своих соотечественников активно поддерживать русскую революцию, так как ее победа ускорит приход революции в Венгрии.

Во многих районах России тогда проходили собрания большевиков, на повестку дня ставился вопрос о вооруженном восстании. Наши революционные организации военнопленных в свою очередь принимали решение активно участвовать в вооруженной борьбе русского пролетариата. За короткое время нами было сформировано два батальона Красной гвардии.

Революционный комитет военнопленных проводил свою работу дифференцированно. Общее руководство осуществлял Бела Кун, все вопросы печати были доверены Карою Рейнеру, я занимался вопросами военной подготовки. Само собой разумеется, все более или менее важные проблемы обсуждались в широком кругу, так что руководство у нас было в полном смысле слова коллективным. О деятельности нашей организации стало известно по всей огромной территории Сибири. К нам приезжали руководители революционных организаций из других лагерей, чтобы познакомиться с нашей работой. Мы охотно делились своим опытом. Вот тогда и возникла идея обсуждать все вопросы революционного движения военнопленных на общих собраниях в районах или на конференциях. Это полностью отвечало бы интересам единства руководства и помогало бы решать целый ряд теоретических проблем. И вот в феврале 1918 года состоялась объединенная конференция военнопленных, находящихся в лагерях на территории Западной и Средней Сибири. В работе этой конференции приняли участие все крупные революционные организации лагерей для военнопленных. На конференции мы окончательно сформулировали свое отношение к русской революции и приняли решение с оружием в руках поддерживать ее.

В ОГНЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В феврале 1918 года отряды казацкого атамана Семенова, бежавшие от революции в Маньчжурию, предприняли нападение на пограничные районы России. Партийные и советские органы Сибири обратились к нам за помощью. Из добровольцев был срочно сформирован батальон под командованием бывшего комбата Лани. Этот батальон геройски сражался с белоказацкими бандами. Наши красногвардейцы, оставшиеся в Томске, помогали большевикам бороться с происками местной контрреволюции.

В то время в Томске проживало сто тысяч жителей. Кроме коренного населения в Томске находилось около шести тысяч демобилизованных царских офицеров и множество бывших правительственных царских чиновников,

сосланных сюда по той или иной причине. Бывшие царские офицеры и чиновники представляли серьезную контрреволюционную силу. Томск еще не был промышленным центром, и местная большевистская организация объединяла не так уж много членов в своих рядах. Она состояла из сознательных, преданных делу революции людей, но среди них не было военных специалистов. И поэтому наши два батальона Красной гвардии, хорошо подготовленные в военном отношении, стали существенным подспорьем для большевиков. Мы охраняли такие важные объекты, как здание парторганизации, почтамт, банк. В наше распоряжение было предоставлено несколько грузовиков. На них мы носились взад и вперед по всему городу, стремясь одним своим видом нагнать побольше страху на контрреволюционные элементы и создать впечатление нашей мощи.

В начале 1918 года в большевистскую организацию города влились свежие силы. Неподалеку от Томска находились два рудника, которые действуют и до сих пор. Оттуда к нам пришли шахтеры. Им выдали оружие, а мы обучали их военному делу. Вместе с русскими братьями венгры успешно боролись с контрреволюцией и постоянно поддерживали порядок в городе.

Все эти факты говорят о том, что венгерские пленные вступали в Красную гвардию на добровольных началах, по зову своего сердца. Нас согревала вера, что, защищая русскую революцию, мы приближаем победу пролетарской революции и в Венгрии. Русские товарищи прекрасно нас понимали, а это было очень важно и существенно.

Проводя большую организационную и агитационную работу среди военнопленных, мы видели, как день ото дня растет число сторонников и защитников молодой Советской республики. Русская революция разбудила пассивную солдатскую массу. И несмотря на трудные условия плена, наши солдаты и очень многие кадровые офицеры примкнули к революционной организации военнопленных. Люди готовы были отправиться хоть за тысячу верст, чтобы сражаться за Советскую власть.

В декабре 1917 года Бела Куна отозвали в Петроград для работы в партийном центре. Вновь мы с ним встретились только в июле, когда я сражался в отряде томских красногвардейцев на Урале против армии Колчака.

После победы Великой Октябрьской социалистической

революции мы стали равноправными гражданами Советской республики. Ни Австро-Венгерская империя, ни Германия не хотели признавать молодого Советского государства. Они направили Советскому правительству ноты протеста, считая недопустимым, что в рядах Красной гвардии сражаются их подданные.

Вопреки ноте австро-венгерского правительства венгерские красногвардейцы проявляли высокую политическую сознательность и во многих случаях коллективно, целыми батальонами принимали советское подданство. Характерно, что в основном это были простые люди — рабочие и крестьяне. Они прекрасно понимали, что на родине их ждет тюрьма или виселица. Конечно, принять другое подданство — это трудный шаг, и нельзя сказать, чтобы этот факт воодушевлял всех в равной степени, однако это говорило о росте политического сознания простых людей. Они делали это во имя будущего. Пример Великой Октябрьской революции вдохновлял их. И мы, как руководители революционного движения среди военнопленных, поддерживали в них веру, что рано или поздно произойдет такая же революция и в Венгрии.

Повсюду на добровольных началах из военнопленных формировались все новые и новые воинские подразделения. Во вновь созданных отрядах красногвардейцев проводилась большая агитационная работа, возникали революционные комитеты, выходили газеты.

Следует заметить, что, в то время как основная масса венгерских пленных довольно легко, без особых колебаний переходила на сторону Октябрьской революции и вступала в отряды Красной гвардии, немцы, обманутые оппортунистической пропагандой социал-демократов, шли на это с трудом. От них часто приходилось слышать, что они симпатизируют русской революции, но действовать начнут только по возвращении на родину. К сожалению, им так и не удалось в то время показать свои силы в Германии.

Летом 1918 года международная реакция бросила против молодой Советской республики четырнадцать империалистических государств. В то же время и внутренние силы контрреволюции активизировали свою подрывную деятельность. Главным фронтом гражданской войны в 1918 году стал Восточный фронт, проходивший между Волгой и Уралом. Здесь наступала армия Колчака, поддерживаемая империалистами Японии, Америки, Франции, Италии и

других капиталистических стран. Вторым по важности был Южный фронт.

В феврале 1918 года Советское правительство подписало декрет о создании Красной Армии. В огне боев формировались батальоны, полки, дивизии. Красногвардейские отряды кронштадтских моряков, петроградских, иваново-вознесенских, харьковских и киевских рабочих вливались в ряды Красной Армии и геройски сражались с врагами революции.

Венгерские красногвардейцы попали на Восточный фронт, на Урал. Здесь, в глухих уральских лесах, по бездорожью нам пришлось сражаться с контрреволюционными чехословацкими частями генерала Гайды, с войсками казацкого атамана Дутова и, наконец, с армией Колчака.

В первые годы своего существования Красная Армия переживала большие трудности, особенно если учесть нехватку хороших военных специалистов. Среди бывших царских офицеров, перешедших на сторону Красной Армии, оказалось много предателей. Кроме того, известная часть матросов, главным образом в Кронштадте, находилась под сильным влиянием анархистов. В таких условиях подготовленные в военном отношении и дисциплинированные интернационалисты были своеобразным примером.

Любое воспоминание о Великой Октябрьской социалистической революции, даже если оно касается мелочей, помогает глубже понять эту историческую эпоху. Чтобы воспитать нашу молодежь в духе революционных традиций, необходимо больше рассказывать и о героическом пути Советской республики, и о том, что связывает наш народ с великим советским народом.

Пятидесятилетие Октябрьской социалистической революции — праздник для трудящихся всего мира, но для нас, венгров, это особое торжество, так как тысячи венгерских интернационалистов участвовали в борьбе русского пролетариата. А это в свою очередь создало предпосылки для того, чтобы в Венгрии вслед за Россией была создана революционная партия пролетариата, партия нового типа, под руководством которой, учтя опыт Великого Октября, венгерский рабочий класс вторым в мире провозгласил в своей стране диктатуру пролетариата.

ДОМОЙ

В последних числах октября 1918 года в лагерь пришла телеграмма. Меня, Бела Яроша и Кароя Рейнера вызывали в Москву в комитет военнопленных к Ференцу Янчику. Бела Ярош и Карой Рейнер уже не смогли прочитать этот вызов: за несколько недель до его получения они погибли в ожесточенных боях с Колчаком.

В Москву я приехал за три дня до назначенного срока. И только теперь почувствовал, как я устал. Устал, конечно, не от долгого пути в Москву. Это была усталость от войны и плена.

Несколько лет революционной борьбы также давали себя знать. Ведь порой приходилось работать в тяжелых, изнурительных условиях, с большим физическим и духовным напряжением. Но мы умели доводить дело до конца.

Член комитета военнопленных Ференц Янчик был одним из организаторов и руководителей венгерских металлистов. Еще до победы Октябрьской революции он наладил контакт с большевистскими организациями России. Янчик сообщил мне радостную весть: меня решено послать на родину, в Венгрию.

Венгрия в то время примыкала к левому крылу в рабочем движении, и из-за этого тогда было ужасно много конфликтов, беспокойств и неприятностей. Особенно она отличилась 23 мая 1912 года, в так называемый «кровавый четверг».

— Как и когда я еду, товарищ Янчик?

— Дня через два, товарищ Мюнних. А как — на этот вопрос очень трудно ответить. Ясно одно: дорога будет не легкой, а само путешествие далеко не безопасным.

На стене кабинета висела географическая карта довоенной Европы, точнее, карта изображала европейскую часть России, Германию да восточные владения габсбургской монархии. Карта эта видала виды. Она была настолько испещрена, что, казалось, здесь зафиксированы все события политической жизни начиная с августа 1914 года. Разглядеть государственные границы на ней было не так-то уж просто. Карта отражала и боевые пути армий, и падение империй, и рождение новых государств.

В те дни только что распалась габсбургская монархия,

и можно было не сомневаться, что и империя Гогенцоллеров доживает свои последние дни.

— Пожалуйста, вот ваш путь!

Тогда между Советской Россией и Венгрией образовалось с полдюжины различных «государств-малюток».

Ференц Янчик продолжал:

— Как проехать лучше, я и сам не знаю, да и никто не может вам этого сказать. Во всяком случае, надо как-то пробираться, потому что вы очень нужны дома.

Янчик не преувеличивал: действительно никто не мог посоветовать, как лучше сейчас попасть в Венгрию, и хотя мы в комнате были одни, Янчик наклонился и тихо сказал мне на ухо:

— Бела Кун и Карой Вантуш уже выехали туда. Вы же поедете впятером. Одновременно с вами, но уже без специального поручения, на родину выезжает несколько сот венгров-красногвардейцев. Эти ребята научились сражаться за власть рабочих, поэтому и дома найдут себе настоящее место.

Мы возвращались в Венгрию. Конечно, жаль было расставаться с боевыми уральскими друзьями, но мы возвращались домой. Радости моей не было границ. Наконец-то сбылась мечта венгерских интернационалистов о возвращении на родину. Теперь-то мы сможем поделиться со своим рабочим классом опытом революционной борьбы.

Мне вручили адрес, по которому я должен был явиться в Будапеште. На дорогу мне выдали царские деньги, еще бывшие тогда в обращении, и паспорт. По паспорту я значился австрийским гражданином Карлом Рейтером, работником международного Красного Креста, едущим в Вену. Настоящий же Рейтер за несколько дней до этого умер в Вене от тифа. Моими попутчиками были Иштван Хайду, Вильмош Бреслер, Ласло Самуэли и Иштван Богнар. Четыре превосходных товарища, но с одним общим недостатком — ни один из них не говорил по-немецки. Особенно опасно это было потому, что у них у всех были австрийские паспорта, согласно которым все четверо возвращались на родину как австрийские военнопленные. Выдавать же себя за венгров было в то время еще опаснее, так как всех венгров считали тогда коммунистами, даже если и не было для этого каких-либо оснований. Тогда я и сам

говорил по-немецки на дебреценском, вернее, на токайском наречии, но ничего не поделаешь: я нес ответственность за всю группу и был своего рода ее «языком». В дорогу мы оделись потеплее. Деньги я зашил в подкладку брюк. Итак, мы тронулись в путь, в Венгрию.

Зима в тот год наступила очень рано, на полях уже лежал глубокий снег. До Шепетовки ехали поездом — если и не совсем удобно, то все-таки в довольно сносных условиях. Само собой разумеется, поезд не отапливался. В довершение ко всему стекла кое-где были выбиты, а точнее, кое-где сохранились, и в окнах свистел ветер. Несмотря на это, мы не очень мерзли, так как вагоны были набиты битком, к тому же нас согревали теплые полушубки.

Шепетовка считалась тогда пограничной станцией. Здесь кончалась Советская Россия и проходила демаркационная линия. Чья власть была за этой линией, мы не знали. Да этого не знали даже те, кто там жил.

Пограничную службу на демаркационной линии несла армия Петлюры, а она в основном состояла из украинских кулаков и шовинистов и уже тогда снискала себе славу армии убийц и грабителей. При переезде через границу документы проверяли петлюровские офицеры.

Эта встреча не предвещала нам ничего хорошего. Петлюровский офицер больше смотрел на меня, чем в паспорт. Он внимательно изучал мое лицо.

— Это фальшивый паспорт! — заявил он вдруг решительно. — А вы сам — большевик!

Я понимал, что спорить в этот момент бесполезно и опасно. Моя жизнь находилась в руках этого петлюровца. Вдруг у меня мелькнула мысль. Наклонившись к его уху, я прошептал:

— Я австрийский офицер. Мы бежим от большевиков.

Петлюровец несколько мгновений колебался, раздумывая и еще внимательнее изучая меня. Я вытянулся по-военному, как только мог, и изо всех сил старался быть похожим на офицера. Кажется, мне это удалось. Петлюровец крепко пожал мне руку и небрежно произнес:

— Можете ехать!

Через час мы опять сидели в поезде. Нелегко было нам пробраться в город, особенно через районы, занятые петлюровцами. Районы эти буквально кишели людьми и были похожи на огромную ярмарку. Немецкие солдаты, пришедшие на Украину как завоеватели, теперь бойко тор-

говали на всех перекрестках. Торговали они не только награбленным (часто продавая его тем, у кого оно было отнято), но и своим оружием. Нас это очень удивило, ибо солдат, торгующий своим оружием, уже не солдат.

Еще больше нас удивило то, что немцы почему-то добровольно ходят патрулировать. Вскоре все стало ясно. Однажды подобный патруль остановил нас, пытаясь арестовать. Но как только мы предложили пятьдесят царских рублей, нас отпустили на все четыре стороны. Таким образом солдаты императора Вильгельма находили для себя дополнительный заработок. Все это говорило о полной деморализации армии.

Нам посчастливилось занять сидячие места, но поезд почему-то не трогался. Оказалось, петлюровские и немецкие патрули разыскивали среди пассажиров большевиков. Мы не вызвали никакого подозрения, но несколько поляков и евреев были зверски избиты. Их потом сбросили с поезда. Таков был результат проверки. Большевиков же найти так и не удалось.

Поезд тронулся. После частых и, как нам казалось, беспричинных остановок наш состав наконец-то прибыл в Киев.

То, что мы увидели здесь, вообще не поддается никакому описанию. На улицах Киева торговали не только личным оружием, но и пулеметами. Вполне возможно, что продавали даже пушки. Оружие и (как нам позже стало известно) женщины стоили буквально копейки, хлеб стоил несколько рублей. За мясо, колбасу, чай, табак платили по десяти — двенадцати рублей и даже по сто. Самым дорогим товаром была водка.

На улицах — будто бал-маскарад: здесь можно было встретить представителей всевозможных армий (царской, немецкой, габсбургской) и всех родов войск в самых различных вариантах. Мелькали немецкие сапоги, брюки венгерских гусар, шинели австрийских улан и меховые казацкие папахи. И над всей этой пестротой возвышались виселицы. Они стояли на особенно оживленных перекрестках и площадях и были рассчитаны сразу на несколько человек. Виселицы подобного рода изобрели австрийцы, а немцы, украинцы и поляки быстро переняли это новшество. На виселицах болталось по пять-шесть трупов, мужчин и женщин вперемежку. Трупы висели до тех пор, пока их

место не требовалось для новых жертв. К счастью, с нами здесь ничего не случилось.

Мы были очень голодны и страшно продрогли. И хоть на нашем пути попадалось много пивных и закусочных, ни в одну из них мы не рискнули заглянуть. В одном из переулков Самуэли разыскал какого-то зазевавшегося извозчика. Он сидел на одноконной повозке — что-то вроде будапештского конфлиша. На извозчике был длинный кафтан, подпоясанный не то красным, не то зеленым кушаком. Но главной достопримечательностью нашего возничего был запах: от него сильно разило чесноком и водочным перегаром. Я объяснил ему по-русски, что у нас есть деньги и мы хотели бы выпить и поужинать. Он не заставил себя упрашивать и пригласил нас к себе. Время от времени он повторял, что с этой минуты мы — его гости. Я до сих пор не могу понять, как нам впятером удалось втиснуться в его пролетку и как она не развалилась под тяжестью наших тел.

Мы благополучно добрались до квартиры извозчика. Хозяин предоставил нам большую нетопленную комнату. На ее немытом и давно не метенном полу можно было разместиться всем пятерым. Мы пробыли у нашего хозяина «в гостях» целую неделю, конечно, за соответствующую плату.

В первый вечер для нас был организован поистине княжеский ужин. Хозяину удалось достать, безусловно из-под полы, дюжину немецких консервов и огромную бутыль самогонки. Само собой разумеется, водка была выпита самим хозяином — мы к ней не притронулись. Извозчик же мог выпить безбожно много: он нисколько не пьянел, а лишь становился более разговорчивым. Он оказался довольно осведомленным человеком, от него-то мы и получили подробную информацию об обстановке. Мы узнали, что в Киеве все еще хозяйничает гетман Скоропадский, власть которого держится в основном на штыках немцев и австрийцев. Окраины же города заняты петлюровцами. Немецкие части, не успевшие вовремя убраться восвояси, объявили себя нейтральными и теперь просили у Петлюры разрешение выехать на родину.

Мы проговорили до самого рассвета. Недалеко от нашего дома всю ночь гремели залпы. Хозяин пояснил, что это совсем рядом, на пустыре, политическая полиция Скоропадского расправляется с рабочими, заподозренными в

коммунизме, с арестованными поляками и евреями и даже с самими украинцами, которые якобы симпатизируют Петлюре. Кроме того, каждую ночь здесь расстреливают и австрийских солдат.

Мы с любопытством рассматривали нашего хозяина. Это был высокий, несколько сутулый, худощавый мужчина лет пятидесяти. Он носил бороду и усы и считал себя закоренелым холостяком. Извозчик таким равнодушным тоном рассказывал о зверствах полиции, как будто его совершенно не беспокоило это мерзкое соседство. Нам же стоило большого труда скрыть свое волнение.

Лишь на рассвете, когда утихли залпы, мы наконец уснули. Утром хозяин ушел на работу, оставив нас в квартире без всякого присмотра. Значит, он доверял нам. Мы собрались на «военный совет». Было очевидно, что показываться на улице нам чрезвычайно рискованно. В то же время нужно было действовать, чтобы поскорее выбраться отсюда. Пока мы совещались на квартире извозчика, на окраинах беспрестанно строчили пулеметы.

Нам необходимо было выйти в город. На помощь пришел случай. У Ласло Самуэли сапоги оказались на два размера меньше, чем нужно. Они ужасно жали. Надо было как-то достать ему новые сапоги. И тут выяснилось, что хозяин знает человека, у которого можно купить их.

Вечером извозчик привел к нам своего знакомого.

Он оказался немецким фельдфебелем. Чтобы не привлечь к себе внимание, он распродавал остатки забытого склада мелкими партиями. Мы купили у него пару сапог, скрепив наше знакомство водкой. Он сообщил нам, что Петлюра разрешил немецким войскам покинуть город. Послезавтра будет отправляться эшелон на Дубно. За приличное вознаграждение фельдфебель согласился устроить нас в этот эшелон. Мы договорились и дали ему задаток. Фельдфебель свое слово сдержал. Он действительно пристроил нас в эшелон, и мы относительно спокойно доехали до Дубно.

Дубно оказался довольно тихим городом. Немцы и австрийцы почти все ушли из него, а петлюровцы и поляки почему-то еще не ввели сюда свои войска. И несмотря на то что через город шло буквально переселение народов, в нем было тихо. А тысячи, десятки тысяч людей, передвигавшихся с востока на запад и с запада на восток, стремились не вызывать особого шума и сенсаций.

Нам опять повезло: мы попали в пивную, хозяином которой был шваб из Бачки (беглый военнопленный), выдававший себя, разумеется, за серба. Он был превосходным корчмарем. Из самогона с помощью малинового сиропа он приготовлял «токайское», а из кролика — настоящую «пражскую» ветчину. Распив с ним несколько бутылок вышеупомянутого токайского, мы подружились. Он сообщил нам, что Венгрия стала республикой (в Будапеште еще никто не знал об этом, а он уже знал). От него же мы впервые услышали, что германский император бежал в Голландию.

Наш новый хозяин, конечно, догадывался, кто мы такие, хотя мы и не распространялись на эту тему. Он подробно ознакомил нас с указом императора и короля Карла, по которому каждый возвращающийся из России военнопленный, подозреваемый в «дружбе с большевиками», тотчас же отдавался под суд.

Мы недурно устроились у корчмаря. Здесь можно было бы неплохо отдохнуть, если бы у нас хватило на это терпения. Но мы спешили, и нам нужно было спешить. От Дубно до Броды поезда не ходили. Тогда хозяин свел нас с одним крестьянином-поляком, который согласился довезти нас на телеге до Броды, конечно, за приличную сумму.

В пути мы основательно продрогли. Шел снег, дул сильный ветер. Подъезжая к Броды, мы еще раз имели счастье встретиться с одним из представителей Австро-Венгерской империи, а вернее, с ее тенью. Там, где несколько дней назад проходила австрийская граница, стоял унтер-офицер и взимал с военнопленных, возвращающихся на родину, пошлину. Эти деньги он наверняка клал себе в карман. Причем этот унтер-офицер ввел своеобразное новшество: пошлина взималась им не с количества провозимого товара, а «с головы». Итак, уплатив пошлину последнему таможеннику габсбургской монархии (справедливости ради нужно сказать, что плата была не такой уж высокой), мы добрались до Броды.

Броды — старинный город в Галиции. За время войны его несколько раз грабили и сжигали. Теперь же этот город объявил себя самостоятельным государством. Он не присоединился ни к Польше ни к Украине. В «независимом государстве Броды» царило двоевластие: еврейский комитет и еврейская армия и украинский комитет и укра-

инская армия. Около восьмидесяти процентов населения нового государства составляли евреи, одиннадцать-двенадцать процентов — украинцы, пять-шесть процентов — поляки, и лишь незначительный процент — моравцы или немцы с австрийцами.

Поляки в большинстве своем служили в еврейской армии; моравцы и австрийцы — в украинской. Попадались, правда, поляки и в украинской армии, а австрийцы — в еврейской. Обе армии жили в мире. Одно правительство не признавало другое, но их объединяли совместные сделки. Правда, это были довольно скромные сделки, но нам пришлось все-таки познакомиться с некоторыми из них. Когда мы ночевали у еврея-корчмаря, занимая впятером три матраца, хозяин посоветовал нам встать на учет у еврейского правительства, помещавшегося в здании школы. Там за десять рублей с носа мы получили разрешение на пребывание в городе, а за двадцать рублей — рекомендательное письмо к украинскому правительству Броды. Украинцы прочли рекомендательное письмо и за пятьдесят рублей, ибо нас было пятеро, выдали нам визы на выезд.

Все шло гладко и без каких-либо затруднений, если не считать, что во время нашего визита к евреям у Богнара украли меховые рукавицы, а во время переговоров с украинцами кто-то стащил у Самуэли пустой бумажник. Еврейское правительство, получив от нас деньги, выдало нам расписку, скрепив ее двумя подписями и двумя печатями. Украинцы же вместо квитанции вручили нам за каждые десять рублей пошлины по одной старой почтовой австрийской марке. Один из чиновников украинского правительства даже поинтересовался, не желаем ли мы провести ночь «в обществе девочек». Он предлагал доставить «товар» по сходной цене.

В государстве Броды мы пробыли всего лишь около суток и, получив вышеупомянутые визы, двинулись дальше, на запад. До сих пор наша поездка была не особенно опасной и наше положение довольно быстро прояснялось. Теперь же мы попали в более сложную ситуацию.

Все железнодорожники нашего эшелона были австрийцами. Оклада они ни от кого не получали и жили на деньги, вырученные от продажи наливки, которую они называли русской водкой или польской контушувкой. Каждому пассажиру вменялось в обязанность покупать этот напиток. Цены были твердыми и очень высокими. У непьющих

проводники скупали ими же проданную водку, но уже за четверть цены.

В Галиции тоже было двоевластие — польское и украинское правительства, которые постоянно враждовали друг с другом. Железнодорожная полиция состояла где из украинцев, где из поляков, а зачастую — из тех и других вместе. Когда охрана была польской, избивали и расстреливали украинцев. Украинская же охрана до крови избивала поляков. Случалось, что в одном конце эшелона была польская охрана, в другом — украинская. Тут уж на каждой остановке, а то и в пути охранники затевали перестрелку. Поэтому путешествие на этом участке было не из приятных. Но, несмотря ни на что, мы все же ехали в Венгрию.

В пути мы многому научились. Мы видели, что дикое шовинистическое науськивание одних народов Восточной Европы на другие ведет к огромным человеческим жертвам, к гибели национальных богатств и вызывает войну всех против всех. Реакция прекрасно понимала, что шовинизм и национализм льют воду на ее мельницу. Мы вдоволь насмотрелись, какими грязными методами, с каким цинизмом и беспощадностью разжигается национальная вражда. Организаторы подобных кровопролитий были врагами не только других народов, но и своего собственного народа. Здесь следует заметить, что, хотя польские паны и презирали украинских кулаков, а те, в свою очередь, ненавидели поляков, их объединяла лютая злоба к Советской России. Они боялись ее и считали, что в борьбе с нею все средства хороши.

Мы ехали по опустошенной местности, все более приближаясь к Карпатам. Не знаю, что отводило от наших голов опасность: то ли наша находчивость, то ли нам просто везло, а может, то, что у нас было достаточно русских денег. Возможно, все это, вместе взятое, и помогало нам в пути.

Царские деньги тогда еще были в силе, хоть и не было твердого курса рубля. Кроме рубля ходили немецкие марки, австрийские кроны и еще какие-то деньги. В каждом городе между ними было свое соотношение. Так, в Киеве за одну крону давали два-три рубля, в Бродах за один рубль — две кроны. И чем дальше на запад мы продвигались, тем больше обесценивалась крона: видимо, местные жители понимали, какая судьба ждет Австрию. Курс руб-

ля, наоборот, здесь все время рос, хотя в общем-то все смутно представляли будущее этих денег. Во всяком случае, в этих краях процветала спекуляция валютой, которая была весьма прибыльным, хотя и не безопасным делом.

«Только бы добраться до дому, а там все будет в порядке!» — думали мы. Австрийские железнодорожники успокаивали нас, обещая, что от станции Красне наша поездка будет более спокойной и безопасной. Двоевластия там уже нет — только польские власти и только польские войска.

И вот мы в Красне. Польская полиция высадила нас из вагонов и загнала всех в один большой сарай, где пахло дегтем, чесноком и навозом. Нас было человек пятьсот. Мы стояли в кромешной тьме, тесно прижавшись друг к другу. Трудно было даже пошевельнуть рукой. Так прошло часа три-четыре. Наконец нас стали выпускать по одному. Признаюсь, мне было не по себе, когда я вышел (вернее, вывалился) из сарая на свет божий.

— Стой! Руки вверх!

На меня направлены четыре ствола. Но ничего страшного не случилось и на этот раз. Польские вояки сняли с меня меховую шапку, стащили полушубок и приказали снять сапоги. Взамен я получил старую выцветшую австрийскую шинель, пару старых солдатских ботинок и такую же старую гусарскую шапку. К счастью, брюки, где были зашиты наши деньги, остались на мне. Подобному переодеванию подверглись и мои друзья. После этой процедуры нам милостиво разрешили сесть в поезд и следовать дальше.

— Ничего, бывает и хуже! — утешал нас Хайду.

Примерно через полчаса мы все начали страшно чесаться. Наша новая одежда буквально кишела вшами. Теперь настал мой черед утешать Хайду:

— Ничего, бывает и хуже!

Но, несмотря на все неприятности, настроение у нас поднялось. После Красне в нашем вагоне собралось человек семьдесят, причем почти все говорили по-венгерски. Военнопленные венгры объединялись в один коллектив. Уже по одному тому, что они называли друг друга «товарищ», можно было догадаться, что эти венгры — красногвардейцы.

— В соседнем вагоне тоже едут венгры, — сообщил мне парень из Кечкемета и добавил: — Красные мадьяры!

Сказал он это уже не шепотом, а в полный голос.

В этой обстановке мы чувствовали себя как дома, как будто мы были уже в Венгрии. Но не в той Венгрии, где хозяйничали господа, ради интересов которых мы в силу необходимости проливали свою кровь. Всеми помыслами мы были в новой Венгрии, где установлена республика.

Тысячи венгерских рабочих и крестьян возвращались на родину с ясной головой и открытым сердцем. Они горели желанием строить новую жизнь. Их вдохновлял пример Советской России, где они были живыми свидетелями революционных преобразований. В России они научились понимать и другое — что революцию надо завоевывать.

Эти радостные мысли настолько захватили меня, что я забыл обо всех предосторожностях и чуть было не поплатился за это. На одной из станций я осмелился сойти с поезда, чтобы достать что-нибудь съестное. Не успел я дойти до станционного здания, как меня окружили какие-то солдаты. Они хотели меня раздеть. До сих пор не могу понять, зачем им понадобились мои вшивые лохмотья. Мне же они были все-таки нужны: не мог же я ехать голым. К тому же в брюках были зашиты деньги, а деньги иногда могут выручить.

На меня наскочило человек пять-шесть. О драке не могло быть и речи. Да я и не сопротивлялся, а стал уговаривать солдат то по-русски, то по-немецки.

— Братцы! Кого вы хотите обидеть?! Солдата?! Солдата, страдавшего на фронте и в плену? — взмолился я.

— Заткните ему глотку! — закричал какой-то фельдфебель, но солдаты его не послушались. Видимо, их убедили не столько мои слова, сколько мой измученный вид и мои лохмотья. В этот момент поезд тронулся, и солдаты вдруг бросились помогать мне. Два поляка на ходу впихнули меня в вагон. Этот случай показал действительное настроение солдат, которые были насильно мобилизованы в армию шовинистов.

Поезд наш если не мчался, то все-таки довольно быстро шел к Ловачне. Теперь мы уже ехали не по равнине, покрытой снегом, а взбирались все выше в горы. Здесь, в Карпатах, снег попадался отдельными пятнами вдоль склонов гор. С дубков уже облетела листва, кусты кое-где были прихвачены инеем. На ветру кружились багрянокрасные листья. Тополя стояли совсем желтые.

Карпаты... Вот уж дней четырнадцать — пятнадцать сравнительно спокойно тянулось наше путешествие. Теперь же, поднимаясь все выше в горы, мы потеряли покой. И с каждым днем на душе становилось тревожнее. «Лишь бы не случилось чего в последний момент», — думали мы.

Солдаты, долгие годы оторванные от родины, чуть ли не дрались из-за местечка у окна. Каждому хотелось видеть Карпаты. Картины, одна печальнее другой, бежали нам навстречу: выжженный лес, разоренные селения. Услышав первый колокольный звон, мы повеселели. То тут, то там солдаты затягивали песни. Наконец состав прибыл в сожженную Ловачне.

Перед зданием вокзала нас встречали представители венгерского Красного Креста: военный врач, несколько медицинских сестер, уполномоченный и пожилая графиня. Увидев унтер-офицера таможенника, я невольно подумал о том, что здесь еще жива тень монархии Габсбургов.

Несколько сот оборванных, грязных, измученных и голодных военнопленных хлынули из вагонов и буквально наводнили станцию. На лицах встречающих отразился испуг. Однако графиня выполнила свою миссию до конца. От имени отечества она обратилась к «вернувшимся на родину героям» с приветственной речью. Речь ее была очень краткой, притом графиня говорила так тихо, что слышно ее было, наверное, только в первых рядах.

Мы слышали эту речь и немало удивились, что каждое ее второе слово было бранью в адрес Советской России — страны, которая как светлый идеал жила в наших сердцах. Да, ничего себе хороший прием оказывала нам Венгрия.

После приветственного слова запели гимн. У многих солдат на воспаленных глазах показались слезы. Наконец-то мы были дома. Правда, горько было сознавать, что наши надежды не оправдались. Графиня и ее спутники желали венгерскому народу совсем не того, о чем мечтали мы, ради чего готовы были сражаться. Пение гимна, конечно, не сблизило военнопленных со встречающими. Напротив: мы хорошо видели, что за красивыми приветственными словами кроется страх, презрение, ненависть. Даже в глазах уполномоченного Красного Креста разлилась ненависть. После гимна мы получили жидкий мясной супец и по одной-две сигареты.

В Ловачне со мной произошел казус. Мы с Бреслером пошли в здание вокзала: хотели раздобыть газету или ка-

кой-нибудь журнал. То ли мы вошли не через ту дверь, то ли вообще попали не в ту комнату, только вдруг на меня набросился какой-то молоденький гусарский лейтенант, одетый по всей форме. Его грудь украшали ордена.

— Вход строго воспрещен! — заорал он. — Вы все хотите здесь завшивить! Марш отсюда!

По сравнению с графиней гусар был громогласен и предельно откровенен. Мы остановились как вкопанные. На такой тон мы явно не рассчитывали.

— Вон! — снова прокричал лейтенант и указал нам на дверь. Я тут же влепил ему пощечину. Он пошатнулся.

— Караул! — завопил он.

Четверо вооруженных солдат быстро вошли в комнату через заднюю дверь. Вероятно, они бы меня арестовали, но было уже поздно. Господин лейтенант опоздал, ибо, когда он орал, я тоже не молчал:

— Товарищи! Солдаты! Ко мне! На помощь! Скорее!

Мой крик оживил весь вокзал. Солдаты, находившиеся перед обгоревшим зданием вокзала, у кухонь и на путях, услышав мой крик, правильно его поняли. Через двери и окна они ворвались в зал ожидания. Стража была прижата к стене и обезоружена. Сжатые кулаки, колючие взгляды, угрозы, слетавшие с бледных губ. Против этой силы нельзя было применить никакое оружие. Господин лейтенант, бледный как полотно, стоял, прислонившись к стене, видимо, боясь упасть.

— Товарищи! Солдаты! Здесь, кажется, власть господ!

Положение спас один офицер-железнодорожник, наверное, начальник станции. Не помню, как он вошел, через дверь или окно, но он оказался прямо перед нами. Несколько охрипшим, но сильным голосом, на который нельзя было не обратить внимания, он крикнул:

— Солдаты! Поезд отправляется ровно через одну минуту. Кто не желает остаться здесь, быстро по вагонам!

Жизнь гусара была спасена.

— Пошли, ребята! Не здесь нужно драться. Мы еще встретимся с ним, наверняка встретимся! — сказал я.

Через две-три минуты мы уже были в вагонах, украшенных знаменами и ветками хвои. Поезд тронулся на юг, к Тисе, по южному склону Карпат. Полилась песня, песня солдат, возвращающихся к себе на родину. Мы пели «Интернационал»: «Вставай, проклятьем заклейменный...»

В ОГНЕ ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Миновав Сойву и Мункач, наш состав прибыл в Чоп. За это время мы настолько хорошо познакомились друг с другом, что знали не только то, что мы — красные солдаты, но и кто, где и с кем воевал: кто на Урале, кто под Москвой, кто на Украине. Например, с нами ехали два солдата, которые летом 1918 года участвовали в разгроме контрреволюционного мятежа в Москве: оба они сражались за здание телеграфа под командованием Бела Куна.

В Бодрогкерестуре я сошел с поезда, распрощавшись с моими попутчиками. «До встречи в Будапеште!» — я попрощался с солдатами четырех вагонов. Со многими из них мне довелось позже встретиться в боевой обстановке, когда венгерская Красная армия защищала Венгерскую Советскую Республику. Одного из моих спутников Ласло Самуэли замучили хортистские палачи. Иштван Хайду работает в партийном аппарате, кажется, в Дебрецене. Два других товарища тоже нашли свое место в жизни...

В Бодрогкерестуре я встретил знакомого крестьянина. Он не узнал меня и с трудом поверил, что это действительно я. Когда же он окончательно убедился в этом, то пригласил подъехать на его повозке, однако предупредил, что токайская полиция частенько интересовалась мною и, по-видимому, встретит меня не очень любезно.

— Ерунда! — успокаивал я его. — Время сейчас не то! Венгрия — республика!

— Но господа и сейчас не любят бедняков, — ответил крестьянин. — И полиция тоже стоит за господ.

— Посмотрим! — сказал я. — Пусть болтают языком что хотят, у нас же есть кулаки.

До дому мы добрались под вечер. Около четырех лет я не был в родных местах. За последние полтора года от меня не приходило никаких известий. Полиция часто интересовалась мною, и родители мои поэтому не сомневались, что я жив. С одной стороны, мне было радостно, что наконец-то я дома, с другой — тревожно. Что-то ждет меня сейчас? Арест? Полевой суд?.. Но прежде всего мне нужно было освободиться от вшивой одежды. Я помылся, побрился, переоделся. Полиция почему-то не разыскивала

меня, хотя молва о моем возвращении распространилась молниеносно.

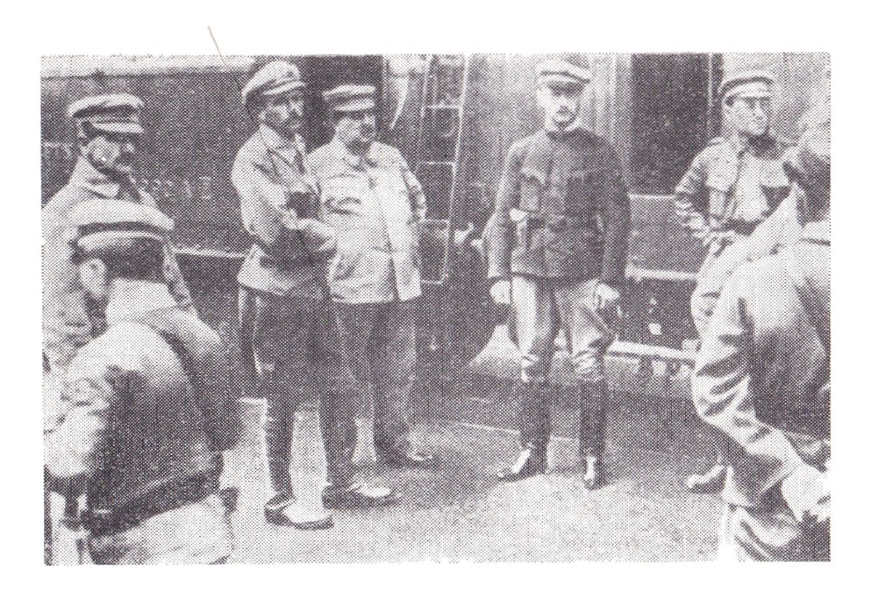
На следующий день вечером в одном из помещений, принадлежавшем тисским графам, я сделал доклад на тему «Что произошло в России». Собралось человек двести пятьдесят — триста, большей частью рабочие или мелкие служащие, но были и интеллигенты: учителя, инженеры, врачи. Всех интересовал один и тот же вопрос: что же произошло в России? Я рассказал правду. Люди оказались совершенно неосведомленными, в том числе и интеллигенция. Они не имели никакого представления не только о социализме, но и с трудом понимали, что помещики и графы не хотят и не могут сделать Венгрию независимой, что только народ и народная власть в состоянии защитить независимость страны.

Реакция на мой доклад была самой различной. Не все согласились со мной в оценке социалистов и коммунистов. Большинство же рабочих приняло мое заявление как должное, что крайне ошеломило правую интеллигенцию. Разгорелась дискуссия, и я уверен, что не один мыслящий интеллигент серьезно задумался в тот вечер, а может быть, и принял мою сторону, а значит, и сторону социализма.

На другой день я выехал поездом в Будапешт. Поезда тогда ходили с большим опозданием, были переполнены и не отапливались. От самого Токая до Будапешта не утихали споры. В каждом вагоне, в каждом купе спорили об одном и том же: Запад или Восток? Вильсон или Ленин? Вильсон, президент Соединенных Штатов, был глашатаем капитализма; Ленин — красным знаменем трудящихся всего мира.

В поезде я познакомился со многими интересными людьми. Все они расспрашивали меня о русской революции. 18 ноября я приехал в Будапешт. Улицы столицы были запружены демонстрантами. Демобилизованные солдаты требовали хлеба и работы. Вечером я встретился с Бела Куном. Он вернулся на родину несколькими днями раньше. В ту же ночь меня познакомили с Дьюлой Альпари, Ласло Рудашем и Бела Санто.

Через два дня я уже приступил к работе. Первое время я вел пропагандистскую работу среди солдат и офицеров венгерской армии, выступая с докладами о русской революции.



Ференц Мюнних (в центре) в дни Венгерской Советской Республики (1919 г.)

По заданию партии благодаря своим старым связям в университетской среде мне удалось наладить контакт с руководителями организации «Пробуждающиеся венгры». Никто из них, конечно, не подозревал о моей принадлежности к коммунистам. Через них мы достали большое количество припрятанного оружия.

21 февраля 1919 года меня, Бела Куна и многих других руководителей Коммунистической партии Венгрии арестовали. Нам пришлось пробыть в заключении до победы пролетарской революции в Венгрии. Однако, находясь в тюрьме, мы не теряли связи с оставшимися на свободе товарищами. Буржуазный строй в Венгрии отживал свой век, и в тюрьме был сравнительно свободный режим, так что мы имели возможность руководить работой Коммунистической партии даже из заключения.

21 марта мы вышли из тюрьмы. Я вместе с Эрнё Цобелем стал возглавлять отдел военного министерства, который занимался формированием частей, подбором и назначением политкомиссаров. В конце марта меня вместе с Ференцем Янчиком и Хакшпахером назначили членом

коллегии Красной охраны от Будапешта. Впоследствии Хакшпахер отошел от революционного движения.

С 9 апреля 1919 года я стал политкомиссаром 6-й дивизии. Моим предшественником на этой должности был капитан Альбин Абт. Дивизия находилась в состоянии полного разложения, и мне пришлось много поработать. Познакомившись с личным составом дивизии, я назначил на командные должности надежных людей. За Тисой в районе Надькёрёша в нашу дивизию влилось три тысячи добровольцев из крестьян-бедняков. И это, конечно, оказало свое положительное влияние.

Первой боевой задачей дивизии была оборона Шальготорьяна. В районе Киштеренье разгорелись ожесточенные бои. Буквально за несколько дней мы отбросили противника назад и переместились в район между Дунаем и Тисой, к Сегеду. Дело в том, что мы получили ложные сведения, будто французские войска готовятся к наступлению как раз на этом направлении. Выяснив действительное положение, мы повели дивизии в направлении Мишкольца. Это направление позже сыграло важную роль в северо-восточной наступательной операции.

Мне, как политкомиссару дивизии, принадлежало окончательное слово при обсуждении планов боевых действий, и я старался быть на высоте. После ряда удачных боев под Сиксо, Вильманю, Бузите и Ясо наша дивизия вошла в Кошице. Отсюда совместно с другими частями венгерской Красной армии мы начали прорываться дальше, в направлении Гельницбаньи, Эперьеша и Бартфы. В это время создавалась армия Словацкой Советской Республики[1], и

---

[1] Словацкая Советская Республика была провозглашена 16 июня 1919 года в г. Прешове в результате революционной борьбы трудящихся Словакии, усилившейся в 1918—1919 годах под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Победа пролетарской революции в Венгрии в марте 1919 года и контрнаступление венгерской Красной армии против румынских и чехословацких интервентов способствовали резкому обострению классовой борьбы в образовавшемся в октябре 1918 года буржуазном Чехословацком государстве. Многие чешские и словацкие солдаты интервенционистской армии Чехословацкой буржуазной республики, участвовавшей в организованном Антантой походе против Советской Венгрии, отказывались сражаться против венгерской Красной армии, переходили на сторону Советской Венгрии и вливались в созданные там интернациональные части. В начале июня 1919 года венгерская Красная армия вступила на территорию Словакии, трудящиеся которой встретили ее как армию-освободительницу, поддер-

мы приняли в этом горячее участие. Мне было поручено доставить для этой армии оружие и снаряжение из Будапешта. Так я стал комиссаром по военным делам Словацкой Советской Республики. Добиться больших результатов на этом посту мне, к сожалению, не удалось, так как правительство нашей республики отдало приказ о прекращении боевых действий в северных районах, и войска венгерской Красной армии были выведены из Кошице и других освобожденных нами районов.

Наша дивизия была переброшена в район Сольнока. 22 июля части нашей дивизии успешно форсировали Тису и за несколько дней отбросили румынские королевские войска на сорок — пятьдесят километров. Но в результате измены нового начальника венгерского генерального штаба Юлиера румынская королевская армия снова заняла районы, прилегающие к Тисе. В это время меня перевели в главную штабквартиру в Гёдёллё, назначив политкомиссаром всей венгерской Красной армии.

Отвод армии из северных районов подорвал дисциплину в войсках. Вместе с Бела Куном мы пытались навести порядок, но сделать это было очень трудно. Армия была деморализована. И это, конечно, тоже способствовало падению советской республики в Венгрии.

В эти трудные для нашей партии дни я частенько вспоминал о тех тяжелых боях, которые вели на Восточном фронте полуголодные и плохо вооруженные русские солдаты. Красная Армия России находилась тогда в гораздо худшем положении и все же разгромила хорошо оснащенные войска адмирала Колчака. Анализируя события, я понял, какая огромная разница заключается в том, что Красной Армией Советской республики безраздельно руководила партия большевиков, в то время как лозунги Коммунистической партии Венгрии потонули в море неразберихи, вызванной объединением венгерских коммунистов с социал-демократами. Одного воодушевления народа и ар-

---

живали ее наступление действиями партизанских отрядов и боевыми выступлениями вооруженных дружин, созданных словацкими рабочими. Советское правительство Словакии провело мобилизацию и при поддержке трудящихся приступило к созданию словацкой Красной армии. Но в начале июля 1919 года Словацкая Советская Республика пала в результате интервенции, осуществленной при помощи иностранных империалистов буржуазным правительством Чехословакии. Части словацкой Красной армии с боями отступили вместе с частями венгерской Красной армии. — *Прим. ред.*

мии было мало, нужна была еще ясная революционная политика. Позже о героических боях Красной армии Венгерской Советской Республики слагались целые легенды, в которых правда перемешивалась с вымыслом.

Много лет спустя мне удалось побывать на месте былых боев в Шальготорьяне. О событиях 1919 года здесь помнили не только старики. Молодежь тоже хорошо знала, что в дни Венгерской Советской Республики Шальготорьян был освобожден частями 6-й дивизии и что политкомиссаром этой дивизии был тогда я.

ОТ БУДАПЕШТА ДО ВЕНЫ

Когда я находился на боевых позициях в районе Тисы, пришел приказ: мне надлежало немедленно прибыть в Будапешт. Тогда я еще не знал (да, видимо, на фронте вообще никто не знал) истинного положения дел в республике. По слухам, правительство Венгерской Советской Республики уступило место правительству, сформированному из профсоюзных руководителей. Если это так, то не стоило питать каких-либо иллюзий. По опыту, приобретенному в России, я прекрасно знал, что там, где терпит поражение революция (хотя бы временно!), пышным цветом расцветает разнузданная антинародная политика. Поэтому я ни минуты не сомневался в том, что так называемое «профсоюзное правительство» в Венгрии начнет с того, что немедленно ликвидирует все революционные завоевания и создаст тем самым предпосылки для контрреволюции. Значит, в самое ближайшее время реакционная буржуазия постарается захватить власть если не собственными силами, то с помощью Антанты.

И я не ошибся. Но не обошлось и без сюрпризов. В Будапеште мне сообщили, что согласно достигнутому с австрийским правительством соглашению руководящие деятели Венгерской Советской Республики специальным поездом могут выехать в Австрию, где им будет предоставлено политическое убежище. В поезде уже забронировали место и для меня.

Однако я не воспользовался этой привилегией, и не воспользовался по двум причинам. Во-первых, я был уверен, что коалиционное правительство Австрии, состоявшее из социал-демократов и представителей католической «народной» партии, не сдержит своего обещания о предоставлении венгерским коммунистам и левым социал-демократам политического убежища и сразу же засадит их в лагеря для интернированных лиц. Таким образом, на долгое время, а может быть и навсегда, нас лишат возможности заниматься активной политической деятельностью. Поэтому я отказался от такого убежища.

Очень скоро выяснилось, что я слишком переоценил так называемое «профсоюзное правительство». Мне казалось, что оно создаст только предпосылки для разгула белого террора, но правительство Пейдля за очень короткий срок не только создало такие предпосылки, но и само стало проводить махровую реакционную политику.

Не хотел я ехать в Австрию еще и потому, что стремился во что бы то ни стало принять активное участие в создании подпольной организации и вести нелегальную работу. Я думал, что у нас для этого будет достаточно времени и возможностей, пока правые социал-демократы возятся вокруг министерских портфелей. Но я ошибся и в этом.

Население Будапешта находилось тогда в плену фантастических иллюзий. Все кричали о создании великой и сильной Венгрии. Многие надеялись, что Англия и Франция восстановят Венгрию в старых границах и будут поддерживать нашу безопасность. Демократы считали, что буржуазия теперь поняла, что нельзя так беспощадно эксплуатировать рабочий класс, иначе опять восстановит его против себя. Так что буржуазия теперь станет скромнее. Разумеется, рабочему классу тоже надо вести себя поиному, более достойно. Ему не следует выставлять чрезмерных требований. И конечно, ему необходимо идти на компромисс... Вот тогда в Венгрии будет такая же конституция, как, например, в Швейцарии. Или хотя бы — такая же, как во Франции. Во всяком случае, всех нас ждет демократия и благосостояние.

Никто не представлял, что последует за этими событиями. А тем временем палачи Хорти вовсю хозяйничали в Задунайском крае. В центре Альфёльдской равнины вооружались венгерские фашисты. И в то время, когда

правительство Пейдля заседало в парламенте, на улицах Будапешта появились полицейские и жандармы. Одетые по всей форме, они спокойно, по-хозяйски расхаживали по городу, а в здании полиции, расположенном на улице Зрини, уже проливалась кровь, кровь коммунистов.

Враги жили не иллюзиями. Они возрождали господскую Венгрию. Бывшая полиция и жандармерия, располагавшие огромным опытом, хорошо знали, чего ждут от них хозяева.

Первое, что предприняло правительство Пейдля, это издало приказ о повсеместном аресте коммунистов и их высылке из Будапешта. Таким образом, полицейские, жандармы и прочие офицерские организации могли теперь действовать безнаказанно.

Оставшись в Будапеште, я старался использовать каждую минуту. Работал буквально днем и ночью и все же мало что успел. То неожиданно исчезал связной (бедняга попал в руки полиции), то где-нибудь громили наши ячейки. Особенно затрудняли нашу работу грязные, отвратительные предательства. Очень тяжело было разочаровываться в людях, которые в период наших побед громче всех кричали о мировой революции.

Случилось так, что спустя несколько часов после вступления в Будапешт румынских интервенционистских войск все мои связи оказались нарушенными. И хотя в то время в Будапеште оставалось еще много коммунистов, я оказался в изоляции, один-одинешенек. Сориентировавшись в обстановке, я решил уехать из столицы. Пошел на Восточный вокзал и сел в поезд. Оказалось, это был последний поезд, который шел из Будапешта на Запад.

На мне был гражданский костюм серого цвета, хорошо сшитый, но старомодный, довоенный. В небольшом чемодане лежало несколько пар белья. В кармане — две тысячи «синих» крон (так называли тогда старые королевские бумажные деньги). Крона так обесценилась, что равнялась нескольким филлерам. И я нисколько не ошибусь, если скажу, что мои две тысячи соответствовали приблизительно двадцати долларам. Кое-что, например железнодорожный билет, можно было еще приобрести по старой цене, то есть за филлеры. Зато предметы первой необходимости стоили страшно дорого, а для такого человека, как я, который отправлялся в долгий неизвестный путь всего лишь

с двадцатью долларами в кармане, этот вопрос имел отнюдь не маловажное значение.

У меня был диплом квалифицированного строителя и военный билет на имя Яноша Бороша. Кроме документов в кармане находилось несколько писем, адресованных на это же имя. Я то и дело инстинктивно хватался за карман, чтобы убедиться, целы ли документы. Мне бросилось в глаза, что то же самое довольно часто проделывают и мои попутчики. Значит, я был не один такой.

Старенький, видавший виды вагон третьего класса был набит битком: видимо, многим необходимо было немедленно выехать из Будапешта. Разговор поначалу не клеился. Он отличался от обычных будапештских разговоров, хотя в общем-то и походил на них.

Люди еще не расстались со своими наивными иллюзиями. Правда, к прежним представлениям примешивалось некоторое разочарование и даже страх. Все уже знали о действиях офицерских отрядов специального назначения, однако никто не осмеливался в открытую назвать это белым террором.

В вагоне я встретил своего старого знакомого Шандора Келнера (вскоре он стал жертвой белого террора и погиб смертью героя). У него было всего-навсего десять крон. Я поделился с ним своим «состоянием» и прибыл в Дьёр с тысячью «синеньких» крон.

Здесь, к моему огромному удивлению, еще существовали некоторые органы пролетарской диктатуры. Порядок на вокзале поддерживали красноармейцы. Мы обратились в местную партийную организацию. Нас расположили в гостинице и даже накормили ужином. На следующее утро на рассвете я отправился дальше, и, как оказалось, тоже с последним поездом. Через несколько часов после моего отъезда все дьёрские коммунисты были арестованы офицерским отрядом специального назначения. Многих из них хортисты казнили.

Мне сразу же бросилось в глаза, что состав пассажиров и особенно их настроение были уже иными, чем за день до этого. Страх пассажиров рос, иллюзии таяли. Теперь то тут то там какой-нибудь господин или важная дама рассказывали, что за мучения пришлось им пережить при «красном режиме», а порой сочиняли даже истории о том, как мужественно смотрели они в глаза грозившей им смертельной опасности. Среди подобных «героев»

появились первые спекулянты валютой. Полиция и жандармерия были настолько заняты преследованием коммунистов, что спекулянты могли орудовать безнаказанно. Они покупали и продавали доллары, фунты стерлингов, еще какие-то деньги и золото. Можно было только удивляться, откуда у людей такие деньги и ценности.

На вокзале в Шопроне уже расхаживал белый патруль. Несколько офицеров прочесывали вагоны и высаживали всех, кто показался им коммунистом. Само собой разумеется, разговаривали они отнюдь не вежливо. Не обошлось и без кровопролития.

Выполняя какое-то постановление, офицеры интересовались и спекулянтами валютой. Однако настоящим спекулянтам дали возможность сбежать, меня же арестовали. Может, им показался подозрительным мой старомодный, но элегантный костюм или мой красивый чемодан. А может, что-нибудь другое. Худой артиллерийский офицер ткнул плеткой в мою сторону и бросил:

— Этого спекулянта валютой тоже снять с поезда!

Мне ничего не оставалось, как подчиниться.

Всех, кто казался им коммунистом, офицеры тут же зверски избивали.

С вокзала до городской военной комендатуры задержанных сопровождали рядовые солдаты. Несколько дней назад многие из них служили в Красной Армии. Я понял это, когда услышал, как у кого-то из солдат сорвалось с языка слово «товарищ». Солдаты не хотели нам ничего плохого. Просто-напросто они боялись своих офицеров и еще не знали, что им делать. Случайно я услышал, как один из охранников сказал по-русски: «Ничего». Не долго думая, я подозвал к себе этого солдата: наверняка он был в русском плену.

И я не ошибся. Оказалось, мы с этим охранником несколько месяцев находились в одном и том же лагере для военнопленных. Я подсказал солдату, как можно мне помочь. Он охотно согласился.

В то время солдаты вели себя сравнительно свободно. Никакой воинской дисциплины не было и в помине. Господа офицеры чувствовали свое непрочное положение и волей-неволей мирились с подобными непорядками. Каждому из них хотелось завоевать авторитет у солдат. Охранники могли даже присутствовать, когда господа офицеры по одному вызывали нас на допрос. Поэтому, когда

на допросе капитан спросил, кто я такой, вместо меня ответил мой знакомый охранник:

— Господин капитан, это господин старший лейтенант Янош Борош. В 1914 году он был моим командиром роты, когда мы воевали в Карпатах. Мы с ним вместе служили в 68-м пехотном полку. Он очень хороший человек. Господин старший лейтенант Борош часто угощал солдат пивом или вином, он настоящий венгр...

Проверив мои документы, меня отпустили. Так я избежал верной смерти. К счастью, меня даже не стали обыскивать: ни долларов ни фунтов у меня, разумеется, не нашли бы, поскольку у меня их не было, зато в заднем кармане брюк лежал пистолет.

Всех задержанных расстреляли на следующий же день. Мне выпало счастье продолжать свой путь. На этот раз я поехал не к австрийской границе, а к югу, надеясь попасть в Комло. Там у меня были знакомые шахтеры.

В пути я насмотрелся на «деятельность» господ офицеров. Они выбирали людей наугад и тут же зверски избивали их. Всех, кто пробовал протестовать, сбрасывали с поезда на полном ходу. Не пощадили негодяи даже беременную женщину.

Однажды молодой офицер опознал в одном из пассажиров бывшего батальонного политкомиссара венгерской Красной армии. Комиссара живым бросили в паровозную топку.

Меня пока беды обходили стороной. При проверке документов жандармы считали, что все бумаги у меня в полном порядке, а самого меня, видимо, принимали за благопристойного католика. Они козыряли и оставляли меня в покое.

Некоторые горластые пассажиры вовсю ругали коммунистов, особенно доставалось красным командирам и политкомиссарам. Кто-то упомянул и меня: «Этот Ференц Мюнних — коммунист до мозга костей. Если мне удастся разорвать его на куски, я, кажется, проживу лет на десять больше...» Наверняка эти предатели еще недавно служили в венгерской Красной армии.

На ближайшей станции, в Фоньоде, пришлось сойти с поезда. Было около полуночи. Место было совершенно незнакомое. Вдобавок ко всему пошел дождь. Нужно было где-то переночевать. Если я останусь под дождем, утром буду похож на настоящего бродягу.

В одном домике, похожем на небольшую виллу, еще горел свет. «Будь что будет», — решил я и позвонил. В вилле жила молодая супружеская пара. Мне показалось, что мой неожиданный и поздний визит испугал их. Супруги упаковывались: собирались в путь. Двое детишек спали в кроватках.

Я представился, назвавшись строителем Яношем Борошем из Темешвара, офицером запаса. Больше я ничего не объяснял. Мужчина, смерив меня внимательным, изучающим взглядом, спокойно сказал:

— Оставьте это, товарищ. У нас вы можете чувствовать себя в безопасности. Хотя бы временно. Если вы голодны, накормим ужином. А потом, надеюсь, спокойно можете спать до самого утра. А завтра... А что будет завтра, мы и сами не знаем.

Мужчина был по профессии инженером. Его жена — врачом. Больше они о себе ничего не сказали, да я и не спрашивал.

Утром следующего дня мне удалось сесть в поезд, идущий в Капошвар. Там я пересел в поезд до Надьканижи. Из Надьканижи поезда ходили только в Домбовар. Мне ничего не оставалось, как ехать в Домбовар: авось оттуда как-нибудь доберусь до Комло. На домбоварском вокзале я неожиданно встретил трех знакомых товарищей. У каждого из них было оружие, и мы решили: в случае чего дешево свою жизнь не отдавать.

Ночь я провел на вокзале. Сам сейчас не знаю, то ли с целью, то ли совершенно случайно, но я улегся на скамейку, что стояла около самого входа в комнату, где находился офицерский патруль специального назначения. За ночь несколько раз проверяли документы. Я притворился спящим, и, странно, меня никто не беспокоил. Какой-то унтер-офицер хотел было меня разбудить, но пьяный капитан остановил его:

— Кто так спокойно дрыхнет у нас под самым носом, не может быть негодяем. У него наверняка все документы в порядке!

Услышав эту реплику, я действительно крепко заснул.

Утром мы вчетвером сели в поезд. Мои товарищи были настроены по-боевому и готовы были пустить в ход пистолеты, если только офицеры начнут приставать к нам. Однако офицеры напились и спокойно спали, поэтому до Комло мы добрались без всяких происшествий.

К счастью, я сразу же разыскал своих знакомых шахтеров. Один из них взялся переправить нас в Печ, занятый в то время югославскими войсками. Демаркационную линию почти не охраняли, и к вечеру мы уже прибыли в Печ. Здесь можно было чувствовать себя в относительной безопасности.

Я остановился в гостинице «Надор». На рассвете меня разбудил какой-то детектив, говоривший по-венгерски. Я объяснил ему, почему уехал из Венгрии, сославшись на то, что, мол, в Венгрии в ближайшее время не потребуются строители. Сначала, продолжал сочинять я, хотел было ехать в Темешвар, но там сейчас румыны, о чем мне стало известно только в поезде, а теперь я и сам не знаю, куда податься.

Детектив успокоился и заявил, что Югославии нужны хорошие специалисты, так что мне повезло, только, разумеется, нужно привести в порядок свои документы.

— А это сделать очень трудно? — поинтересовался я.

— И не трудно, и не дорого, — ответил детектив. — На самом деле не дорого.

На следующее утро я пошел в полицию, где мне за пятьдесят крон (в то время это равнялось примерно двум с половиной швейцарским франкам или полдоллару) произвели все необходимые формальности, зарегистрировав мой паспорт и другие документы на имя Яноша Бороша. Мне выдали также разрешение на жительство.

Я хотел было на несколько дней остаться в Печи, но атмосфера в городе вскоре испортилась. С каждым днем сюда прибывало все больше беженцев из Венгрии. Были среди них и агенты Хорти. Они стали уговаривать сербов направлять под конвоем обратно в Венгрию всех подозрительных лиц, то есть коммунистов. Я полагал, что сербская жандармерия не будет долго колебаться, и решил ехать дальше, сначала в Загреб. Однако для этого нужно было получить разрешение от наместника. Может показаться неправдоподобным, но это факт: за сто крон я получил такое разрешение. Деньги наместник получил от меня лично, из рук в руки. Оставалось только поставить печать военных властей. Это мне сделали за двадцать крон, и причем без всякой очереди. Относительно цены мы договорились довольно быстро. Взяв деньги, солдат долго вертел их в руках, внимательно изучая, не фальшивые ли они.

Поезд, отправляющийся в Загреб, состоял в основном из старых товарных вагонов — «телятников». Это, разумеется, не помешало бы моему путешествию, если бы в каждый такой вагон не садилось по нескольку жандармов, вооруженных винтовками со штыками.

Немного подумав, я влез в пассажирский вагон первого класса, предназначенный для членов военной миссии Антанты. Поприветствовав по-французски часового, стоявшего у двери, я сел в пустое купе. За всю дорогу никто не спросил у меня документов.

В Загребе мне сразу же удалось разыскать местных коммунистов, так как они работали в то время в более или менее легальных условиях. Однако не успел я войти в курс дела, как заболел дизентерией.

Меня отвезли в военный госпиталь для инфекционных больных. Здесь не оказалось ни одного врача, зато сестер милосердия — хоть отбавляй. По моему совету они лечили меня красным вином. Этот метод оказался не только приятным, но и результативным.

За все шесть недель я ни разу здесь не видел ни одного врача. Однако стоило мне немного окрепнуть, как появился доктор. Он осмотрел меня, сказал, что я абсолютно здоров и выписал из госпиталя.

На улице у меня вдруг закружилась голова, и я упал на тротуар. Меня отнесли обратно в госпиталь и сунули под мышку термометр. Он показал тридцать девять. Врача уже и след простыл. Сестры поставили диагноз — брюшной тиф. Оказалось, что в одном из бараков лежали больные брюшным тифом, а ухаживали за ними наши же сестры. Вот одна из сестер, видимо, и занесла инфекцию.

Меня уложили в постель. На этот раз не обошлось без курьезов: не я встал с постели, постель покинула меня. Это на самом деле так и было, я не шучу. Дело в том, что наш военный госпиталь передали гражданским властям. Больных, конечно, оставили на месте, только вытащили из-под них матрацы, забрали подушки, простыни, стащили с них одеяла. При температуре почти под сорок мы остались на голых больничных койках, без одеял. Правда, сестры (вряд ли законным путем) скоро раздобыли где-то новое постельное белье, почти чистое.

Кормили меня мои новые товарищи. Сестры говорили им, что можно мне есть и что нельзя. Я же, разумеется, ел все, что принесут. Друзья передали мне коньяк, и я каж-

дый вечер выпивал на ночь по чайному стакану. Возможно, это и помогло мне: я стал выздоравливать. И тогда вновь в палате появился тот самый врач, который пять-шесть недель назад выписал меня из госпиталя. Он и сейчас повторил, что я абсолютно здоров.

— У вас, молодой человек, такой организм, что вы спокойно можете рискнуть заболеть в третий раз.

У меня, конечно, не было такого желания, и я, не мешкая, покинул госпиталь.

За время моей болезни загребские товарищи достали для меня новые документы. Строитель Янош Борош перестал существовать. По новым документам я был интендантом 4-й южнославянской армии, который направлялся в Вену для закупки запасных частей для автомашин. Я даже получил визу от австрийских властей.

Мои загребские товарищи по собственному опыту, однако, знали, что хорошее знакомство гораздо надежнее и лучше любого документа. Поэтому они познакомили меня с несколькими профессиональными контрабандистами, которые переправляли через границу табак. Эти «табачные» контрабандисты просто-напросто подкупили всех пограничников и таможенников снизу доверху. Не знаю, чем и в каком количестве расплачивались они с таможенниками, но мне бросилось в глаза, что последние были явно заинтересованы, чтобы контрабандисты как можно чаще и основательнее нарушали таможенные правила, установленные австрийскими властями. Когда кто-нибудь из югославских контрабандистов вез только мешок или ящик табаку, таможенники смотрели на него недовольно и с укоризной спрашивали:

— Только и всего?

Мои превосходно оформленные документы никто не проверял. Видимо, пограничники приняли и меня за контрабандиста.

В Вене я распрощался со своими «патронами». В кармане у меня было всего десять крон. Я пошел в гостиницу. Оказалось, за сутки проживания в гостинице нужно уплатить в двенадцать — пятнадцать раз больше той суммы, что была у меня. К счастью, заранее не нужно было платить. Стоял декабрь, но гостиницу не топили, однако и в холодной комнате можно было отлично выспаться.

Утром я пошел в город. Нужно было срочно найти друзей и кстати одолжить у них денег, чтобы заплатить

за гостиницу. Связи я установил и после обеда забрал свой чемодан из номера, так как снял себе небольшую комнатку. Теперь я мог наконец включиться в партийную работу.

В ВЕНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Моя жизнь в эмиграции началась в тяжелых условиях. В конце 1919 года с питанием стало очень трудно. Даже в самых лучших кафе за бешеные деньги можно было купить только бразильские мясные консервы. Еще хуже обстояло дело с работой. Найти ее было почти невозможно, а денежные запасы у нас иссякали. Разумеется, не все эмигранты так жили. О руководителях социал-демократической партии, например, заботилась австрийская социал-демократическая партия, помогая им сотрудничать в органах прессы.

Работая в эмиграции, приходилось постоянно быть начеку, так как необходимо было рассчитывать и на провокации.

Вот какой случай произошел у нас в Вене. Был здесь один эмигрант Михай Чувара. До этого он побывал в русском плену, а затем воевал в рядах Красной гвардии. Его лично знал Бела Кун, так что, казалось бы, мы могли относиться к нему с полным доверием. Необычным было лишь то, что все свои корреспонденции он подписывал не иначе как «мировой революционер Михай Чувара».

В Вене он появился вскоре вслед за мной. Разыскав знакомых эмигрантов, он стал уговаривать их вместе с ним вернуться в Венгрию, где у него на винограднике под грушей якобы зарыто в тайнике около шестидесяти килограммов золота и бриллианты общей стоимостью примерно на двадцать миллионов золотых крон. Все эти сокровища, объяснял он, можно было бы использовать для нужд партии.

Однажды с этим предложением он обратился и ко мне, но у меня уже были достаточные основания не доверять ему. Когда мы возвращались из плена на родину, «деятельность» Михая Чувары чуть не стоила мне жизни: он снабдил меня настолько подозрительными документами,

что только мое хладнокровие помогло мне пробраться через районы, занятые украинскими контрреволюционерами. Поговаривали, что Михай вывез сестру Бела Куна из хортистской Венгрии за границу. Я же подозревал, что это «бегство» полиция допустила лишь для того, чтобы эмигранты прониклись бо̀льшим доверием к Чуваре. Как выяснилось позже, Михай Чувара был агентом хортистской полиции.

Несмотря на всю трагичность нашего пребывания в эмиграции, бывали и смешные случаи. Однажды мне выдали паспорт на имя бургерландского врача доктора Крейтцера, и я поселился в одном пансионе. В первый же вечер в мою дверь кто-то сильно постучал. Содержательница пансиона испуганным голосом сообщила, что одна ее квартирантка неожиданно заболела, а поскольку поблизости нет ни одного врача, не смогу ли я оказать несчастной помощь. Я ответил, что и рад бы помочь, но в Вену приехал отдохнуть и потому не захватил с собой никаких инструментов. Содержательница пансиона принялась уговаривать меня: возможно, случай не очень тяжелый и я все же смогу помочь больной и без инструментов. Отказаться было бы просто неудобно, и я поднялся на этаж выше, в комнату больной.

В постели лежала молодая и очень красивая женщина. Она жаловалась на головную боль и рези в области желудка. Не совру, я довольно охотно начал «оказывать» медицинскую помощь. Увидев на столе термометр, я осторожно сунул его под мышку больной. К моему счастью, температуры у нее не оказалось, и я уже спокойнее продолжал свои исследования: простукал пальцами спину и грудь, затем послушал сердце, прощупал печень, потом посмотрел язык и, наконец, поставил диагноз — небольшое пищевое отравление. Я выписал даме аспирин и слабительное. Заверив больную, что завтра у нее все пройдет, я удалился.

На следующее утро дама со слезами благодарности бросилась мне на шею. Она заявила, что я действительно замечательный доктор: ведь она уже совершенно здорова. Услышав столь лестный отзыв, я мигом собрал свои вещички и уехал из этого пансиона, а то, чего доброго, придется принимать роды.

Небольшое оживление в нашу жизнь внесли события капповского путча в Берлине. Венские рабочие социал-де-

мократы, опасаясь, что этот путч может воодушевить и австрийскую реакцию, потребовали от своей партии проведения серьезных акций. Нужно было как-то продемонстрировать силу рабочего класса.

Мы поддерживали движение Коммунистической партии Австрии, стараясь, чтобы при известных условиях мирная демонстрация переросла в вооруженное столкновение рабочих с буржуазией. Меня, как специалиста по военным вопросам, наш венский комитет направил в Центральный комитет Коммунистической партии Австрии. Настроение у рабочих было действительно боевое, однако социал-демократические лидеры считали настоящий момент неподходящим для вооруженного восстания. В итоге победила точка зрения социал-демократов, и в Вене прошла мирная демонстрация рабочих.

В один прекрасный день меня и еще нескольких венгерских эмигрантов вызвал к себе начальник политического отдела венской полиции Прессер.

— Я слышал, вы хотите взорвать здание венгерского посольства в Вене? — спросил он.

— Разве вы, как специалист по делам коммунистов, до сих пор не знаете, что мы отрицаем подобные террористические акты? Террор не дает никаких результатов. Он только помогает полиции терроризировать нас, — ответил я.

— А вы, как я вижу, коммунист-интеллигент, а это очень и очень опасно, — заявил мне Прессер.

Коммунистическая партия Венгрии продолжала жить и бороться. Неправильно было бы утверждать, что партия создавалась вновь. Несмотря на жесточайший террор, партия ни на минуту не умирала. В апреле мы настолько широко развернули партийную работу, что это почувствовали даже враги. Коалиционное правительство Австрии пыталось было помешать дальнейшему укреплению Коммунистической партии Венгрии, однако обстановка в стране тогда была очень сложной, и руководство австрийской социал-демократической партии не могло или, быть может, не осмелилось решительно выступить против нас. И мы получили разрешение на легальное существование партии.

Венские рабочие нам симпатизировали. Они оказывали нашей партии даже материальную поддержку, хотя и сами в то время находились тоже в трудных условиях. Каждое утро в помещении профсоюзов работников деревообраба-

тывающей промышленности эмигранты по предъявлении удостоверения получали по четыреста граммов хлеба и раз в неделю (по субботам) — по нескольку крон. Разумеется, это не могло обеспечить даже самый низкий жизненный уровень, так как цены были очень высокими. Но для нас, эмигрантов, эта помощь служила доказательством пролетарской солидарности. И это было очень важно.

Рабочие организации Вены кое-где содержали общежития. В этих общежитиях могли размещаться и мы, эмигранты. Это была неоценимая практическая помощь: наши товарищи обретали кров в холодной, голодной и темной Вене.

Подобным образом получил жилье и я. Меня поселили вместе с поэтом-социалистом Сомолани. Денег у нас никогда не было, жили мы впроголодь, комната наша не отапливалась, зато надежд на будущее у нас было хоть отбавляй.

Как-то вечером Сомолани похвастался, что ему посчастливилось познакомиться с богатыми эмигрантами. Он рассказал им, в каких условиях мы живем, и те пригласили нас поужинать. Сомолани говорил, что эти люди искренне хотят нам помочь. Все это показалось мне очень подозрительным. Я посоветовал Сомолани не ходить на званый ужин и порвать всякие отношения с «богатыми эмигрантами». Однако он не послушался, и это стоило ему жизни. «Богатые эмигранты» оказались агентами хортистской полиции. Они усадили Сомолани в машину, тайком увезли в Шопронкёхид и там замучили насмерть.

Случаи похищения и исчезновения политических эмигрантов участились. Нам дали понять, что и в Вене мы не можем чувствовать себя в полной безопасности. Австрийские власти смотрели сквозь пальцы на вмешательство хортистской полиции во внутренние дела: ведь это были дела венгерских эмигрантов. За несколько недель до исчезновения Сомолани полицейские Пилсудского убили двух польских эмигрантов-коммунистов, бежавших в Вену. Одновременно с этим секретные агенты югославского короля Александра похитили одного хорватского коммуниста. Такой была наша жизнь в социал-демократическом «раю».

Подобные случаи нагнали на некоторых политических эмигрантов прямо-таки ужас. В основном это были представители мелкой буржуазии — те, кто лишь примазывал-

ся к революции. Испугавшись, они старались порвать с партией. Для нас это, конечно, была небольшая потеря. Убежденные коммунисты, вопреки всему происходившему, остались в строю. Правда, кое-кто из нашей молодежи страдал наивным оптимизмом. Так, за день до трагической смерти Отто Корвина и Ласло Йенё я поздно ночью прогуливался по Кертнерштрассе с двумя молодыми товарищами Арпадом Наасом и Бела Иллешем. Ребята стали доказывать мне, что контрреволюция доживает последние дни и очень скоро власть в Венгрии снова будет в руках пролетарской диктатуры. Оба они были голодные как волки, а поскольку у меня в кармане оказалось немного денег, я завел их в сосисочную напротив собора Святого Иштвана. Горячие сосиски еще больше подняли настроение моих коллег, и они никак не могли понять, почему же я так мрачен и почему считаю, что для установления прочной диктатуры пролетариата в Венгрии еще не наступило время. Они слушали меня с недоверием. Они явно не принимали всерьез мои доводы. К сожалению, правы оказались не они, а я. Сорок лет спустя нам случилось вспомнить этот старый разговор.

С первых же дней эмиграции я сразу окунулся в партийную работу. В кафе «Бетховен» мы встретились с Бела Санто, который посвятил меня в планы партии. Моим первым заданием была поездка в Печ, оккупированный югославскими войсками. В августе 1919 года по дороге из Венгрии я уже останавливался в этом городе на несколько дней. Как раз тогда-то и родилось сотрудничество венгерской полиции с политической полицией нового южнославянского государства. Совместное преследование коммунистов еще больше укрепило это содружество, хотя между обоими государствами не прекращалась взаимная борьба за город Печ и его угольные шахты.

Я должен был объединить коммунистов, работающих в Печи, информировать их о создавшемся положении и наметить вместе с ними ближайшие задачи.

От Вены до Печи мне пришлось добираться очень долго. Как раз в день моего отъезда югославские железнодорожники начали забастовку, которая продолжалась целую неделю. В Печи я должен был явиться к одному парикмахеру, который связал бы меня с нужными товарищами. И хотя в то время у меня еще не было богатого опыта нелегальной работы, все обошлось благополучно:

полиция оказалась не только жестокой, но и довольно глупой.

По возвращении в Вену я встретился с Бела Куном, а через несколько дней вместе с доктором Золтаном Бано отправился в новый путь, в Мункач.

В ЛЕСИСТЫХ КАРПАТАХ

В конце апреля 1920 года армия польских панов во главе с маршалом Пилсудским без объявления войны напала на молодую Советскую республику. Сначала поляки добились крупных успехов, поскольку основные силы Красной Армии сражались на Южном фронте с белогвардейскими частями барона Врангеля, которых всячески поддерживали английские и французские войска. Однако ни Пилсудский, ни французские и английские интервенты никак не могли предположить, что Советская Россия способна с необычайной быстротой мобилизовать все свои силы и перейти в решительное контрнаступление.

Эти события прямо и косвенно коснулись и меня: через несколько дней после разбойничьего нападения Пилсудского на Советскую республику я выехал в Закарпатскую Украину. Первой моей остановкой был Мункач. Когда я ужинал в гостинице «Звезда», мне сразу же бросилось в глаза, что за соседними столиками сидели американские, английские и французские офицеры. Чтобы не забыть, замечу, что в Мункач я приехал с паспортом, выданным на имя доктора Золтана Бано.

Готовясь к походу против Советской России, армия Пилсудского получила большое количество оружия и боеприпасов из Франции и Англии. В польской армии появились французские генералы. В небольших подразделениях в качестве «советников» служили молодые французские офицеры. За несколько месяцев до нападения Пилсудского на Россию польская пресса развернула широкую антисоветскую кампанию. По железным дорогам Закарпатской Украины перевозилось оружие и боеприпасы. Английские, французские и американские офицерские группы специального назначения контролировали и обеспечивали безопасность перевозимых военных грузов. Срочно формирова-

лись военные отряды и подразделения из бывших царских офицеров, бежавших от советской власти в Карпаты.

Нужно было как-то помешать врагам революции. И мы старались делать все, что было в наших силах. Однажды на железнодорожной станции Берегсас остановился поезд с боеприпасами. Он следовал через Словакию в Закарпатье. Состав был замаскирован и охранялся французскими солдатами. Значит, командование Антанты направляло военные материалы контрреволюционной армии Пилсудского. Разумеется, мы должны были или пустить этот состав под откос, или же, захватив оружие, передать его партизанам, которые действовали в тылу контрреволюционной польской армии.

Ситуация сложилась так, что нам оставалось только взорвать состав. Когда уже все было готово для этого, мне сообщили, что взрыв состава на железнодорожной станции Берегсас неминуемо приведет к жертвам среди мирного населения, проживающего вблизи станционных путей. Надо было срочно менять наши планы: или взорвать состав вдали от населенного пункта, или же насыпать в буксы песку, чтобы вывести состав из строя. Наши товарищи действительно сумели насыпать в буксы песку. Вагонные буксы загорелись, и весь состав остановился. Подоспевшие партизаны захватили оружие.

21 марта 1920 года, то есть в день годовщины венгерской пролетарской диктатуры, в Закарпатской Украине была создана нелегальная коммунистическая партия. По этому поводу Бела Кун прислал свое приветствие. Нелегальная коммунистическая партия призвана была руководить революционным движением в Закарпатье. Профсоюзы действовали в то время легально, однако основную революционную силу здесь представляли не индустриальные рабочие, объединенные профсоюзом, а крестьяне, большинство которых скрывалось в лесах.

Промышленный пролетариат в Закарпатской Украине был малочислен. Рабочие деревообделочных заводов фактически находились на положении крепостных крестьян графа Шёнборна. Сейчас это, быть может, звучит неправдоподобно, но факт остается фактом: вплоть до 1918 года Шёнборн был настоящим феодалом и даже держал надсмотрщиков. Провинившихся рабочих наказывали палками. На стенах школьных и общественных зданий красовались «десять заповедей», которые должны были строго

соблюдать жители Закарпатской Украины, чтобы не прогневить милостивого графа Шёнборна.

Сам граф проживал в Вене, но был безраздельным господином в лесистых Карпатах. До ноября 1918 года государственные и местные чиновники точно выполняли все предписания управляющего имением графа. И хотя Австро-Венгерская империя уже развалилась, феодальные привилегии графа Шёнборна пережили монархию Габсбургов. Так, например, в Мункаче нельзя было строить гостиницы: одна-единственная гостиница «Звезда» принадлежала графу, а он, как известно, не терпел никакой конкуренции. От Верецке до Мункача все корчмы принадлежали тоже графу, который отдавал их в наем надежным людям. Государственные чиновники, местные судьи и нотариусы тоже были верными слугами и агентами графа. Даже дороги в Карпатах строили по личному указанию самого Шёнборна.

Однажды граф продал верецкскую корчму дядюшке Вейсу, который до этого считался ее нанимателем. Это был необычный случай, и жители Закарпатской Украины в шутку назвали этот факт самым крупным завоеванием революции в лесистых Карпатах.

Чтобы дядюшка Вейс не очень задирал нос, местный раввин, бежавший от большевиков в Мункач, вызвал к себе корчмаря и предупредил, что он обязан во всем повиноваться графским управляющим — такова воля господня. Попутно замечу, что сам раввин, которого верующие превозносили как святого, возглавлял крупную шайку спекулянтов валютой во всех Карпатах, о чем стало известно только позже.

Любопытные рассказы ходили в народе о дядюшке Вейсе. Он слыл богатым человеком: у него была не только корчма, которая приносила неплохой доход, но и собственное имение. Узнав, что мы агитируем местных крестьян вступать в партизанские отряды, Вейс очень рассердился. Однажды на ломаном немецком языке он высказал примерно следующее: «Я не понимаю, как могут такие благородные господа разговаривать с этими разбойниками. Они называют себя большевиками, на самом же деле они — разбойники, потому что хотят отнять у меня мою землю и леса. Я хорошо знаю, что такое большевизм».

Мы не раз потешались над философией дядюшки Вейса, хотя и не могли его переубедить.

В то время у власти в Закарпатской Украине стояли продажные, реакционные силы. Глава медье в Мункаче Славик во время первой мировой войны служил фельдфебелем в пражском Панкраце, в той самой тюрьме, где пытали политических заключенных. Руки Славика были обагрены кровью рабочих-социалистов, чешских борцов Сопротивления и даже представителей интеллигенции из партии Масарика. Ходили слухи, что Славик участвовал в казни жены Масарика. Однако все это не помешало правительству позволить Славику играть и теперь важную политическую роль — ведь в борьбе против большевиков реакции нужны были такие темные личности.

Вот и второй пример. Глава медье в Берегсасе Лици продал одному французскому банку часть государственного леса в Карпатах. Полученную сумму, разумеется, он положил в свой карман. Государство не смогло по суду вернуть этот лес, поскольку французский посол в Праге поддерживал того, кто купил лес.

Позже Славика посадили в тюрьму, но не за убийства, совершенные им во время войны, а как фальшивомонетчика. Наместника Лици впоследствии тоже сняли с должности — отнюдь не за торговлю государственным лесом. Оказалось, что он был тайным агентом хортистской полиции и постоянно передавал в Будапешт донесения о положении чехословацкой армии и ее передвижениях. Кроме того, он завербовал для хортистской секретной службы нескольких чехословацких офицеров.

Рабочие лесозаготовительных пунктов в Мункаче получали нищенскую зарплату. Реальный заработок рабочих уменьшился по сравнению с 1918 годом в двенадцать раз. Жизненный уровень трудящихся был очень низкий.

Через несколько месяцев после моего приезда в Карпаты на окраине села Волоц в простой избе состоялось совещание руководителей нелегальной коммунистической партии. Перед нами стояли две задачи: помешать снабжению белой польской армии оружием и боеприпасами и начать борьбу за повышение заработной платы. Обе эти задачи смыкались, я бы сказал, даже сливались воедино.

По инициативе коммунистов сойвийские рабочие завода по производству метилового спирта на открытом собрании выдвинули требования о повышении заработной платы. Профсоюз работников деревообрабатывающей промышленности последовал их примеру. Рабочие законно требовали

повысить заработную плату в десять раз и за последние шесть месяцев выплатить зарплату по-новому. На деревообрабатывающем комбинате и на заводе по производству метилового спирта в то время работало почти три тысячи человек, а на лесозаготовительных пунктах — и того больше. Только к югу от Сойвы находилось три-четыре лесозаготовительных пункта. На одном из них в свое время работал Отто Корвин. Всего же в Закарпатье таких пунктов было великое множество, и трудились на них от зари до зари оборванные, голодные лесорубы — украинцы, венгры, евреи, словаки, румыны.

Дирекция сойвийского комбината, разумеется, отклонила требования рабочих. Более того, дирекция послала телеграмму в Прагу с просьбой прислать для поддержки роту солдат. Через несколько недель прибыли легионеры, однако в сложившейся ситуации им просто нечего было делать.

Господа заводчики думали, что рабочие начнут бастовать. А поскольку народ живет в неимоверной нужде и ждать материальной помощи бастующим неоткуда, то забастовка не продлится и несколько дней. Легионеры же понадобились для острастки.

Однако рабочие избрали другой путь. Они встали к машинам, но работали очень медленно, с перебоями. И так везде — как на самом заводе, так и на лесозаготовках. Когда я приехал в Сойву, шел третий или четвертый день забастовки. За день рабочие выполняли не более пятидесяти процентов нормы. Это было вначале. Через десять дней забастовки лесозавод дал только десять процентов средней выработки, а большинство машин вообще было выведено из строя.

Забастовка перекинулась и в другие районы. На узкоколейке, связывающей Сойву с Пеленой, почти каждый час составы сходили с рельсов. При этом обходились без жертв, зато сообщение было полностью нарушено. Вскоре также с перебоями машины работали уже и в Оссе, а затем и в Перечене, находящемся к северу от Унгвара. Словацкая и чешская печать внимательно следила за событиями в Сойве. Даже в парламенте был сделан запрос о положении в Закарпатской Украине. Рабочие из Кладно и Брюнна прислали бастующим деньги и телеграмму с выражением своей солидарности. Солдаты-легионеры, прибыв-

шие в Сойву, в большинстве своем также симпатизировали бастующим рабочим.

Изба на окраине села Волоц превратилась в настоящий партийный центр. Как-то сюда пришли три солдата-легионера. Все трое были очень смышлеными малыми, но горячие головы. Дай им волю, мигом начнут восстание. Нелегко было убедить этих ребят, что в настоящий момент нам нужна от них другая помощь. Им было поручено охранять рабочие собрания и рабочих активистов от внезапного нападения жандармов. Они охотно взялись за это дело и, нужно сказать, с честью выполнили его.

С одним из трех легионеров я встретился в Москве лет двадцать — двадцать пят спустя. К тому времени он стал закаленным ветераном рабочего движения.

На третьей неделе забастовки директор лесозавода вызвал к себе (не попросил, а именно вызвал) руководителей профсоюзов и предложил им компромиссное решение: дирекция поднимет заработную плату рабочих в пять раз и выплатит ее в таком размере за три истекших месяца. Рабочие отклонили это предложение. В зале, где шли переговоры, находился начальник жандармерии, а само здание дирекции было занято легионерами. Услышав отрицательный ответ рабочих, директор презрительно фыркнул:

— Согласитесь и на худшие условия!

В ответ один из трансильванских рабочих, по имени Молдован, отвесил директору оплеуху. Начальник жандармерии тут же арестовал «бунтаря» и передал его легионерам. Однако через три часа после этого инцидента Молдован уже сидел у меня и рассказывал, как проходили переговоры рабочих с администрацией и чем они закончились. Это был здоровенный молодой человек со спокойными, уверенными движениями. До этого он два года провел в русском плену. Молдован сиял от счастья, что влепил директору оплеуху. Его нисколько не беспокоило дальнейшее. Он решил жить в лесах, а уж туда не посмеют сунуться жандармы.

Конечно, и взгляды и методы Молдована были чужды нашей стратегии и тактике, но я не пытался доказать, что он неправ. Дело в том, что недовольство трансильванских рабочих было настолько сильно, что они все равно не смогли бы здраво оценить сложившуюся ситуацию. А на их помощь партия всегда могла рассчитывать.

Общественное мнение было приковано к борьбе сойвийских рабочих за повышение заработной платы. Успехи забастовки в значительной мере помогали поднимать народные массы до уровня политических задач. А это создавало благоприятную почву для того, чтобы больше помешать доставке оружия и боеприпасов для польской армии. В конце апреля в Сойве дирекция наконец вынуждена была принять все условия рабочих. За последние шесть месяцев рабочие получили заработную плату в новых расценках. Все магазины и корчмы тотчас же подняли цены на свои товары, однако это ни в коей мере не преуменьшило значения победы, одержанной рабочими. По примеру сойвийских рабочих по всей стране развернулась борьба за повышение заработной платы.

В результате оживления рабочего движения в Чехословакии из тюрем и лагерей для интернированных лиц были выпущены на свободу словацкие и закарпатские рабочие, крестьяне и интеллигенты, которых арестовали в 1918 или 1919 году.

В рабочее движение вливались свежие силы. Участились стихийные выступления народных масс. Коммунистам пришлось много поработать, убеждая население в том, что серьезных успехов в борьбе можно достичь только в результате согласованных выступлений. Не скрою, мы опасались и того, что между рабочими различных национальностей начнутся разногласия. Однако трудовой народ не был заражен национализмом.

В то же время в кругах буржуазии по-своему понимали национальный вопрос. Венгерские землевладельцы, заводчики и торговцы во что бы то ни стало старались пролезть в высшие слои общества, где господствовала чехословацкая буржуазия. Некоторые землевладельцы из Берегсаса или Угоча с таким шумом объявляли себя славянами, что перед ними бледнели даже чехословацкие славянофилы. Как правило, вновь испеченные славяне ни слова не понимали ни по-чешски, ни по-словацки, ни по-украински, что, однако, ни в коей мере не уменьшало их пыла. Чешские буржуа чувствовали себя полными хозяевами как в Словакии, так и в Закарпатской Украине. Они вели себя как колонизаторы и вовсе не нуждались в венгерской конкуренции. Поэтому частенько ту или иную группу венгерских господ, которые проявляли слишком большое воодушевление по отношению к правительству Масарика,

объявляли группой заговорщиков и как шпионов отправляли в тюрьму.

Революционному рабочему движению в Закарпатской Украине симпатизировали не только чешские легионеры. Многие переселенцы-чехи тоже стали нашими друзьями. Мне не раз приходилось беседовать с одним из молодых чешских учителей из Праги. Он добровольно приехал в Унгвар, искренне надеясь хоть чем-нибудь помочь братьям-славянам. Войдя в курс дела, он стал переводить наши листовки на чешский язык. До этого мы выпускали листовки только на украинском, венгерском и еврейском языках.

Текст наших листовок, как правило, состоял всего из нескольких предложений и был предельно ясен по содержанию. Вот, например, одна из таких листовок: «Не доставляйте оружие и боеприпасы врагам Советской России! Красная Армия борется за ваши интересы, а польские паны — против вас!» Своими листовками мы буквально наводнили все Закарпатье.

Не будет преувеличением сказать, что большинство населения Закарпатской Украины поддерживало нас. Первые выборы, которые состоялись в Закарпатской Украине в 1924 году, показали, что правительство Масарика за четыре года своего правления не приобрело популярности в народе. Преимущественное большинство населения отдало свои голоса за коммунистов.

Я уже говорил, что в среде буржуазии были серьезные разногласия. Только чешская правящая верхушка пресекла венгерскую конкуренцию в борьбе за власть, как выяснилось, что на Закарпатскую Украину претендуют Франция и Америка. Францию представлял командующий вооруженными силами Закарпатской Украины генерал Пари, а американские интересы защищал Жаткович, который в 1918 году был наместником Автономной Закарпатской Украины. Сначала чешские государственные чиновники в большинстве своем поддерживали французов, однако очень скоро, после соответствующей долларовой обработки, они стали сторонниками американской ориентации.

Польская и украинская буржуазия тоже были непримиримыми врагами. В Галиции большинство населения составляли украинцы, но на важных постах сидели польские буржуа. Украинские паны находились в оппозиции и стремились вытеснить поляков из Галиции, но больше всего

они боялись, как бы в случае поражения поляков власть не захватили рабочие и крестьяне. По этой причине украинские буржуа избрали компромиссный путь: на чем свет стоит ругали поляков и в то же время воздерживались временно от каких-либо действий против них.

Украинские буржуа пытались даже установить связь с нами. Мне дважды приходилось беседовать с украинскими националистами. Это были весьма поучительные беседы. Украинские господа отнюдь не возражали против того, чтобы мы сокрушили польских панов, но у нас не оставалось и тени сомнения, что эти буржуа хотят просто-напросто использовать наши силы, чтобы затем самим стать у кормила государственной власти. Во время вторичных переговоров я сформулировал их требования и тоном, полным сарказма, произнес:

— Как я понял, господа хотят поражения польской армии для того, чтобы потом всевозможными путями помешать победоносному продвижению Красной Армии.

Мне казалось, мой тон оскорбит их, но я ошибся. Представители украинской буржуазии только утвердительно закивали головами. Отнюдь не цинично, а скорее наивно они подтвердили, что самый разумный выход — это поражение панской Польши, но без победы Советской России. На этом наши переговоры и кончились.

Украинские националисты поначалу метались между Пари и Жатковичем. Генерал Пари обещал националистам создать в Галиции самостоятельное украинское государство. Для французов это был бы одновременно своего рода трамплин для наступления на Киев, а затем и на Москву. Но у Жатковича было больше денег, да и основная масса чешских государственных чиновников поддерживала американского ставленника, так что украинские националисты не присоединились к Пари. Теперь они ругали не столько поляков, сколько друг друга. В результате многие украинские интеллигенты, проживающие в Закарпатской Украине, вышли из-под влияния националистов и примкнули к коммунистам.

Белополяки имели успех лишь в самом начале своего разбойничьего похода, но, как только Красная Армия перешла в контрнаступление, войска Пилсудского не только начали отступать, а прямо-таки побежали. Победы Красной Армии оказали большое влияние на всю Европу. В Берлине и во Франции активизировали свои действия

прогрессивные силы, которые стремились не к каким-то компромиссам и половинчатым решениям, а на самом деле были заинтересованы в установлении революционного порядка в Западной Европе. Так, борьба немецкого пролетариата затрудняла доставку оружия и боеприпасов в Варшаву. Поэтому железнодорожные магистрали Закарпатской Украины, связывающие Венгрию с Польшей, приобрели еще большее значение. Перед самым походом Пилсудского чешское правительство заменило местных железнодорожников на чешских. Но большинство чешских железнодорожников вскоре стали солидарны с нами, и это серьезным образом угрожало доставке оружия и боеприпасов в польскую армию. Чешские железнодорожники следовали примеру сойвийских рабочих: то там, то здесь выходил из строя паровоз, то здесь, то там отрывался от состава вагон, или же «по ошибке» состав загоняли на неисправный путь, и тем самым на несколько часов останавливалось все движение.

В начале июня чешских железнодорожников заменили румынскими, а мы начали выпускать пропагандистские листовки уже на пяти языках. Организационной работы прибавилось. Кроме того, в этот период мне поручили заниматься вопросами, о которых я раньше не имел никакого представления: необходимо было наладить снабжение продуктами питания семей арестованных рабочих и уволенных с работы железнодорожников. Более того, нужно было найти прибежище для польских дезертиров. Мы их обычно направляли в карпатские леса, где скрывались венгерские, украинские, еврейские и румынские рабочие и крестьяне. Разумеется, мы немало поработали, чтобы между группами различных национальностей не возникало каких-нибудь недоразумений. Это была нелегкая работа. Конечно, не обошлось и без ошибок, но поддержка народа окрыляла нас.

Когда Красная Армия находилась недалеко от Варшавы и Львова, мы сумели взорвать виадук на железной дороге к северу от Волоца. Таким образом, один железнодорожный путь был выведен из строя. Движение на железнодорожной линии через Ловачне также было парализовано. Железнодорожники организовали дружный саботаж: почти ежедневно то здесь, то там кто-то разбирал участок железнодорожного полотна или вдруг оказывались испорченными стрелки.

На небольшой территории Закарпатской Украины (немногим более двенадцати тысяч квадратных километров) проживало в то время около одного миллиона человек. Гордый героический народ Закарпатья успешно боролся за свои права. И хотя эта неравная борьба продолжалась всего несколько месяцев, она не прошла даром, так как под ее влиянием оживилось рабочее движение в Чехословакии, Польше и Румынии. Национальную самостоятельность трудящиеся Закарпатской Украины обрели только двадцать с лишним лет спустя с приходом Советской Армии, которую они приветствовали как свою освободительницу.

Вести партийную работу в Закарпатье мне было довольно рискованно, так как в Мункаче я сдавал экзамены на аттестат зрелости и очень многие жители города знали меня в лицо. К счастью, никакой беды тогда со мной не случилось, и в первую очередь потому, что большинство населения симпатизировало Советской России.

И все же у меня было неожиданное столкновение с жупаном[1]. Узнав, что я венгерский эмигрант и юрист по образованию, он вызвал меня и начал объяснять, какую помощь могу я оказать правительству Бенеша, если займу вакантную должность исправника в Сойве. Я коротко ответил, что не намерен этого делать. Через несколько дней жупан отдал приказ о моем аресте, но я вовремя уехал из Мункача.

По решению партии меня снова послали в Вену. За те несколько месяцев, в течение которых я находился в Мункаче, Унгваре, Сойве и Волоце, положение там заметно изменилось.

НА НЕЛЕГАЛЬНОЙ РАБОТЕ

В Вену к тому времени съехалось довольно много эмигрантов, и здесь у нас образовался своего рода партийный центр. Меня ждало новое задание — поездка в Москву. В Вене я познакомился с доктором Ласло Полачеком. У меня сложилось впечатление, что как человек, хорошо знающий иностранные языки, да и по другим причинам, он вполне подходит

[1] Жупан — правительственный наместник. — *Прим. ред.*

для ведения нелегальной партийной работы. Нам разрешили ехать в Москву вместе.

На несколько дней мы остановились в Берлине. С помощью имевшихся связей нам удалось пристроиться в эшелон с русскими военнопленными, которых отправляли на родину. В порту Штеттин всех военнопленных пересадили на одно судно, в результате оно оказалось набитым до отказа. Мы с Полачеком все время находились на палубе, так как в трюме можно было задохнуться.

Неподалеку от нас расположилась одна дама. Она возвращалась из эмиграции с нелегальной работы. Эта женщина все время расспрашивала меня. Я был очень хорошо одет и потому, видимо, казался ей подозрительным. По всей вероятности, она приняла меня за шпиона или что-то в этом роде. Чтобы удовлетворить ее любопытство, я сказал, что работаю режиссером кино. В итоге на каждом советском контрольном пункте, где обо мне были хорошо осведомлены, эта дама предупреждала власти, что я или опасный шпион или, во всяком случае, очень подозрительный тип.

Мы с Полачеком от души смеялись над этим. Но каково же было удивление этой женщины, когда по приезде в Москву нас направили по тому же адресу, что и ее. Женщина очень рассердилась на меня и долго не могла успокоиться. Что делать, ведь в нелегальной партийной работе не должно быть места слепому доверию.

Я пробыл в Москве несколько месяцев. За это время мы с Бела Куном обсудили события последних месяцев и положение в партии. В феврале 1921 года меня направили в Берлин в распоряжение Коммунистической партии Германии. В Берлин я попал в разгар так называемых мартовских событий. Втроем (я, Гуральский и Эберлейн) мы образовали комитет, который ставил задачу объединить революционные силы в этом районе и возглавить развернувшиеся классовые бои пролетариата. Приходилось работать в сложной обстановке. Социал-демократы и анархисты постоянно вставляли нам палки в колеса.

За несколько месяцев пребывания в Берлине я часто выступал перед коммунистами с докладами о военных задачах революции.

После мартовских событий меня направляли с партийными поручениями в Восточную Германию, Австрию, Чехословакию и Болгарию. Местом моего основного житель-

ства оставался Берлин. Сюда я и возвращался каждый раз после выполнения очередного задания.

В Берлине мне удалось разыскать моего старого друга и товарища по совместной борьбе Дьюлу Альпари. Но однажды, придя к нему на квартиру, я застал там жандармов. У Дьюлы был обыск. На этот раз не помог и мой безукоризненно оформленный паспорт, выданный на имя австрийского гражданина. Меня узнал один из детективов: он был агентом будапештской полиции. Подойдя ближе, он насмешливо поздоровался со мной:

— Добрый день, товарищ Мюнних.

Меня тотчас же арестовали и направили в тюрьму Моабит. Через месяц мне предъявили обвинительное заключение, из которого я с радостью узнал, что обвиняюсь всего-навсего в пользовании фальшивыми документами. Я же, откровенно говоря, боялся, что они узнают о моем участии в мартовских событиях и тогда мне не избежать смертной казни. Как рассказал адвокат, полицейские этим очень интересовались, но, к счастью, немецкие товарищи меня хорошо законспирировали. Полиция разыскивала и того человека, фамилию которого я использовал, но безуспешно.

Выйдя на свободу, я вновь окунулся в партийную работу. По делам партии мне пришлось бывать в разных странах. Выполняя серьезные задания, я иногда попадал и в довольно забавные истории. Так, в 1921 году меня послали в Болгарию. Я приехал в самый разгар предвыборной кампании. В Плевне ко мне в купе вошел представительный мужчина с большим букетом цветов в руках и уселся напротив. Увидев у мужчины пачку немецких газет, я заговорил с ним по-немецки. По всем приметам передо мной был какой-то политический деятель. Я представился ему как корреспондент газеты «Берлинер тагеблат» (решив попробовать силы и в этой роли) и сказал, что он, видимо, возвращается с предвыборного собрания, на котором выступал с программной речью. Господин чрезвычайно удивился моей осведомленности. Тогда я объяснил, что ничего удивительного в этом нет, так как мне известно, что в Болгарии сейчас проходят выборы, а воскресенье — самый удобный день для предвыборного собрания. Букет цветов наверняка подарили ему избиратели. Ведь, учитывая его возраст, не скажешь, что эти цветы он получил от своей невесты.

Замечание очень позабавило незнакомца, и мы премило разговорились. Оказалось, моим попутчиком был депутат Тодоров. Поверив, что я корреспондент газеты, он даже пригласил меня назавтра в свой клуб. Там я был представлен самому премьер-министру Стамболийскому, у которого даже взял интервью. Правда, оно никогда и нигде не было напечатано, поскольку в «Берлинер тагеблат» о таком корреспонденте не имели ни малейшего представления.

Во время поездки по Румынии тоже не обошлось без приключений. Так, в Бухаресте за один месяц меня дважды вызывали в полицию. И нужно же было так случиться, что при повторной проверке я попал к тому же полицейскому, который «изучал» мои документы в прошлый раз.

Он внимательно заглянул мне в глаза и сказал:

— Мой господин, совсем недавно у вас был паспорт на другое имя!

Позади меня стояло человек десять. Ни о каком объяснении в таких условиях не могло быть и речи. Тогда я полез в карман и положил перед полицейским тысячу лей. Но он продолжал твердить, что хорошо помнит меня. Я положил перед ним еще одну тысячу. Теперь он заявил, что, оказывается, совсем не помнит меня, зато вот его коллега хорошо все запомнил. Пришлось пожертвовать еще одной тысячью, и тогда мне поставили необходимую печать в паспорте.

Через две недели этот же полицейский разыскал меня в «Гранд отеле» и предупредил, что срок моего пребывания в Бухаресте за ту сумму, которую я заплатил, уже истек. В ответ я показал только что купленный железнодорожный билет. Полицейского это вполне устраивало, и он даже попросил подарить ему что-нибудь на память.

А вот и другой случай — тоже в Румынии. Мне срочно нужно было переправиться на тот берег Дуная, а стоял февраль. По Дунаю шел ледоход, и переправляться в такое время через реку было очень опасно. Поэтому офицеру-пограничнику, конечно не зря, показалось мое желание подозрительным. Тогда я шепнул ему на ухо, что у меня в кармане семь тысяч лей, которые мне нет смысла увозить в Болгарию. Пограничник сразу же вызвался взять мои деньги на сохранение: он, конечно, сразу же отдаст их мне, как только я вернусь. Офицер вдруг стал таким

любезным, что даже достал для меня перевозчика. Так я и переправился через загроможденную льдом реку.

К воспоминаниям, связанным с пребыванием в королевской Румынии, относится и еще одно. Как-то, внеся в комнату мой чемодан, швейцар гостиницы вдруг сообщил, что в вестибюле меня ждет герцогиня Кантакуцена, которая во что бы то ни стало хочет со мной познакомиться. Я поинтересовался, на каком углу улицы прогуливается его герцогиня. Швейцар стал меня заверять, что она самая настоящая герцогиня, да и сам он не позволил бы оскорбить недостойным предложением такого почтенного господина. И тут же добавил, что, если я располагаю деньгами, он проводит герцогиню ко мне в номер.

НА СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

После провала на квартире у Дьюлы Альпари меня целый месяц продержали в тюрьме. По решению суда я должен был немедленно покинуть пределы Германии. Выйдя из тюрьмы и получив новый паспорт, я выехал в Ригу на пассажирском пароходе. Моим попутчиком оказался товарищ по партии Деже Силади. За время пути мы с ним успели припомнить все события последних лет.

В Москве я получил ответственную работу: меня назначили председателем контрольной комиссии по проверке нефтяной промышленности. К тому времени в Москве собралось довольно много венгерских эмигрантов. Я установил с ними связи. Политические эмигранты издавали различные брошюры и журнал «Шарло еш калапач» («Серп и молот»), членом редакционной коллегии которого я был вплоть до 1936 года. В этот период издали и мою брошюру «Первый пятилетний план Советского Союза». В это же время в Берлине вышла из печати моя книжка «Классовая армия пролетариата». По долгу службы мне приходилось много разъезжать по территории Советского Союза. Я основательно познакомился с бакинским, грозненским, волжским и уральским нефтяными месторождениями, а также с другими нефтеносными районами. Мне довелось видеть, как Советский Союз втягивал в орбиту промышленного производства отсталые в прошлом народы, прививал им новую культуру.



Ференц Мюнних перед отъездом в Испанию (1936 г.)

Целый год я работал в Грозном. Здесь кроме нефтедобычи велись изыскательские работы по обнаружению новых нефтеносных пластов. Я хорошо выучил русский язык, и это в огромной степени помогало мне в работе.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ

В 1936 году войска генерала Франко при поддержке Гитлера и Муссолини напали на молодую Испанскую республику.

Тридцать лет — большой период в жизни человека, однако до сих пор в моей памяти сохранились впечатления тех дней. Когда испанский пролетариат с оружием в руках встал на защиту своей республики, трудящиеся всего мира, и в первую очередь коммунисты, восприняли борьбу испанского народа как свое кровное дело. Тысячи людей спешили на помощь героической Испании.

Добровольцам-интернационалистам приходилось пересекать территорию многих государств, скрываться от преследований международной реакции и полиции капиталистических государств, которые всячески старались помешать международному рабочему движению оказывать поддержку испанскому народу.

Путь в Испанию и у меня был нелегким. На одном датском корабле я отплыл во Францию, надеясь оттуда пробраться в Испанию. Многие пассажиры нашего корабля придерживались того же маршрута, но никто не делился этим друг с другом. Однако порой мелкие, на первый взгляд незаметные детали объединяли нас больше, чем пространные разговоры, и становилось ясно, что все мы — интернационалисты и держим один и тот же путь.

Спасаясь от разыгравшейся бури, наш корабль зашел в Антверпенскую гавань. И здесь мы поняли, что интернационалистов оказалось человек пятьдесят. Все ехали в одно и то же место, в Испанию. Не обмолвившись ни словом, мы смекнули, что высаживаться в таком количестве во французском порту — значит сразу же привлечь внимание полиции. И когда наш пароход выходил из Антверпенской гавани, таких, как мы, осталось всего-навсего трое. Другие же решили пересечь французскую границу поездом или каким-нибудь другим способом. В Дюнкерке французские власти спокойно выпустили нас троих на берег, и мы смогли ехать дальше, в Париж.

Этот случай говорил о многом. Несмотря на то что во главе французского правительства стоял социалист Леон Блюм, французские власти были больше чем осторожны по отношению к интернационалистам.

Мы сели в поезд. В купе со мной ехал еще один человек. Он показался мне подозрительным, и я почему-то подумал, что он, быть может, тоже едет в Испанию. Мы, конечно, не сказали друг другу ни слова правды. Сосед говорил, что в Париже у него родственники, а я отрекомендовался туристом, тем более что мой паспорт как раз подтверждал это: я путешествовал как австрийский адвокат.

Чтобы оформить все необходимые документы, пришлось задержаться в Париже дней на шесть. Затем я снова сел в поезд. На испанской пограничной станции интернационалисты поступали в распоряжение республиканских органов, а поскольку в тот период правительство

в Испании было коалиционным, эти органы состояли из представителей различных партий. Я спокойно прошел все проверки у всех групп. Только один бородатый мужчина, представитель анархо-социалистов, начал умничать, заявив, что испанский народ в состоянии воевать и без помощи коммунистов. Но, как бы там ни было, мне все же удалось получить разрешение следовать дальше.

Поезд шел через Валенсию в Мадрид. Все говорило о том, что здесь бушует война. Состав охраняли рабочие-охранники и партизаны. Они относились к нам, иностранцам, по-дружески, так как им было хорошо известно, куда и зачем мы едем. Добровольцы-республиканцы встречали нас очень тепло. Когда мы останавливались на каком-нибудь контрольном пункте, они приглашали нас к себе и, хотя сами жили в бедности, гостей принимали весьма щедро. Как сейчас помню, я впервые в жизни попробовал тогда сардины, жареные на углях.

Находясь на испанской земле, мы уже не скрывали цели своего приезда. В те времена я был блондином, и республиканцы принимали меня за советского летчика: они все время показывали мне на пальцах, что будет очень хорошо, когда я начну бомбить фашистов.

В Мадрид мы прибыли в канун праздника Великой Октябрьской социалистической революции, то есть 6 ноября 1936 года. Город находился в большой опасности. Положение было настолько критическим, что никто не мог с уверенностью сказать, удастся ли республиканцам отбить наступление регулярной фашистской армии и марокканских легионеров.

В Мадриде мы установили связь со знаменитым Пятым полком. Его сформировали по инициативе Коммунистической партии Испании. Командиром этого полка был легендарный товарищ Листер. Мы сразу же стали проситься в бой, но командование полка заявило, что с фашистами испанцы пока и сами справляются, а нас ждут более важные дела. Республиканцы с гордостью сообщили нам, что в их распоряжении находится несколько советских танков. И хотя мы говорили, что обойдемся без танков, испанцы обещали послать их в город Альбасете, где в то время находился штаб интернациональных бригад во главе с Андре Марти и Луиджи Лонго.

В Испанию из разных стран тысячами тянулись добровольцы, в Альбасете из них формировали интернацио-

нальные бригады. Первое подразделение 11-й интернациональной бригады уже было на фронте, а вместе с ним воевала и венгерская рота добровольцев. Из нас, вновь прибывших, сформировали 12-ю интернациональную бригаду. Командиром ее стал Мате Залка, прославившийся в Испании как генерал Лукач.

В дороге меня сильно контузило, и мне пришлось несколько недель валяться в госпитале. Поправившись, я сразу же выехал в расположение 12-й интернациональной бригады. Меня назначили заместителем Мате Залки по хозяйственной части. Я должен был обеспечивать бригаду оружием, боеприпасами, продовольствием, а также обмундированием и снаряжением. Разумеется, это была не спокойная тыловая работа интенданта: мы ведь тоже принимали непосредственное участие в боевых операциях. В составе 12-й интернациональной бригады я сражался за Мадрид, под Ярамой и Уэской. В бою под Уэской вследствие измены анархистов венгерские интернационалисты понесли очень большие потери: погибли Мате Залка, Акош Хевеши, Имре Тарр и многие другие видные революционеры.

Еще до операции под Уэской, в марте 1937 года, воспользовавшись небольшой передышкой, мы вместе с Мате Залкой и Лайошем Чеби собрали под Мадридом в один батальсн всех венгров, сражавшихся в Испании. Впоследствии этот батальон, которым долгое время командовал Михай Салваи, входил в состав различных частей и за свои боевые заслуги снискал у испанского народа пламенную любовь. Формированию батальона венгерских добровольцев предшествовало довольно крупное событие — победа республиканцев под Гвадалахарой.

Командование фашистской армии, видя, что все их попытки прорваться в Мадрид терпят неудачу, решило осуществить прорыв на отдельном участке мадридского фронта, чтобы таким образом приблизиться к республиканской столице. В этой операции принял участие и так называемый экспедиционный корпус итальянцев, присланный Муссолини. Этот корпус был довольно многочисленным, однако следует заметить, что итальянским фашистам удалось сформировать его обманным путем. Воспользовавшись царившей в Италии безработицей, итальянцев призывали вступать в этот корпус, который будет действовать якобы в африканских колониях. Когда же «добровольцы» вышли

в открытое море, оказалось, что их корабль направился не к берегам Африки, а в испанскую гавань Кадис. Франкисты кое-как сформировали из завербованных итальянцев военные подразделения и поставили во главе каждого из них фашистского офицера. В бою же выяснилось, что большая часть итальянского экспедиционного корпуса не воодушевилась ни призывами Муссолини, ни речами Франко. Это в известной степени облегчило положение вооруженных сил республики.

Кроме того, итальянские интернационалисты с помощью громкоговорителей и листовок успешно провели пропагандистскую обработку солдат итальянского экспедиционного корпуса. Военное командование республики в свою очередь хорошо продумало план наступления, сосредоточив основной удар именно на том участке фронта, где находился итальянский экспедиционный корпус. Республиканцам удалось прорвать этот участок без особого труда.

Решающую роль в этом бою сыграли 11-я интернациональная бригада, которая состояла из немцев, австрийцев и скандинавов, и 12-я интернациональная, куда входили венгры и представители других национальностей. Республиканцы далеко отбросили фашистов и захватили большие трофеи. Таким образом Испанская республика получила короткую передышку. Правда, республиканская армия из-за целого ряда трудностей не смогла соответствующим образом развить и закрепить этот успех.

После операции под Уэской меня назначили в 15-ю испанскую дивизию, командиром которой был венгр, известный как генерал Янош Гал. Через много лет, когда мы узнали настоящие фамилии друг друга, выяснилось, что в 1918 году в Томске я принимал его в Красную гвардию. Тогда же, в Испании, меня знали как Отто Флатера.

В составе 15-й испанской дивизии я находился в течение восьми месяцев — сначала как начальник оперативного отдела, а затем как начальник штаба. Наша дивизия сражалась на Мадридском фронте. В результате успешного наступления под Брунете нам удалось отбросить фашистов от Мадрида и тем самым на время обеспечить безопасность столицы республики.

Империалистические государства, провозгласив так называемую «политику невмешательства», фактически бло-

кировали Испанскую республику. Мы потеряли возможность пополнять свои ряды новыми добровольцами, а главное, прекратилась доставка оружия и боеприпасов. Положение на фронте с каждым днем становилось все тяжелее. И если республиканская армия располагала пока большими людскими резервами, то противник значительно превосходил нас в технике, причем это превосходство все возрастало. Приходилось всячески изощряться: например, днем мы оставляли некоторые позиции, а ночью, когда противник не мог использовать свою технику, вновь занимали их решительными действиями. Разумеется, все это требовало очень больших жертв.

Превосходство противника в технике было весьма внушительным: в то время как наша артиллерия производила пять тысяч выстрелов за день, фашистская артиллерия — пятьдесят тысяч выстрелов; если наша авиация совершала пять-шесть самолето-вылетов, нанося по позициям противника один-два бомбовых удара, то авиация противника за этот же период делала пятьдесят — сто, а то и сто пятьдесят самолето-вылетов. Противник превосходил нас и в танках. Те танки, которые республиканцам прислали из-за границы, или уже полностью пришли в негодность или были уничтожены противником, а новых мы не могли получить вследствие «политики невмешательства».

Однако, несмотря ни на что, испанский народ в течение двух с половиной лет вел эту неравную, героическую борьбу. Когда кончались боеприпасы, испанские солдаты и добровольцы-интернационалисты пускали в ход бутылки с бензином или же шли врукопашную.

В апреле 1938 года фашистская армия прорвала фронт республиканцев у Теруэля в Арагоне и вышла к побережью Средиземного моря. В результате республика была расколота на две части. Предвидя возможность такого положения, военное командование республики заранее передислоцировало силы интернационалистов в Каталонию, рассчитывая ударом с фланга отбросить фашистов на старые позиции.

Во время передислокации интернационалистов из центральной части страны в Каталонию меня вызвали в Барселону. Штаб командования и партийный центр назначили меня командиром 11-й интернациональной бригады.

11-я интернациональная находилась тогда в резерве, пополняя свои ряды. Передо мной стояла задача — срочно

подготовить бригаду для участия в наступлении под Эбро. По своему составу бригада была многонациональной: немцы, австрийцы, норвежцы, финны, шведы, датчане, голландцы, но больше всего испанских солдат и испанских офицеров.

Всех нас объединяла жгучая ненависть к фашизму и сознание того, что победа испанского народа помешает империалистам развязать новую мировую войну. Каждый из нас прекрасно понимал, что, сражаясь против фашизма в Испании, он защищает и свободу собственного народа.

На территории Каталонии шло переформирование интернациональных бригад. В ходе кровопролитных боев мы понесли большие потери, и теперь наши соединения пополнялись испанскими добровольцами, на обучение которых требовалось минимум полтора — два месяца. Испанские добровольцы были настроены по-боевому, прилежно изучали военное дело и нетерпеливо ждали того часа, когда они вместе с интернационалистами смогут ринуться в бой против фашистов. За короткий срок нашу многонациональную бригаду удалось превратить в боеспособное соединение, которое отличалось высоким боевым духом.

Исходные позиции республиканской армии протянулись вдоль берега реки Эбро. 24 июля 1938 года наши войска перешли отсюда в решительное наступление. Предполагалось в глубине обороны противника разрезать фашистскую армию на две части и принудить ее тем самым отступить. Это был грандиозный план. Фашисты, конечно, и в мыслях не допускали, что мы можем отважиться на это. Во-первых, река Эбро была очень серьезным естественным препятствием, а республиканцы не имели достаточного количества переправочных средств. Кроме того, фашисты знали, что и в смысле вооружения мы гораздо слабее их.

И все же это наступление состоялось. Оно было настолько неожиданным, что фашисты действительно отступили. Республиканская армия, переправившись на противоположный берег Эбро на лодках, паромах и просто вплавь, вклинилась в оборону противника на глубину почти сорок — пятьдесят километров. К сожалению, достигнутые успехи мы не смогли закрепить: не хватало боеприпасов, сказывалась неопытность молодого пополнения,

военные действия на этом участке фронта не были в должной мере скоординированы с действиями войск в центральной части республики. Нам пришлось вести неравный бой — противник значительно превосходил нас в авиации и артиллерии. Гитлер и Муссолини не скупились. Они снабжали испанских фашистов не только вооружением и боеприпасами, но и регулярными частями.

Кроме того, в период боев на линии Эбро Лига Наций вынесла решение отозвать всех добровольцев-интернационалистов из республиканских войск Испании и всех иностранцев из армии Франко. Оставаясь верной международным нормам, республика приступила к выполнению этого решения. Интернационалистов собрали в различных лагерях в северной Каталонии. Вскоре началась их эвакуация. Далеко не все интернационалисты хотели вернуться к себе на родину. Во многих странах у власти уже стояли фашисты, поэтому, например, немцы, венгры, болгары и югославы оставались в лагерях.

Противник со своей стороны не спешил с выводом иностранных войск. Итальянский экспедиционный корпус, марокканские части и другие иностранные легионы продолжали оставаться главной ударной силой Франко.

Республиканская армия была поставлена в очень трудное положение, и ей пришлось отойти назад, за Эбро. Тогда оставшиеся интернационалисты вновь взялись за оружие. Это героическое решение, конечно, подняло боевой дух республиканцев.

В январе 1939 года в Каталонии развернулись оборонительные бои. Сдерживая превосходящие силы фашистов, мы отступали все дальше — к французской границе. Правительство Даладье предложило интернационалистам перейти на территорию Франции. Мы же хотели, чтобы этой возможностью воспользовались также и испанские подразделения республики. Однако французское правительство наотрез отказалось допустить на свою территорию такое большое количество людей — несколько сот тысяч человек.

У нас не было времени для размышлений. В сложившейся ситуации оставался один-единственный выход — с оружием в руках всем вместе перейти французскую границу. Конечно, это пришлось не по вкусу премьеру Даладье, но он в конце концов вынужден был принять нас.



ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПЛЕНУ

9 февраля 1939 года мы перешли французскую границу. У нас отобрали оружие и направили в глубь страны.

— Еще километра два, и вы получите кофе с молоком, — пообещали нам.

Такое обещание повторялось через каждые пять километров. Отмахав километров восемьдесят — девяносто, мы вышли к Средиземному морю. Французский офицер, показав рукой на прибрежный песок, объявил, что это вот и есть лагерь.

Как командир всей отходившей группы, я возразил:

— У меня очень хорошее зрение, но никакого лагеря я тут не вижу: кругом один песок.

— Да, — ответил француз, — мы не совсем готовы для приема вас, но это и есть лагерь. Так что можете располагаться, как умеете.

Затем он сказал французскую поговорку, что-то вроде: помогайте себе сами в силу своих возможностей. Впоследствии это изречение стало у нас крылатым.

Шел февраль. С Пиренеев дул холодный ветер, а мы были одеты не ахти как. Не оставалось ничего другого, как закопаться в песок, который на полуметровой глубине уже был мокрым. Так и прошла наша первая ночь в так называемом лагере.

Утром мы поинтересовались у французских охранников, чем нас будут кормить. Они не сказали нам ничего утешительного, так как и сами толком не знали, что с нами делать.

У кого-то в голове родилась гениальная идея: ведь не зря же, отходя из Испании, мы забрали с собой ослов и мулов. Вот они нас и выручат теперь.

На горизонте вырисовывались контуры какого-то села. Неподалеку от него мы собрали брошенные банки и старую посуду, сварили мясо и сытно позавтракали, правда, без соли.

Постепенно нас собралось восемьдесят тысяч человек. С таким количеством народа нужно было считаться, и нам наконец сообщили, что вот-вот подвезут продовольствие. Действительно, через несколько часов в нашу громадную толпу въехало восемьдесят грузовиков, с которых нам на-

чали сбрасывать хлеб. Получилась настоящая «куча мала». Смотреть на такую картину было больно. Мы образовали комитет и заявили начальнику лагеря протест, чтобы нас не кормили как скот. Этот комитет организовал склад и делил продовольствие на всех, как бы мало его ни было. Наше питание поначалу состояло только из хлеба и воды. Но вскоре Французская коммунистическая партия провела большую кампанию среди французских трудящихся по оказанию помощи борцам за свободу Испании, так что мы стали получать скудное, но все же регулярное питание.

В лагере налаживалась организация и порядок. Интернационалисты объединились в одну группу, которая в то время состояла приблизительно из семи тысяч человек (речь идет только о нашем лагере). Во главе этого коллектива товарищи поставили меня.

Мы потребовали, чтобы нам выдали доски и кое-какой инструмент для строительства лагеря. Среди нас оказались и инженеры и чертежники. Они составили план лагеря: здесь были и улицы, и даже одна площадь. В первую очередь мы построили лазарет, а уж потом приступили к строительству жилых бараков.

Я жил в палатке до тех пор, пока был выстроен весь лагерь и каждый человек получил место в бараке. Это так удивило французского начальника лагеря, что он как-то даже спросил меня:

— Как можно, вы у них главный, а живете до сих пор в палатке?

— Я коммунист, — ответил я ему, — и в первую очередь должен разместить под крышей всех этих людей.

Французский офицер только покачал головой, словно говоря, какие непонятные вещи творятся на свете.

С первых же дней существования лагеря французская шпионская сеть стремилась деморализовать нас. К нам подсовывали различных уголовников, политических противников, отщепенцев от партии, которые старались внести в наши ряды замешательство и раскол. Мы же очень быстро создали у себя нелегальную партийную организацию (легально она, конечно, не могла существовать в тех условиях), которая, к огромному удивлению французского начальства, буквально за несколько дней навела в лагере полный порядок. И теперь уже шпики не рисковали к нам сунуться, так как их сразу бы разоблачили и вышвырнули



Ференц Мюнних после освобождения из лагеря для интернированных бойцов интернациональных бригад (1941 г.)

вон, не спрашивая, разумеется, никакого разрешения у французских властей.

Префект той провинции, на территории которой мы находились, был, по слухам, человек либеральный, и потому, видимо, режим в нашем лагере отличался некоторой умеренностью. Это вызвало большое недовольство у министра внутренних дел Франции, и однажды нас перевели в другой лагерь, на побережье Атлантического океана. Здесь префект был реакционер, даже фашист, и потому в лагере царил строжайший военный режим. Руководство этого лагеря начало с того, что стало активно агитировать нас вступать в иностранный легион для действий во Французской Африке. Были пущены в ход различные средства: уговоры, листовки, насилия и обещания. Нас прельщали пальмами, климатом и тем, что в Африке все время можно ходить только в одних плавках. Мы же отвечали, что в Европе нас ждут совсем другие задачи и уж лучше мы разъедемся в свои страны, а пока подождем здесь.

Все эти «уговоры» закончились тем, что жандармы схватили несколько человек и жестоко избили их ногами.

И все же никакие угрозы не помогли: ни один человек из нашего лагеря не записался в иностранный легион.

Как-то ночью мы сорвали все листовки, расклеенные в лагере по приказу начальства. Видимо, среди нас оказались шпики, потому что на следующий день меня и еще нескольких товарищей вызвали к начальнику лагеря и, ничего не спрашивая, избили. При этой сцене присутствовал один французский офицер. Я заговорил с ним по-немецки:

— Если вы честный человек, то не можете одобрять всего этого. Вы должны сообщить куда следует, как здесь с нами обращаются.

Однако офицер был не из храброго десятка. Он растерянно твердил, что, видите ли, он к этому делу не имеет никакого отношения, что он всего-навсего переводчик, и только.

Вскоре меня отправили на принудительные работы в лагерь, находившийся на Средиземноморском побережье в каком-то средневековом замке. В этом замке под стражей содержались офицеры испанской республиканской армии, которых французские власти считали особо опасными. Здесь все пленные были коммунисты, не считая нескольких подосланных к нам провокаторов, от которых мы быстро избавились. Видя нашу сплоченность, французские охранники только рты разевали от удивления.

В этом лагере нас тоже поодиночке вызывали к коменданту, который старался завербовать военнопленных в иностранный легион. Мне предложили даже звание унтерофицера. Обнаружив в моем кармане при обыске обрывки карты, французы, видимо, решили, что у меня есть военное образование.

— Вы профессиональный военный. Мы всех берем рядовыми, но вас сразу же произведем в унтер-офицеры.

Я ответил, что все их старания совершенно напрасны, потому что с арабами у нас нет никаких споров. Рассвирепев, комендант закричал, что в таком случае все мы сдохнем в этом лагере. Я ему спокойно возразил, что настроен более оптимистично и надеюсь еще выбраться отсюда.

В это время в Западной Европе уже вовсю бушевала война. И от имени своих товарищей я заявил:

— Мы борцы за свободу, а не душители ее. Если французское правительство предоставит нам возможность с

оружием в руках сражаться против фашистов, то мы готовы хоть завтра.

Обстановка внутри самой Франции становилась все более напряженной, и однажды в замок на наше место прислали французских коммунистов. Это было в ноябре 1939 года. Нас же всех отправили в пересыльный лагерь. Его начальник, увидев меня, взбеленился и заявил, что я опасный московский шпион. На другой день меня перевели в штрафной лагерь в Верн. В общем-то мне было даже лучше, так как в этом лагере находились только интернационалисты.

Здесь я встретил многих товарищей из венгерской группы: Иштвана Тёмпе, Ласло Райка, Шебеша, моего друга писателя Пала Араньоши и других. В этом лагере нас даже не осмеливались привлекать к работе.

Думаю, не стоит перечислять, где и какими средствами пытались сломить нашу волю. Важно, что все попытки французской жандармерии остались безрезультатными. Но само отношение к пленным коммунистам говорило о том, что внутри самой Франции берут верх реакционные силы. Поэтому мы не очень-то удивились, когда под ударом гитлеровских войск Франция пала в течение нескольких недель: немцы оккупировали ее север; на юге, где находился и наш лагерь, с одобрения Гитлера хозяйничал Петэн. Французский народ, в памяти которого еще жила Парижская Коммуна, был продан самым подлым образом. К нам за колючую проволоку доходили слухи, что во Франции зарождается движение Сопротивления.

В ноябре 1940 года наш лагерь посетил советский консул. Это был молодой и очень энергичный человек. Он правильно оценил обстановку, в которой находились заключенные, и сразу же составил списки узников — граждан Советского Союза. В 1939 году Литва, Латвия, Эстония и Западная Украина вошли в состав СССР, так что жители этих районов тоже имели право на советское подданство. Я и мой друг немецкий пролетарский писатель Фридрих Вольф никак не подходили под эту спасительную категорию, однако советский консул все же предложил нам свое содействие. Мы с радостью согласились и таким образом попали в списки, в которых уже насчитывалось сто двадцать три человека. Этих людей надлежало освободить и отправить в Советский Союз. Так после полутора лет,

проведенных в лагерях для интернированных, я очутился на свободе.

В ожидании отправки в Советский Союз мы с Фридрихом Вольфом устроились работать на кирпичном заводе на окраине небольшого городка, неподалеку от Марселя. Маленькая деревянная будка служила нам жильем. Вместо печки мы приспособили железную бочку из-под бензина. В топливе недостатка не было: на складе кирпичного завода валялось много досок и обрезков.

Французские власти всячески оттягивали нашу отправку в СССР. Но, как я уже говорил, советский консул был очень энергичным человеком и прекрасно понимал, что нужно делать. Он передал нам приличную сумму денег. Мы могли теперь не голодать и даже расстаться со своими лохмотьями.

Только через пять месяцев нам разрешили покинуть пределы Франции. И тут у меня возникли серьезные осложнения. Дело в том, что в лагере я числился как Отто Флатер, а советские документы были выданы на имя Ференца Мюнниха, который, конечно, не мог ни появиться в Италии, ни проехать по территории Югославии. Тогда советский консул обратился к французским властям с просьбой выдать мне документы на имя Николая Федорова. Префект, с которым он разговаривал, заявил:

— Пусть уезжает под любой фамилией, только поскорее! Его пребывание во Франции нежелательно.

Советский консул не стал расспрашивать префекта, почему мое пребывание во Франции нежелательно. Он получил паспорт, выданный мне на имя Николая Федорова, — это для него было самым главным. Теперь я мог уехать из Франции.

Нас с сопровождающим направили в Гренобль, чтобы оттуда поездом выехать в Италию. Проезжая по Италии, мы чувствовали себя совсем неплохо: у нас было кое-что из продуктов, даже курево. Кроме того, местные власти завалили нас фашистскими листовками и брошюрами. Разговаривать с итальянскими проводниками и выходить из вагонов строго запрещалось. За сутки мы проехали через всю Италию и прибыли на югославскую пограничную станцию.

В Югославии атмосфера была совсем другой. Югославские железнодорожники и пассажиры, как только узнавали (не знаю как), что мы бойцы-интернационалисты и воз-

вращаемся из Испании, горячо приветствовали нас. Мы очень радовались этому, но видели и другое. На каждой станции на глаза попадались молодые люди с солдатскими сундучками. Значит, Югославия тоже готовится к войне. Мы возвращались с войны, но пожить в мире нам вряд ли удастся.

На вокзале в Белграде нас встретил советский посол Лебедев. От него мы узнали, что за день до нашего приезда немцы оккупировали Болгарию. Ранее планировалось проехать через Болгарию и в одном из портов сесть на советский пароход. Теперь же все менялось. Лебедев связался с венгерским послом и попросил разрешения проехать советским гражданам через территорию Венгрии до границы СССР.

Правительство Венгрии согласилось выполнить эту просьбу, но мне пришлось остаться в Белграде. Я не должен был рисковать. Если бы в Венгрии меня узнали, то не только бы отдали под суд хортистского военного трибунала, но из этого дела мог бы получиться дипломатический конфликт. Кроме того, советские товарищи обнаружили ошибку в моем паспорте: там указывалось, что Николай Федоров родился в Будапеште. Во Франции я не обратил на это никакого внимания.

Так я остался в Белграде. Здесь меня прежде всего переодели. Та одежда, которую я приобрел, выйдя на свободу, казалась мне великолепной после лагерного тряпья, теперь же, в других условиях, она выглядела просто нищенской и обращала на себя внимание.

Тем временем первый советник посольства СССР вел переговоры с болгарским послом о том, чтобы мне разрешили проехать через Болгарию. Посол разрешение дал, но был далеко не уверен, что немцы признают его визу законной и не задержат меня.

София буквально кишела немецкими солдатами. Болгарские власти, оформляя мои документы, с извиняющейся улыбкой предупреждали, что немцы могут с этим не посчитаться. На всякий случай у меня отобрали документы и пообещали отдать их в порту. Возможно, болгарские власти хотели как-то обезопасить себя перед немецкой администрацией, которая контролировала почти всю страну.

Советский консул проводил меня до Варны. На ночь мы остановились в гостинице, но спать я не мог: под окном

то и дело маршировали немецкие солдаты и горланили песни.

Рано утром мы пошли в порт. Там было полно гитлеровцев, но, к счастью, мои документы проверяли болгарские пограничники. Тепло простившись с советским консулом, я уже через несколько минут был на борту «Сванетии», то есть на советской земле.

СНОВА НА СВОБОДЕ

По-настоящему свободным человеком я почувствовал себя, оказавшись на палубе «Сванетии». Мне даже не верилось, что теперь можно смело называться Ференцем Мюннихом, что теперь не нужно оглядываться, нет ли за спиной часового, который вот-вот двинет тебя прикладом. Трудно передать состояние человека, оказавшегося на свободе после нескольких лет войны, плена и долгого тяжелого пути.

Черное море было очень тихое, и мы спокойно плыли в Одессу. Капитан парохода, его старпом и члены команды угощали меня разными вкусными вещами. В мою каюту нанесли столько всякой снеди, что ее хватило бы человек на двадцать, а табаку подарили столько, что не выкурить и за полгода. Чувствовалось русское гостеприимство.

Одесса. В ней я был в годы гражданской войны. Теперь местные власти устроили мне теплую, сердечную встречу. Здесь я узнал, сколько усилий приложили советские товарищи, чтобы разыскать меня во Франции и вызволить из лагеря. Когда-то в годы гражданской войны я с оружием в руках защищал Великую Октябрьскую социалистическую революцию, и теперь Советское правительство, партия и народ не забыли меня.

Через несколько часов я сидел уже в скором поезде. Купе мое было забито продуктами, табаком, книгами и журналами.

За окном бежали украинские степи. Эта бесконечная равнина напоминала мне родной венгерский Альфёльд. Тяжело было сознавать, что мой народ еще страдает под игом хортистов. Хотелось поскорее вернуться на родину, но желание это сбылось только спустя четыре года. А пока скорый поезд уносил меня в Москву.

По решению Советского правительства я уехал лечиться и отдыхать на Кавказ, а затем продолжил свою работу в нефтяной промышленности.

ЗА ВЕНГЕРСКУЮ СВОБОДУ

Поработать в мирной обстановке удалось совсем недолго: гитлеровские войска вероломно напали на Советский Союз, и я ушел в армию. Сначала мне и еще нескольким венграм поручили готовить венгерских граждан, проживающих в СССР, в партизаны — на случай засылки их на родную землю. Однако до этого дело не дошло, и обученные нами партизаны ушли сражаться в Советскую Армию.

Летом 1942 года меня направили на Сталинградский фронт, но в конце ноября неожиданно вызвали в Москву. Здесь мне предложили руководить венгерской редакцией Всесоюзного радио.

В своих передачах для Венгрии наша редакция пропагандировала антифашистскую политику Советского Союза и разъясняла освободительную миссию Советской Армии. Общественное мнение Венгрии необходимо было направить на разрыв с гитлеровской Германией. Все патриотические силы страны и венгерских солдат, находящихся на фронте, мы призывали к вооруженному сопротивлению фашизму и агитировали их переходить на сторону Советского Союза.

Я до сих пор с большой теплотой вспоминаю моих коллег Эндре Шика, Ласло Хаи и его супругу, Андора Габора, Дежё Возари, Еву Лакотош, Ивана Дёндьёша. На радио работали в то время и венгерские писатели, проживающие в СССР, и среди них Бела Иллеш.

Под псевдонимом Николая Федорова я писал на радио комментарии, в которых обращался к венгерским солдатам-фронтовикам и к венгерскому народу. Вот содержание некоторых таких комментариев[1].

9 АПРЕЛЯ 1944 ГОДА

Победа Советской Армии в Карпатах имеет для нас, венгров, особое значение. Советские войска подошли к Ве-

[1] Ниже следуют публицистические работы Ференца Мюнниха, написанные им для радио, газет и журналов. — *Прим. ред.*



Ференц Мюнних на Сталинградском фронте (осень 1942 г.)

рецке и достигли Татарской долины, откуда открывается путь к Кёрёшмезё. Разбитые в Карпатах немецкие войска отступают. Венгерские дивизии фактически предоставлены самим себе.

В настоящее время Венгрию оккупируют нацистские орды, которые вместе с венгерским правительством типа Квислинга установили в стране жесточайший террор.

Несколько недель назад, когда у власти еще стоял Каллаи, официальная пропаганда на всех перекрестках кричала о защите восточных границ страны. В то время как внимание венгерского народа было приковано к национальным проблемам, гитлеровские войска с согласия Хорти и при его непосредственной помощи оккупировали страну с десятимиллионным населением, страну, которая имела в своем распоряжении армию в несколько сот тысяч человек. Таким образом, правительство Каллаи, маневрируя и прикрываясь лживыми лозунгами о национальной независимости, привело Венгрию к национальной трагедии.

Вскоре правительство Каллаи прекратило свое существование. По приказу бесноватого фюрера Хорти назначил новое правительство во главе с отъявленным фашистским агентом Стойаи. Опираясь на гитлеровские войска и вооруженные до зубов банды нилашистов и имредистов, новое правительство открыто предает интересы Венгрии и ее народа.

Германский сапог топчет венгерскую землю. Все венгерские города, железнодорожные узлы и прочие пункты, важные в военном отношении, заняты гитлеровцами, которых Хорти хвастливо называет союзниками Венгрии.

Стремясь ввести в заблуждение общественность страны, клика Хорти везде и всюду демонстративно подчеркивает, что в Венгрии парламентарный строй, что Государственное собрание — поистине широкое поле деятельности для всех политических партий, что рабочий класс имеет собственные профсоюзы. И в то же самое время Хорти, сформировав правительство Стойаи, без всякого зазрения совести запрещает демократические партии и по фашистскому методу заменяет расчлененные профсоюзы «правительственными комиссарами».

Новый премьер Стойаи (отец которого, однако, носил фамилию Стойан и был серб по национальности) по примеру германских нацистов проповедует фашистскую расо-

вую теорию. Поддерживаемый такими же, как он, «чистокровными» венграми вроде немца Антала Кундера, словаков Бела Юрчека и Андора Яроша, Стойаи объявил поход за «чистоту» венгерской нации. Разумеется, все это не больше не меньше как обычная фашистская пропаганда, в шуме которой под лозунгом борьбы с евреями правительство Стойаи стремится уничтожить всех, кому дорого будущее венгерского народа и кто еще осмеливается заявлять, что опасность для венгров идет не с Востока, а что она уже пришла — и пришла с Запада — в лице германских фашистов.

Венгерское правительство Стойаи, подобрав на свалке истории программу нацистской партии, провозглашенную еще до 1933 года, подняло ее на щит. Выступая с этой демагогической программой, Гитлер в свое время сумел одурачить немцев. Фюрер обещал бороться против засилья еврейского капитала и крупных землевладельцев, наделить крестьян землей и создать нормальные условия жизни для простых людей. На самом же деле немецкий народ получил вместо масла пушки, вместо нормальных человеческих условий — братские могилы на Восточном фронте.

У правительства Стойаи нет ни времени ни возможности слишком много обещать своему народу, так как Гитлер мечется в нетерпении. Неся огромные потери на советско-германском фронте, немецкая армия срочно нуждается в людских резервах. И тут очень кстати ей предоставили венгерское пушечное мясо. Расплачиваясь за политику Стойаи, бессмысленно гибнут венгерские гонведы. Части Советской Армии неудержимо продвигаются вперед, неся свободу всем народам.

В результате поражений германской армии в Карпатах территория Венгрии превратилась в театр военных действий. Будапешт уже дважды подвергался воздушным налетам англо-американской авиации и пережил все ужасы бомбардировки. Теперь уж не до рассуждений, что более выгодно — политика «выжидания» или антигитлеровская политика. На повестку дня встал вопрос: во имя чего венгерский народ несет такие жертвы? У многих как бы пелена спала с глаз, и все больше венгров понимают, что огромные разорения нашему народу принес германский союзник, ради интересов которого фашистское правительство Стойаи готово утопить в крови венгерскую нацию.

Венгерский народ не должен отдать себя на растерзание Гитлеру и венгерским гаулейтерам. И сейчас настал самый подходящий момент для того, чтобы с оружием в руках встать на борьбу с гитлеровскими захватчиками и их венгерскими лакеями. В этой борьбе мы будем не одиноки. Советская Армия подходит все ближе и ближе.

Многие венгерские солдаты оставляют свои позиции на фронте и большими группами переходят на сторону Советской Армии. Однако этого еще недостаточно. Вся венгерская армия должна повернуть оружие против немецких оккупантов. Борьбу с фашистами нужно вести по всей стране: взрывать железнодорожные мосты, склады с оружием и боеприпасами, пускать под откос поезда с немецкими солдатами, отправляющимися на фронт. И это будет вклад венгерского народа в разгром германского фашизма.

6 МАЯ 1944 ГОДА

Политика «выжидания», провозглашенная Хорти и Каллаи, неизбежно привела их к открытому предательству. Для венгерского народа это был поучительный урок истории. Хорти и многочисленные правительства при нем, трубившие о венгерской самостоятельности, на самом деле действовали отнюдь не в интересах Венгрии. Особенно очевидно это стало после подписания «пакта оси». Все, что преподносится как национальная политика страны, — всего лишь ширма антинародной деятельности продажных правительств Венгрии.

Хортистский реакционный режим сродни германскому фашизму. А как говорится, ворон ворону глаз не выклюет. Вот поэтому Иштван Антал и ему подобные холуи профашистской правительственной пропаганды на все лады превозносят «новый» гитлеровский порядок в Европе, расписывают германскую империю как земной рай и всячески клевещут на нашего великого восточного соседа — Советский Союз.

Страна Советов стала могучей державой, оплотом всех свободолюбивых государств, ведущих смертельный бой с фашизмом. Хортисты боятся, что успехи Советского Союза привлекут к нему симпатии венгерского народа, и потому ведут разнузданную антисоветскую пропаганду. Открытие советского павильона на будапештской выставке

в 1941 году в значительной степени разоблачило эту клевету. Десятки тысяч простых венгров посетили этот павильон и собственными глазами убедились в том, что советский народ создал высокоразвитую промышленность, механизированное сельское хозяйство и огромную сеть культурных учреждений. Все это начисто отметало лживые измышления хортистов.

Хортисты были вынуждены изменить курс антисоветской пропаганды. Сначала они вытащили на свет старую теорию об опасности большевистской идеологии, а потом заговорили об опасности «советского» империализма. Разумеется, ни первый ни второй вздор нельзя было подкрепить никакими фактами, но «мастера» венгерской пропаганды все-таки взяли на вооружение эти гитлеровские бредни.

В своей книге «Майн кампф» Гитлер писал, что если человеку без конца лгать, то в его мозгу что-нибудь да застрянет. И хотя ни один советский солдат не помышлял нарушать государственную границу Венгрии, хортистам все же удалось втянуть нашу страну в войну против Советского Союза под видом якобы оборонительной войны. Таким образом, регулярно повторяемая ложь дала свои результаты, и венгерские гонведы пошли сражаться за интересы Гитлера на берега Дона, где потерпели такое поражение, по сравнению с которым бледнеет разгром под Мохачем.

Сейчас наступил поворот в войне. Разбитые гитлеровские войска судорожно пытаются закрепиться в Карпатах. И венгерские гонведы вновь проливают свою кровь за чуждые им интересы.

Советская Армия в течение полутора лет одерживает блистательные победы, и теперь уже никто не сомневается, что фашистская Германия проиграет эту войну. Это стало ясно даже вассалам Гитлера, которые начали спешно подыскивать себе надежное убежище.

Основным стержнем венгерской правительственной пропаганды был всегда крик об опасности «советского» империализма. Однако опубликованные в прошлом месяце официальные документы, да и сами последние события выбили этот козырь из рук хортистов.

Посмотрим только на документы и факты. Несколько месяцев назад финское правительство запросило Советский Союз об условиях капитуляции. Советское правительство

не потребовало капитуляции Финляндии. Главными его условиями были немедленный разрыв с Германией и изгнание с финской территории всех немецких войск. В этом случае гарантировались независимость и самостоятельность Финляндии. Все прогрессивное человечество охарактеризовало советские условия как великодушные.

Где же в этих требованиях признаки «советского» империализма, о котором на весь мир неоднократно трубила венгерская пропаганда? Если уж говорить об империалистических условиях перемирия, следует в первую очередь вспомнить условия, продиктованные Германией и Австро-Венгрией в 1918 году в Брест-Литовске ослабленной в войне молодой Советской России.

Советская Армия, освобождая другие народы из-под ига фашизма, уважает их суверенные права.

Несколько недель назад войска маршала Конева вышли на советско-румынскую границу. Народный комиссар иностранных дел СССР огласил заявление Советского правительства, в котором оно уведомляло, что советские войска вынуждены перенести военные действия на территорию Румынии, чтобы иметь возможность преследовать противника вплоть до его полного разгрома или капитуляции. Одновременно с этим Народный комиссар иностранных дел подчеркнул, что Советский Союз отнюдь не собирается захватывать территорию Румынии или менять ее общественный строй.

Когда советские войска вступили на румынскую землю, за линией фронта повсюду стала налаживаться нормальная жизнь. Вернувшись в родные места, жители вопреки немецко-румынской пропаганде нашли свои квартиры и имущество в целости и сохранности. Это было для румын особенно странно, так как их союзники (германская армия) и собственные фашисты забирали у населения все, что попадало под руку. Румыны восхищались дисциплиной в Советской Армии, ее замечательным оружием и называли советских солдат освободителями от немецкого рабства.

На днях опубликовано советско-чехословацкое заявление, которое определяет правовые отношения между командованием Советских Вооруженных Сил и чехословацкими местными органами в случае вступления Советской Армии на территорию Чехословакии. За чехословацкими властями повсюду полностью сохраняются все их права.

Советское командование будет решать только сугубо военные вопросы.

В своем первомайском приказе Верховное Главнокомандование Советской Армии отметило, что в настоящее время во главе государств — вассалов гитлеровской Германии стоят профашистские правительства, которые, конечно, не порвут с немцами. Поэтому дело освобождения этих стран из-под ига фашизма должны взять в свои руки сами народы. И чем скорее они поймут это, чем скорее прекратят оказывать какую бы то ни было помощь немецким оккупантам и их союзникам, тем сильнее станет лагерь демократических государств, тем быстрее закончится война.

Таким образом, все эти документы и факты свидетельствуют о том, что Советский Союз ведет борьбу не против народов, а против фашистского режима и его слуг. Первомайский приказ Верховного Главнокомандования Советской Армии с классической ясностью показал путь освобождения от оков гитлеровского рабства. И сейчас будущее венгерского народа зависит только от него самого.

15 МАЯ 1944 ГОДА

Весь мир ждет решающих событий. Никто не сомневается, что в самое ближайшее время антифашистские силы Запада и Востока начнут совместные военные действия.

Когда на фронте наступило временное затишье, фашистская пропаганда ухватилась за это как за спасительную соломинку и развернула широкую «успокоительную» кампанию. Немцам, которые со дня на день ждали окончательного разгрома, вдруг было заявлено в многочисленных статьях и радиообзорах, что положение на Восточном фронте выравнивается, а между строк намекалось, будто гитлеровская армия готовится «к чему-то очень важному». Вновь заговорили о невиданном чудо-оружии. Теперь это были уже не «тигры» и «пантеры», а какие-то «бронированные кулаки» и «бронированные чудовища». Но все это воспринималось как сказки для детей. Известно, что бои выигрывает армия, вооруженная лучше, чем противник, у которой лучше командные кадры и выше боевой дух солдат. «Сказки» фашистской пропаганды скоро кончились, так как, потеряв Севастополь, гитлеровцы потерпели крупное поражение в Крыму.

Венгрия — маленькое государство, вассал Гитлера. У нее, естественно, и не такие большие возможности. Ее продажному правительству труднее строить «воздушные замки». Вот поэтому, видимо, Стойаи старается настолько загрузить население работой, чтобы народу некогда было рассуждать, во имя чего гибнут венгерские гонведы на восточных склонах Карпат.

В Венгрии в настоящее время как раз проходят выборы фёишпанов[1]. Прежние фёишпаны, которые достались Стойаи от правительства Каллаи, оказались неспособными проводить антинациональную профашистскую политику. Кроме того, многие фёишпаны добровольно оставили свои должности, осудив политику Хорти — Стойаи как открытую измену народу. Правительство Стойаи решило заменить и тех и других фёишпанов на испытанных фашистских агентов типа гаулейтеров.

О чем могут говорить такие, как Андор Ярош, Енё Рац и другие прихвостни германского фашизма? Разумеется, не о том, что политика правительства Стойаи всего лишь видоизмененный вариант германского нацизма. Эта политика стремится поставить на службу Гитлеру все материальные и духовные силы нашего народа. Андор Ярош, например, заявил следующее: «Географическое положение Венгрии и ее антиреволюционный дух способствуют нашему объединению с духом современного национализма». Вот, оказывается, до чего дошла Венгрия и венгерский народ! Контрреволюционный, то есть реакционный, фашистский дух, по утверждению Яроша, — чуть ли не постоянное национальное качество венгров. А что скажет на это сам венгерский народ, воспитанный на свободолюбивых традициях Ракоци и Кошута, народ, который и сейчас черпает силы в своем героическом прошлом, чтобы пережить позор хортистского режима.

Лживые речи министров-марионеток — это лишь одна сторона того полицейского террористического режима, с помощью которого Хорти и Стойаи стремятся навязать венгерскому народу политику национал-социализма.

Наш народ уже почувствовал на себе всю прелесть «нового» порядка. Тюрьмы заполнены до отказа, а все, кто еще находится на свободе, не могут быть уверены, что

---

[1] Фёишпан — правительственный наместник. — *Прим. ред.*

завтра не придет их черед и они, как Байчи-Жилинский, не будут убиты рукой гитлеровского наемника.

Германский посол в Будапеште Везенмейер в своем выступлении 3 мая весьма цинично охарактеризовал нынешнее положение Венгрии: «С корабля невозможно сбежать!»

С корабля невозможно сбежать! А предатель Стойаи и его приспешники ведут этот корабль на рифы. Действительное положение страны маскируется пустыми и глупыми фразами.

Война вступила в свой заключительный период. Освобождение Советской Армией Севастополя, полное освобождение Крыма, перемещение линии фронта к Карпатам и нижнему течению Дуная все больше убеждают союзников Гитлера, что необходимо избрать новый путь. Приближается последняя битва, в которой германскому фашизму будет нанесен сокрушительный удар.

Вступая в это решительное сражение, Советская держава призывает союзников гитлеровской Германии, в том числе и Венгрию, немедленно присоединиться к освободительной борьбе народов против фашизма. А Везенмейер заявляет, что с корабля невозможно сбежать. Венгерский народ может и должен покинуть этот корабль, но для этого необходимо сначала убрать изменника-кормчего. И тогда в борьбе против фашистских оккупантов венгерский народ обретет свободу.

1 ИЮНЯ 1944 ГОДА

Новый премьер-министр нацистский агент Стойаи объявил о созыве сессии нового парламента. И вот 24 мая на первую сессию парламента съехались вновь избранные депутаты, а точнее, депутаты, назначенные немецким гестапо. Фактически это было совещание узкого круга лиц.

На этой сессии не оказалось ни депутатов от партии мелких сельских хозяев, ни социал-демократов, которые хоть и весьма осторожно, но все же вплоть до самой оккупации страны представляли патриотические силы Венгрии.

Агенты Гитлера и Хорти расправились с вождем партии мелких сельских хозяев Байчи-Жилинским. А те из руководителей демократической оппозиции, кому удалось остаться в живых, находятся сейчас в тюрьмах, где, по словам государственного секретаря министерства внутрен-

них дел Баки, могут в спокойной обстановке хорошенько подумать, стоит ли депутатам Государственного собрания выступать за разрыв с Гитлером.

Венгерские агенты нацистского посла Везенмейера в Будапеште даже среди членов правящей партии «Венгерская жизнь» сумели найти подозрительных лиц, которые якобы не заслуживают доверия гитлеровской Германии. Так что на первую сессию венгерского парламента, созванную сразу же после оккупации страны немецкими оккупантами, собралось всего-навсего тринадцать человек — все заядлые нацистские агенты.

Впервые в истории Венгрии в Государственном собрании заседают представители чужой державы — вернее, венгерские изменники и предатели, находящиеся на службе у Гитлера.

Стойаи выступил перед этим сбродом с высокопарной речью, заявив, что венгров и немцев объединяют общие интересы и что будущее Венгрии — только в тесном сотрудничестве с гитлеровской Германией. Венгерская продажная печать на следующий же день сообщила, что депутаты парламента встретили выступление Стойаи аплодисментами. Этому, разумеется, можно поверить, так как Гитлер требует от своих лакеев точной службы и даром никому не платит.

Однако венгерский народ не аплодирует Стойаи. Наш народ поднимается на борьбу. Интеллигенция саботирует постановления профашистского правительства. На заводах и фабриках участились случаи выпуска бракованной продукции, рабочие ломают и останавливают станки, крестьяне прячут хлеб.

Чтобы навести порядок внутри страны, министром хозяйства был назначен отъявленный сторонник фашизма Имреди. В его руки, по указанию Гитлера, передана вся полнота власти в области экономики.

Какие же общие интересы у Венгрии и Германии?

Если в Венгрии так сильна тяга к гитлеровской Германии, тогда зачем же понадобилось государственному секретарю министерства внутренних дел Баки, не скупясь на похвалы, превозносить войска СС за то, что они помогают поддерживать порядок в нашей стране? Видимо, в Венгрии не совсем ладно с общественным порядком.

Хортистская Венгрия сама по себе уже полицейское государство: многочисленные вооруженные подразделения

стоят на страже ее государственной безопасности. А уж если понадобилась помощь эсэсовцев, значит, Хорти приходится туго. Вполне возможно, что нарастающий протест народных масс оказывает какое-то влияние и на полицию и на жандармерию. Ведь недаром же фашистские холуи в Венгрии призвали на помощь эсесовцев. Такие, как Стойаи, Баки и Хорти, ради своих продажных целей готовы утопить в крови венгерский народ.

Наиболее сознательные гонведы, солдаты и офицеры целыми группами переходят в Карпатах на сторону Советской Армии. Этим актом они выражают свой протест и против политики сотрудничества Венгрии с гитлеровской Германией, так как это сотрудничество несет стране лишь одно разорение и позор. Их примеру должны последовать все гонведы, воюющие в карпатах, а тем, кто находится в тылу, нужно всячески саботировать правительственные распоряжения, прятать продукты питания и уходить в партизаны.

Напрасно с пространными речами выступают в государственном собрании фашистские прихвостни. Аплодируют им такие же, как они, продажные делегаты, которых на сессию прислало гестапо.

Истинные представители венгерского народа находятся за стенами парламента. Они сражаются на фронте, трудятся на заводах и фабриках, работают на полях. Они — в тех батальонах, что переходят на сторону Советской Армии, они там, где взлетают на воздух железнодорожные мосты или фашистские заводы, они там, где прячут венгерскую пшеницу от имредистских ищеек. Патриоты Венгрии объединяются в единый демократический союз и готовы бороться не на жизнь, а на смерть во имя того великого дня, когда гитлеровцам будет нанесен сокрушительный удар с востока, запада и юга. Наш народ должен сбросить хортистский режим и обрести свободу.

19 ИЮНЯ 1944 ГОДА

Войска Советской Армии на Корельском перешейке прорвали линию обороны финнов и, освободив Выборг, безостановочно продвигаются дальше на запад. В Италии в быстром темпе продолжается преследование разбитой армии Кессельринга. Народная армия Югославии под руководством маршала Тито так же успешно ведет боевые действия против немецко-фашистских захватчиков и пра-

вительственных войск Недича-Павелича. Военные победы антигитлеровской коалиции еще больше воодушевляют на борьбу народы, страдающие под игом фашизма.

В настоящее время стало совершенно ясно, что фашистским диктатурам Гитлера, Хорти, Антонеску, Петэна и т. п. скоро придет конец. Победу демократических сил обеспечит, во-первых, моральное превосходство солдат, сражающихся за правое дело. Кроме того, демократический лагерь государств объединяет в настоящее время три четверти населения земного шара и, естественно, обладает превосходством как в материальных средствах, так и большими сырьевыми ресурсами.

Европейская территория «жизненного пространства», оккупированная гитлеровскими войсками в первые годы второй мировой войны, теперь в результате освободительной борьбы народов становится все меньше и меньше. Возможности раненого фашистского зверя в отношении маневренности и пополнения военными материалами сокращаются с каждым днем, людские резервы его также не восполняются.

Гитлеровские вассалы, в том числе и клика Хорти с продажным правительством Стойаи, видя реальную угрозу германскому фашизму со стороны демократической коалиции, стремятся всеми силами поддержать режим Гитлера и тем самым отсрочить час, когда народы призовут их самих к ответу.

Если раньше, посылая дивизии гонведов в Карпаты, правительство Хорти и Стойаи прикрывалось лживыми лозунгами об угрозе национальным интересам, то теперь, когда части гонведов сражаются на Западном фронте против Франции, стало совершенно очевидно, что ничего национального и патриотического в этой политике нет.

Венгерским границам не угрожает ни Советский Союз, ни другие страны антигитлеровской коалиции, и наше правительство посылает гонведов вовсе не к границам Венгрии, а на берега Дона или же во Францию. Становится яснее ясного, что венгерский народ приносит жертвы ради интересов реакционного режима Хорти — Стойаи, которые связали судьбу Венгрии с гитлеровской Германией. И если многие патриоты нашей страны еще после разгрома под Воронежем поняли, что Венгрией руководит продажная клика, то сейчас, когда Хорти и Стойаи проводят ничем не прикрытую фашистскую политику,

всему венгерскому народу необходимо сплотиться в единый патриотический фронт.

Хорти и Стойаи пытаются внушить нашему народу, что Советская Армия, разгромившая гитлеровские войска в Карпатах, представляет угрозу для Венгрии. Да, Советская Армия — действительно серьезная угроза для продажной банды Хорти, но не для венгерского народа. Это хорошо понимают те гонведы (солдаты и офицеры), что переходят на сторону советских войск. И никакая правительственная пропаганда не в состоянии разубедить их.

В настоящий момент все демократические силы венгерского народа объединяются для борьбы с кликой Хорти — Стойаи. От многочисленных индивидуальных форм сопротивления необходимо переходить к широкой партизанской борьбе. Действующие небольшие партизанские отряды необходимо слить в крупные соединения. Своей патриотической, антихортистской и антигитлеровской борьбой венгерский народ внесет существенный вклад в дело разгрома фашизма. И чем скорее венгерские демократические силы вступят в борьбу против гитлеровского режима, тем скорее мы завоюем свободу нашему народу. От венгерского народа, от его мужества и активности зависит будущее нашей страны.

25 НОЯБРЯ 1944 ГОДА

Кто хорошо знает Европу, говорит, что Будапешт — один из красивейших городов континента. Для венгров же Будапешт — не только их столица, не только государственный центр, но одновременно и сокровищница многовековой культуры народа. И теперь, в период немецкой оккупации, необходимо уберечь этот памятник старины и культуры от разрушений.

Будапешт имеет также и большое экономическое значение. Из восьми с половиной миллионов человек, населяющих Венгрию, пятая часть проживает в Будапеште. В нем сосредоточено более 45 процентов всех промышленных предприятий страны. Столичный жилой фонд составляет значительную часть национального богатства. С точки зрения географического положения и транспорта венгерская столица не имеет себе равных. В стране нет ни одной более или менее важной шоссейной дороги, которая не пролегала бы через Будапешт. Через будапештские мо-

сты проходят экономические пути в восточные, западные, южные и северные районы страны. Разрушение Будапешта поэтому нанесло бы непоправимый удар по экономике всей страны.

Немецко-фашистское командование, устранив Хорти и поставив у власти банду Салаши, фактически стало бесконтрольным хозяином страны. Оккупантов, конечно, нисколько не беспокоит судьба культурных и экономических ценностей нашей столицы. Для них Будапешт — всего лишь опорный пункт. Массивные жилые дома столицы легко превратить в важные укрепленные пункты. Развалины взорванных дворцов фашисты могут использовать как баррикады, загородив ими улицы и подъезды к мостам. Правда, если они взорвут железнодорожные вокзалы, то создадут ловушку для самих себя при отступлении к своим границам.

Немцы понимают, что борьба идет не на жизнь, а на смерть. Поэтому они не остановятся перед тем, чтобы разрушить Будапешт, если будут уверены, что этим самым им удастся хоть на несколько дней задержать продвижение войск Советской Армии. Салаши и вся его банда отлично знают, что им тоже не поздоровится, если в город войдут советские войска. Поэтому у Салаши и его сообщников не дрогнет рука, когда они получат от фашистов приказ взорвать будапештские мосты, дворцы, предприятия и вокзалы. Необходимые приготовления для этого уже сделаны.

И только население города и патриоты венгерского народа не могут быть безразличны к судьбе их родной столицы. Патриоты Венгрии готовы предотвратить это национальное несчастье, и для этого у них тоже есть все необходимое.

Ни гитлеровским фашистам, ни бандам Салаши не удалось разрушить Сегед, так как стремительное продвижение Советской Армии помешало им привести в исполнение этот гнусный замысел. Необходимо сорвать гитлеровский план разрушения и венгерской столицы. А для этого, во-первых, нужно всячески способствовать быстрому продвижению советских войск. Рабочие промышленных предприятий, а их в Будапеште почти четверть миллиона человек, и демократические слои населения столицы должны организованно выступить против фашистов и салашистов на борьбу за свой родной город. Самоотвер-

женное выступление патриотических сил не только спасет нашу столицу, но будет и первым решительным шагом венгерского народа на пути из трясины фашистского болота к свободе и независимости.

5 МАРТА 1945 ГОДА

И вот наступил март. Приближается национальный праздник венгерского народа — годовщина освободительной борьбы 1848—1849 годов. Наступил март, и венгерский народ снова полной грудью вдыхает воздух свободы. Советская Армия изгнала с большей части нашей территории заклятого врага венгерской нации — грязные орды гитлеровцев. Вместе с фашистскими прислужниками из страны бежали предатели и изменники, черные типы венгерской реакции — салашисты, хунгаристы и прочие подонки.

Немецкое иго нанесло венгерскому народу тяжелые раны. Но хотя в общественной жизни еще заметны следы фашистского режима, солнце свободы встает над нашей страной. Венгерский народ начал трудиться во имя своего будущего. Отмечая годовщину революции 1848—1849 годов, наш народ может чувствовать себя теперь достойным ее великих идей и ее великих вождей Кошута и Петёфи.

Прошло девяносто семь лет с тех пор, как венгерский народ выступил против европейской реакции. Однако тогда венгерским революционерам пришлось вести борьбу за свою свободу в одиночку. Во Франции генерал Кавеньяк установил реакционный режим. В Вене Виндишгрец потопил в крови восстание венского пролетариата. Но, оказавшись в изоляции, венгерский народ под руководством Кошута и Петёфи мужественно продолжал бороться.

На всех руках уже цепи дребезжат,
В руке венгерца только блещет сабля,[1] —

писал в то время Петёфи.

Объединенные силы европейской реакции подавили венгерскую революцию 1848 года, однако идеи этой великой борьбы продолжали жить в сердце нашего народа.

---

[1] Петёфи Шандор. Собр. соч. Том 2. Изд-во Корвина. Тиха Европа. Пер. Н. Тихонова.

Господствующие классы реакционной Венгрии всеми силами и средствами старались вытравить эти идеи. Они фальсифицировали события 1848 года, стремясь ввести в заблуждение народ Венгрии. За последние три десятилетия продажные правительства нашей страны дважды заставляли венгерскую нацию служить разбойничьим интересам германского империализма.

Советская Армия сбила цепи, опутавшие венгерский народ. Март этого года вновь принес свободу. Новое Государственное собрание и правительство сформированы отнюдь не с помощью полицейских штыков и не по канонам старого избирательного права, а по воле свободного народа.

В марте этого года звучат те же лозунги, что и девяносто семь лет назад. И это не случайно, так как реакционным властям Венгрии почти на протяжении ста лет удалось сохранить все феодальные порядки, против которых венгерский народ боролся еще в 1848—1849 годах.

С точки зрения задач, которые стоят перед нашим народом, у марта 1848—1849 годов и марта 1945 года много общего. Но девяносто семь лет назад венгерский народ сражался один на один с внушительными силами европейской реакции. Сегодня же положение венгерской нации совсем другое. Советская Армия, освободив Венгрию от немецко-фашистских захватчиков, вернула нашей стране и политическую независимость.

Новое Государственное собрание Венгрии обратилось к народу с воззванием, которое во многом напоминает требования революции 1848 года. Накануне 15 марта это приобретает особое значение. Государственное собрание обещает всем трудящимся свободу и широкие политические права, безземельные и малоземельные крестьяне получат землю. Кроме того, Государственное собрание во имя независимости Венгрии объявляет войну фашистской Германии и призывает всех венгров присоединиться к Советской Армии, чтобы до конца уничтожить немецких бандитов, которые долгое время держали нашу родину в цепях рабства. «Смоем с себя клеймо германского вассала, чтобы с высоко поднятой головой смотреть в глаза другим народам», — говорится в воззвании.

Венгерский народ начал демократическое обновление своей страны. И в этом он может смело рассчитывать на поддержку Советского Союза. Об этой поддержке гово-

рится и в решении Крымской конференции. В настоящее время как никогда актуально звучат стихи Петёфи, которые он написал почти сто лет назад:

...Обязаны построить вы теперь
Отчизну славную прочнее, чем была,
Где башни привилегий не стоят
И не таятся в них нетопыри,
Отчизну вольную, в которой будет свет
И чистый воздух — достояньем всех,
Чтоб все имели право видеть, жить,
Быть в безопасности...
Вы ясно ли представили себе,
Какая вас работа ждет сейчас?
За этот труд награда велика,
Но нелегко достанется она [1].

---

[1] Петёфи Шандор. Собр. соч. Том 2. Изд-во Корвина. К национальному собранию. Пер. Л. Мартынова.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ЖИЗНИ ВЕНГЕРСКОГО НАРОДА

4 апреля трудящиеся Венгерской Народной Республики отмечают день освобождения своей страны Советской Армией. В результате победы Вооруженных Сил Советского Союза над немецко-фашистскими захватчиками венгерский народ, как и народы ряда других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, обрел наконец политическую и экономическую независимость и стал хозяином своей судьбы. Именно поэтому венгерский народ считает праздник освобождения, отмечаемый ежегодно 4 апреля, самым большим национальным праздником.

Отступая под ударами Советской Армии, гитлеровские войска грабили и сжигали венгерские города и села. Это еще больше усилило в стране разруху, вызванную войной. Стоимость вывезенного фашистами на Запад венгерского имущества достигала почти 10 миллиардов золотых пенгё[1]. Гитлеровские бандиты уничтожили в Венгрии больше половины поголовья скота, вывезли из страны весь урожай зерновых, основное оборудование промышленных предприятий, огромное количество паровозов и железнодорожных вагонов. То, что им не удавалось захватить с собой, сжигалось или уничтожалось любым способом. Гитлеровцы взорвали все мосты через Дунай и Тису. Они похитили золотой запас, фонды иностранной валюты и ценные бумаги венгерского национального банка. Хозяйственная жизнь страны была парализована, населению угрожал голод. Таково было положение в стране десять лет назад, когда Советская Армия освободила венгерский народ от фашистского рабства.

Советский Союз сразу же пришел на помощь венгерскому народу. Еще в ходе боев советское командование

[1] Пенгё — венгерская денежная единица, существовавшая до денежной реформы 1946 года. — *Прим. ред.*

постоянно оказывало венгерскому населению самую разностороннюю поддержку — продовольствием, медикаментами, транспортом для налаживания снабжения городов. Советские военные специалисты помогали венграм восстанавливать электростанции, предприятия, мосты. Венгерские трудящиеся увидели в советских воинах-освободителях своих искренних друзей.

За истекшие десять лет сердечная дружба между венгерским и советским народами укрепилась еще больше. Во всех областях политической, экономической и культурной жизни мы неизменно ощущаем бескорыстную помощь Советского Союза.

Обретя свободу, венгерский народ положил конец господству помещиков и капиталистов и взял власть в стране в собственные руки. В упорной борьбе с прихвостнями бывшего хортистского режима народ Венгрии отстоял свое законное право на управление государством. Еще в период венгерской пролетарской революции 1919 года трудящиеся нашей страны встали под знамя социализма. Но превосходящие силы международной реакции задушили Венгерскую Советскую Республику. После освобождения Венгрии Советской Армией наш народ, не колеблясь, избрал путь народной демократии и приступил к строительству социализма. Коммунистическая партия Венгрии пробудила энергию трудящихся масс страны и объединила все демократические силы.

В декабре 1944 года в городе Дебрецене временное Государственное собрание Венгрии сформировало правительство, которое по предложению коммунистической партии порвало всякие отношения с гитлеровской Германией и объявило ей войну. Новое правительство нацелило народные массы на восстановление хозяйства страны.

В первые же месяцы существования народной Венгрии исполнилась вековая мечта венгерского крестьянства: они получили землю крупных помещиков и церквей. Землей стали владеть те, кто ее обрабатывает.

Важные сдвиги произошли и в промышленности страны. Были национализированы шахты, крупнейшие предприятия и транспорт. Государство установило свой контроль над банками. Проведенная денежная реформа устранила инфляцию. Прочная денежная система содействовала успешному претворению в жизнь трехлетнего плана восстановления народного хозяйства.

В 1948 году была создана Венгерская партия трудящихся, ведущая политическая сила страны. Постоянно укрепляя союз рабочего класса и крестьянства, Венгерская партия трудящихся создала все условия для проведения национализации промышленности, банков и торговли. В сельском хозяйстве получили развитие кооперативные формы земледелия.

Ученые, специалисты промышленности и сельского хозяйства Советского Союза помогли нам освоить достижения современной науки и техники. Мастера советской литературы и искусства оказали благотворное влияние на развитие культуры в нашей стране. С каждым годом все больше венгерских ученых, специалистов различных отраслей промышленности, крестьян, работников искусства и литературы посещает Советский Союз. Это помогает шире использовать советский опыт во всех областях экономической и культурной жизни страны.

В 1950 году венгерские трудящиеся приняли первый пятилетний план, который был успешно выполнен к концу 1954 года. Венгрия из аграрной страны превратилась в индустриально-аграрную. По сравнению с довоенным уровнем объем продукции нашей промышленности возрос более чем в три раза. Были построены новые промышленные города (такие, как Дунауйварош и Казинцбарцика), сотни новых предприятий, крупные электростанции.

Вот несколько сравнительных данных, которые отражают подъем нашей экономики за годы первой пятилетки. Добыча угля выросла с 11,8 млн. тонн в 1949 году до 22,6 млн. тонн в 1954 году. Если в 1949 году электроэнергии было выработано 2 520 млн. киловатт-часов, то в 1954 году — 5 100 млн. киловатт-часов. Производство чугуна за этот же период возросло с 398 тыс. тонн до 861 тыс. тонн; стали — с 860 тыс. тонн до 1 678 тыс. тонн. Добыча нефти увеличилась с 497 тыс. тонн до 1 118 тыс. тонн. Производство обуви, выпущенной только крупными предприятиями, возросло за пятилетие с 4,6 млн. пар до 12,3 млн. пар.

В сельском хозяйстве успешно развивается социалистический сектор. Сельскохозяйственные кооперативы объединяют сейчас 18 процентов всех пахотных земель страны, а госхозы — 12,5 процента.

Вступив на путь социализма, Венгрия установила дружеские связи со всеми странами народной демократии и



Ференц Мюнних (1958 г.)

как равноправный член входит в великий лагерь мира и социализма.

За последние годы значительно вырос международный авторитет Венгрии. Наша страна принимает активное участие в борьбе за мир, за сокращение вооружений и запрещение атомного и других видов оружия массового уничтожения, за обеспечение коллективной безопасности в Европе. Вместе с другими миролюбивыми государствами Венгерская Народная Республика ведет борьбу против возрождения злейшего врага народов Европы — германского милитаризма, за воссоединение Германии на мирной и демократической основе, за укрепление мира во всем мире.

Наша небольшая страна с населением около 10 млн. человек выступает на международной арене по всем вопросам, касающимся судеб мира. Ярким свидетельством этому является участие Венгрии в Московском совещании европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. На этом совещании делегация Венгрии от имени венгерского народа заявила, что правительство Венгерской Народной Республики видит в ратификации парижских соглашений серьезную угрозу для своей страны

и поэтому полно решимости в тесном содружестве с СССР и другими миролюбивыми государствами принять все необходимые меры для усиления обороноспособности страны, в том числе и меры военного характера.

Венгерские трудящиеся самоотверженно трудятся во имя социализма в своей стране. Они убеждены в непобедимости лагеря мира, тем более что в защиту мира выступает все прогрессивное человечество.

Отмечая десятую годовщину своего освобождения, венгерский народ обращается со словами любви и благодарности к своему освободителю и бескорыстному другу — великому Советскому Союзу.

Весь венгерский народ, каждый честный труженик Венгрии искренне стремится еще больше укреплять и развивать венгеро-советскую дружбу во имя мира, демократии и социализма.

Апрель 1955 г.

МЫ ИДЕМ ПУТЕМ ОКТЯБРЯ

Мы готовимся отметить сороковую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции — исторического события, коренным образом изменившего судьбы мира. Октябрьская революция претворила в жизнь мечты лучших умов человечества. Под руководством партии Ленина русский пролетариат создал рабоче-крестьянское государство — Советский Союз, который твердо выстоял в буре десятилетий и превратился в несокрушимый бастион.

Империалистические хищники еще сорок лет назад могли свободно перекраивать карту мира, подчинять себе народы и страны экономически или путем насильственной колонизации.

В настоящее время, когда в результате победы Советского Союза над германским фашизмом и японским милитаризмом на двух континентах развивается и укрепляется народная демократия, сфера господства крупного монополистического капитала значительно сократилась. На пути преступных империалистических планов стоит теперь 900-миллионный лагерь мира и социализма во главе с Советским Союзом. Социализм превратился в мировую

систему, и это облегчило борьбу колониальных народов, многие из которых уже сбросили империалистическое иго. На путь независимого национального развития встали такие страны, как Индия, Бирма, Индонезия, Египет, Сирия и многие другие, что еще больше укрепило международный фронт борьбы за мир и ослабило силы империалистов.

Героический народ Советского Союза под руководством партии Ленина создал могучую державу, производительные силы которой развиваются невиданными темпами. В отношении уровня промышленного производства Советский Союз далеко обогнал самые развитые промышленные страны Европы, и в ближайшее время производство продукции на душу населения в СССР превысит показатели Соединенных Штатов Америки.

Советским ученым принадлежит руководящая роль в развитии новейшей отрасли знания — атомной физики, в разработке способов использования внутриядерной энергии в мирных целях. Советский Союз обладает самым современным атомным и водородным оружием, а также межконтинентальной баллистической ракетой. Недавно в космическое пространство запущен первый искусственный спутник Земли, созданный руками советских людей. Эти достижения науки и техники СССР использует в интересах защиты и сохранения мира.

Империалисты, и в первую очередь заправилы американских монополий, пытаются воздвигнуть препятствия на пути мирных устремлений Советского Союза. Они боятся мирного соревнования с социализмом, ибо знают, что их экономическая система не может соперничать с социалистическим плановым хозяйством, не знающим кризисов и развивающимся быстрыми темпами.

Советскому Союзу за сорок лет своего существования не раз приходилось защищаться от империалистических интервентов. На вооруженную борьбу вместе с восстановительными периодами ушло 18 лет. Несмотря на это, огромные преимущества социалистической системы позволили СССР пройти за сорок лет невиданный в истории путь развития. Советский Союз стал великой державой. При решении больших международных вопросов империалистическим державам волей-неволей приходится считаться прежде всего с позицией Советского Союза и всего социалистического лагеря.

Венгерский народ связан исторически со своим другом и освободителем — Советским Союзом. Еще революция 1905 года в России оказала благотворное влияние на венгерское рабочее движение. Вопреки стремлениям реформистов, первая русская пролетарская революция активизировала рабочие массы Венгрии. Это идеологическое влияние первоначально выразилось в усилении забастовочного движения в Венгрии, а затем привело к созданию левого крыла в рабочем движении. И хотя в то время венгерский пролетариат мало что знал о революционной борьбе В. И. Ленина и партии большевиков, однако усиливающаяся классовая борьба в России помогла левому крылу венгерского рабочего движения выступить против правых лидеров, исповедовавших псевдомарксизм, и подсказала революционный путь освобождения рабочего класса.

Идеи русского революционного рабочего движения и учение В. И. Ленина сыграли решающую роль в венгерском рабочем движении в 1917—1918 годах. Сотни тысяч венгерских солдат, попав в плен в период первой мировой войны, непосредственно познакомились с жизнью и борьбой народов России.

Связи, установившиеся с партией большевиков, пропагандистская и агитационная деятельность таких видных венгерских коммунистов, как Бела Кун, помогли военнопленным понять международное значение борьбы русских трудящихся и тот факт, что победа Октябрьской революции в России — одно из условий успеха будущей венгерской пролетарской революции. Поэтому, несмотря на усталость от войны и плена, не менее 70—80 тыс. венгерских военнопленных с оружием в руках встали на защиту русской революции.

Многие венгерские военнопленные еще до победы Октябрьской революции вступили в отряды Красной гвардии. После победы, одержанной в Октябре, началась массовая организация отрядов Красной гвардии из числа военнопленных в лагерях и по месту их работы. Наряду с военнопленными из рабочих с большим воодушевлением за оружие взялись и военнопленные крестьянского происхождения, которых потянуло в Красную гвардию революционное разрешение земельного вопроса в России.

Из этих закаленных в революции и в боях гражданской войны интернационалистов, как их тогда называли, вышли пионеры венгерского коммунистического движения.

Находясь в то время на территории Советской России, 24 марта 1918 года они создали первую венгерскую коммунистическую организацию.

По возвращении домой интернационалисты совместно с левым крылом венгерского рабочего движения организовали первую, действительно революционную партию рабочего класса. Правильно оценивая конкретные условия и проводя большую пропагандистскую и агитационную работу среди масс, партия объединяла революционные силы страны. В результате революционной борьбы 21 марта 1919 года была создана Венгерская Советская Республика. Первое, что сделало правительство венгерского рабочего класса и трудового крестьянства, это заключило союз с РСФСР, ведущей в этот период смертельную борьбу с международной реакцией и внутренней контрреволюцией.

Рабочие и крестьяне двух советских республик в течение четырех с половиной месяцев одновременно сражались за великое дело социализма. Превосходящие силы интервенции задушили венгерскую коммуну, в распоряжении которой были лишь незначительные вооруженные силы. Однако идеи великого Ленина и практический опыт Венгерской Советской Республики продолжали жить в героической борьбе Коммунистической партии Венгрии, в сердцах миллионов трудящихся, уже познавших подлинную свободу и народную власть.

В период 25-летнего фашистского режима Хорти боевые традиции диктатуры пролетариата 1919 года и успехи социалистического строительства в СССР вдохновляли венгерский рабочий класс на борьбу за свободу и лучшее будущее своей родины.

Уйдя в подполье, Коммунистическая партия Венгрии в годы второй мировой войны руководила патриотическими, антифашистскими силами страны и вселяла в трудовые массы надежду, что победоносная Советская Армия разобьет цепи угнетения венгерского народа.

Эта надежда сбылась. Героическая армия Советского Союза вступила на территорию нашей страны как друг и освободитель и открыла возможность демократическим силам Венгрии под руководством коммунистической партии приступить к построению новой жизни. В период становления и укрепления народной демократии Советский Союз оказал нам огромную бескорыстную помощь. Коренным образом изменилась экономическая и общественная

жизнь Венгрии. В 1948 году на основе ленинских принципов мы обеспечили единство рабочего класса и под руководством Венгерской партии трудящихся с новым размахом пошли вперед по пути строительства социализма. Венгерская Народная Республика стала государством рабочих и крестьян, страной диктатуры пролетариата.

Однако совершенные за последние годы ошибки прежних руководителей партии позволили внутренним и внешним силам контрреволюции пробить брешь в наших рядах, оторвать руководство партии от партийных масс и трудового народа. Колеблющиеся, нерешительные руководители своевременно не выступили против изменнической группы Имре Надя и его приспешников. Боясь признать свои собственные сектантские ошибки, партийные лидеры позволили вынести на улицу обсуждение внутренних дел партии и подорвали авторитет партии и руководства. Международный империализм с помощью внутренней контрреволюции и хортистской реакции, воспользовавшись этой ситуацией, осенью прошлого года развязал в стране фашистский мятеж. Над социалистическими завоеваниями венгерского трудового народа нависла угроза.

Честные и верные социализму силы партии сразу же выступили против контрреволюции. Руководители Венгерской социалистической рабочей партии привели в порядок расстроенные партийные ряды. Было сформировано Революционное Рабоче-Крестьянское правительство. Выполняя свой революционный долг, оно обратилось за помощью к нашему великому другу — Советскому Союзу. Эту помощь мы получили без промедления. Внутренние вооруженные силы Венгерской Народной Республики совместно с частями Советской Армии разгромили контрреволюционные банды и восстановили народно-демократический строй в Венгрии.

Контрреволюция причинила нашему народу огромный моральный и материальный ущерб. Положение казалось почти безнадежным. В этот критический период неоценимую материальную поддержку оказали нам Советский Союз и другие страны социалистического лагеря.

Помощь наших друзей и огромное трудовое напряжение венгерского народа помогли избежать экономической катастрофы. Даже враги вынуждены признать, что всего лишь год спустя после контрреволюции наша страна вновь занята мирным созидательным трудом и неуклонно идет

вперед по пути строительства социализма. Мы избежали инфляции и массовой безработицы. Все больше проясняются умы людей, введенных контрреволюцией в заблуждение.

Осенью 1956 года Советский Союз вторично спас наш народ и воспрепятствовал тому, чтобы Венгрия превратилась в очаг новой мировой войны. Это хорошо понимают все венгерские трудящиеся.

Общие революционные традиции, крепкая братская дружба с Советским Союзом, все более расширяющиеся, многосторонние связи с ним привлекают внимание нашего народа к исторической 40-й годовщине Октября, укрепляют чувства любви и дружбы к советскому народу.

Мы стремимся достойно отметить эту дату. Венгерские трудящиеся будут праздновать вместе с советским народом, вместе с ним будут радоваться росту могущества и международного авторитета Советского Союза. Мы хорошо понимаем, что укрепление первой страны социализма гарантирует свободу и независимость и нашей страны, что великая советская держава защищает и нас от атак международного империализма и дает возможность строить социалистическую Венгрию, которая обеспечит благополучие и расцвет венгерской нации.

Октябрь 1957 г.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВЕНГЕРСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

21 марта 1919 года венгерский пролетариат взял власть в свои руки и провозгласил Венгерскую Советскую Республику. Эта историческая победа, подготовленная объективными условиями и всей пропагандистской, агитационной и организаторской работой Коммунистической партии Венгрии, была достигнута под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

С первого дня существования Венгерская Советская Республика заключила союз с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Молодое Советское государство героически сражалось тогда против армии четырнадцати империалистических держав и внутренней контрреволюции. Но, несмотря на свои огромные

трудности, оно поддержало Венгерскую республику не только морально, но и военными действиями. Советские войска вынудили отступить армию королевской Румынии в Галиции и Бессарабии. Эта весть воодушевила трудящихся Венгерской Советской Республики, ее Красную армию и укрепила в них веру в будущее. Орган венгерской Красной армии газета «Вёрёш катона» («Красный солдат») писала: «Мы не одиноки в этой борьбе. Русская Красная Армия начала всеобщее наступление в Галиции и Бессарабии, и на этом участке фронта румынские войска в панике бегут» [1].

Горячий отклик у трудящихся венгров встретила телеграмма В. И. Ленина от 13 мая 1919 года: «Привет крепнущей Красной Армии венгерских рабочих и крестьян. Зверский мир Антанты усилит везде сочувствие к Советской власти. Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр» [2].

16 мая 1919 года газета «Правда» в передовой статье писала: «Красная Армия Советской России наступает на врагов Советской Венгрии. Она уже освободила от гнета румынских помещиков Бессарабию и теперь, перейдя через Днестр у Тирасполя, теснит румынские войска с востока... Русская Красная Армия на Румынском фронте должна использовать тот благоприятный оборот, который создан остановкой румынских войск и отступлением чехословацких в Венгрии. Она должна самым энергичным образом продолжать начатое наступление, помня, что этим она защищает не только Россию, но и единственного пока социалистического ее союзника — Красную Венгрию».

Румынское командование, стремясь усилить бессарабскую армию, вынуждено было отвести свои войска от линии Тисы. Относительная пассивность румынской армии в период наступления чешских войск против венгерской Красной армии в значительной мере объяснялась успешными действиями советских вооруженных сил.

Только когда контрреволюционная армия Деникина временно добилась некоторого успеха на орловско-тульском направлении, румыны вновь получили возможность бросить значительную часть бессарабских войск в район Тисы.

---

[1] «Вёрёш катона», 22 апреля 1919 года.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 468.

У Венгерской Советской Республики кроме Советской России были и другие союзники. Так, в армиях самих интервентов росло недовольство затянувшейся войной и несправедливым империалистическим походом против Венгерской Советской Республики.

Газета «Вёрёш уйшаг» писала о том, что в Уйсегеде 11 апреля многие сербские солдаты провозгласили здравицу в честь пролетарской диктатуры в Венгрии, бросили оружие и перешли Тису [1]. На другой день в Сегеде солдаты югославских отрядов сложили из своих ружей костер и вместе с венграми устроили на улицах демонстрацию. Они распевали революционные песни и на митинге заявили, что не хотят больше воевать, что их вдохновляет пример венгерского пролетариата. Трудящиеся и солдаты Королевства сербов, хорватов и словенцев ненавидели войска французских империалистов, которые оккупировали их страну. Однажды в Загребе патрули югославской армии вступили ночью в перестрелку с патрулями интервенционистских частей французской армии. Французские солдаты в большинстве своем также хотели вернуться домой. Многие из них были настроены весьма революционно, даже прятали у себя красные повязки. Французские офицеры держались подальше от таких солдат. В первые же недели после установления пролетарской диктатуры в Венгрии один французский батальон в полном составе сдался у Сёрега небольшой артиллерийской части венгерской Красной армии.

Таким образом, освободительные идеи Великой Октябрьской социалистической революции основательно подрывали боевой дух буржуазных армий и мешали империалистам осуществить их агрессивные планы.

Большое значение для Венгерской Советской Республики и ее Красной армии имела героическая борьба Коммунистической партии Германии против предательской верхушки социал-демократии, объединившейся с контрреволюцией. Образование Баварской Советской Республики и выступление австрийского пролетариата против правительства Реннера — Бауэра, защищавшего интересы крупных капиталистов, были также важными моральными факторами для венгерских трудящихся.

В начале лета 1919 года начался спад революционного

---

[1] «Вёрёш уйшаг», 15 апреля 1919 года.

движения. Этому способствовала неудача международной забастовки солидарности с Венгерской Советской Республикой. Международную забастовку, назначенную на 21 июля, сорвали изменники рабочего класса — лидеры социал-демократических партий. Это обстоятельство оказало известное влияние и на революционную ситуацию в Венгрии.

Борьба Венгерской Советской Республики и ее Красной армии являлась органической частью той великой битвы, которую вели рабочий класс России и весь международный пролетариат против империализма и капиталистического гнета. Венгерская Красная армия — армия нового типа — была проникнута духом пролетарского интернационализма, сочетающего в себе любовь к своей Родине с преданностью делу социализма, делу освободительной борьбы пролетариев и угнетенных трудящихся других стран.

Создание Красной армии и ее действия в начальный период

С первых дней существования Венгерской Советской Республики ее военное положение было чрезвычайно тяжелым. К границам Венгрии империалисты подтягивали свои силы: на севере и северо-востоке стояли чехословацкие войска; на востоке и юго-востоке — румынская и балканская армия Франше д'Эспере; на юге — войска Королевства сербов, хорватов и словенцев. Лишь на западных границах Венгрии не было непосредственной военной угрозы, так как борьба австрийского пролетариата мешала социал-демократическому правительству Австрии отважиться на активные действия. Правда, с тем большей готовностью оно представляло убежище различным контрреволюционерам, бежавшим из Венгрии, и шпионским организациям Антанты. Чтобы лучше представить всю сложность создавшегося положения, достаточно указать, что чехословацкая армия находилась в 45 километрах севернее Будапешта — политического и военно-промышленного центра Венгерской Советской Республики и всего лишь в нескольких километрах от Шальготорьяна — единственного тогда крупного угольного бассейна страны.

В этой ситуации жизненно необходимо было создать классовую армию пролетариата. В день провозглашения

пролетарской диктатуры в Венгрии на демаркационных линиях (временных границах страны) стояли войска старой армии. Командовали этими войсками реакционно настроенные офицеры. Ясно, что защиту нового, пролетарского государства нельзя было доверить подобным вооруженным силам.

Группа коммунистов, членов объединенной Партии мира[1], под руководством Тибора Самуэли подготовила первый строевой устав венгерской Красной армии. По инициативе этой группы 25 марта 1919 года Революционный Правительственный Совет издал указ об образовании венгерской Красной армии. В указе говорилось о том, что Красная армия должна состоять в первую очередь из организованных рабочих, а также из пролетариев-солдат, входивших в состав старой армии. Указ подчеркивал, что только таким образом может быть создана классовая армия пролетариата. В обязанность солдатам вменялась «защита интересов революционного пролетариата от всех внутренних и внешних врагов и освобождение мирового пролетариата». Командиров, начиная с ротных и выше, назначал Народный комиссариат по военным делам. В соответствии с указом доверенные лица профорганизаций считались одновременно и командирами взводов. Отделения же сами выбирали своих командиров. Указ рекомендовал назначать командиров только из рабочих. Однако на практике это требование удавалось осуществить лишь в исключительных случаях.

Народный комиссариат внутренних дел принял постановление о создании Красной охраны, которая должна была поддерживать внутренний порядок в стране.

6 апреля 1919 года Народный комиссариат по военным делам издал приказ об использовании кадровых офицеров в новой армии, об организации интернациональных полков

---

[1] Коммунисты являлись основной руководящей силой пролетарской революции 1919 года, инициаторами всех революционных преобразований. Однако не окрепшая еще в идеологическом и организационном отношении Коммунистическая партия Венгрии по вине троцкистов совершила в 1919 году серьезную ошибку, пойдя на объединение с реформистской социал-демократической партией, предавшей революцию. В этот период КПВ называлась Партией мира. «Ни один коммунист, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — не должен забывать уроков Венгерской Советской Республики. Объединение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату». (В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 182). — *Прим. ред.*

из добровольцев-военнопленных, главным образом из русских. Инициаторами создания интернациональных полков и отрядов явились сами военнопленные, которых в Венгрии в то время оставалось еще достаточно много. Русские военнопленные (подобно венграм, находившимся в России) были солидарны с венгерским пролетариатом и добровольно вступали в интернациональные полки и отряды. 30 марта в университетском городке «Гоявар» состоялось общее собрание русских военнопленных, на котором было зачитано обращение венгерского революционного правительства. В обращении говорилось:

«Военнопленные! Вы пережили все ужасы империалистической войны, испытали на себе гнет русской и венгерской буржуазии. Всеми силами поддерживайте молодую Венгерскую Советскую Республику! Враги уже объединились против венгерского и русского пролетариата. Место каждого русского и венгерского рабочего и крестьянина — в Красной армии. Находящиеся в России венгерские пролетарии включились в борьбу, которую ведут там революционные массы. Вставайте же и вы на защиту венгерского пролетариата! Венгерские и русские рабочие борются за общие интересы всех пролетариев».

Военнопленные встретили это обращение с огромным энтузиазмом. Выступивший на собрании Мозеш Габор рассказал, что 4-й батальон 1-го интернационального полка состоит только из русских товарищей. Затем выступили многие русские военнопленные. Они горячо поддержали обращение и призвали всех следовать примеру 4-го батальона. От имени Революционного Правительственного Совета собравшихся приветствовал заместитель Народного комиссара по военным делам Тибор Самуэли. «Мы, — сказал он, — не хотели возвращаться из России на родину до тех пор, пока власть рабочих не была гарантирована от посягательств капиталистов. Мы хотели защищать русский пролетариат. Венгерский пролетариат также взял власть в свои руки. Я обращаюсь к вам с просьбой поддержать нас, так как вскоре наступит время, когда воедино объединится пролетариат всего мира».

Русские военнопленные большими группами приходили на мобилизационные пункты интернациональных отрядов. Они героически сражались в рядах венгерской Красной армии. Немало боевых подвигов совершили русские товарищи, но особенно выдающуюся роль они сыгра-

ли при взятии Лошонца 30 мая, в боях у Зойома, продолжавшихся с 10 до 12 июня, а также при форсировании Тисы во время июльского наступления в 1919 году.

Пролетарская революция в Венгрии оказала огромное влияние на рабочее движение в соседней Австрии. Уже в первые недели после образования Венгерской Советской Республики 60 австрийских солдат предложили свои услуги пролетарскому государству. Они привезли с собой 18 пулеметов.

Солдатские советы венской народной милиции, собравшись в Доме железнодорожников, обсудили вопрос об оказании помощи венгерской революции. Целые батальоны выходили из австрийского «фольксвера», чтобы встать на сторону венгерской Красной армии. Уже в начале апреля 1919 года почти 300 человек из состава «фольксвера» направились в Венгрию. На венском Восточном вокзале собралось около тысячи человек. Поезда были переполнены, и многие энтузиасты добирались пешком до Брук-на-Лейте. 3 апреля 1919 года специальным поездом на будапештский Восточный вокзал прибыли 1200 австрийских добровольцев, где их встретил почетный караул 1-го интернационального полка.

Австрийские пролетарии мужественно сражались за венгерскую революцию. Они принимали участие в боях на Восточном фронте, в районе Хайдусобосло. Здесь в борьбе за великое дело социализма погиб их руководитель Игнац Ротцигель.

В Красную армию Венгрии вступали также пролетарии из других соседних государств: сербы, хорваты, румыны, словаки.

О высокой революционной сознательности и героизме солдат интернациональных частей свидетельствует письмо австрийца Антона Энгелья: «Дорогие мои родители! Когда вы получите это письмо, меня уже не будет в живых. Не плачьте, не печальтесь. Я пал за правое дело, за освобождение веками эксплуатируемых и гонимых пролетариев. Можно надеяться, что очень скоро победа будет за нами. Смело и гордо смотрю я в лицо смерти... Мы, как учил наш руководитель товарищ Ротцигель, с оружием в руках будем бороться до полной победы мировой социальной революции... Зейц и Реннер (австрийские правые социал-демократические руководители — *Ф. М.*) большие подлецы, так как они за чечевичную похлебку

продают права и свободу эксплуатируемых пролетариев. Но наступит день, когда и над моей родиной засияет солнце свободы».

Такими были солдаты венгерской Красной армии — венгры, русские, австрийцы и представители других наций. С безграничной верой в свое правое дело боролись они за свободу венгерского пролетариата и всех трудящихся, за грядущую победу социализма.

Венгерскую Советскую Республику защищали также представители всех освобожденных пролетарской революцией национальных меньшинств. Так, по инициативе масс Народный комиссариат по делам закарпатских украинцев 9 апреля 1919 года издал указ об организации Красной гвардии из закарпатских украинцев. Правда, самостоятельные русинские соединения сформировать не удалось, так как вскоре Закарпатская Украина была оккупирована. И все же большое число закарпатских украинцев сражалось в частях венгерской Красной армии.

Притягательная сила венгерской пролетарской революции была такова, что многие трудящиеся оккупированных империалистическими войсками областей с риском для жизни переходили вражеские кордоны, чтобы встать в ряды Красной армии Венгерской Советской Республики. Так поступили шахтеры Печского угольного бассейна, который в то время захватили сербы. Более половины шахтеров перебрались через демаркационную линию и самоотверженно сражались на различных фронтах республики. Венгерские капиталисты, сотрудничая с империалистическими оккупантами, выбрасывали на улицу беззащитные семьи шахтеров-красноармейцев, но даже этой подлой местью им не удалось подорвать боевой дух сознательных пролетариев.

Важную роль в обороне Венгерской Советской Республики играл Союз рабочей молодежи. Он стал верным помощником и резервом Коммунистической партии Венгрии. Революционная молодежь вела большую агитационную работу в вооруженных силах республики. Члены Союза рабочей молодежи показывали в боях примеры личной храбрости и отваги, коллективного героизма и воинской инициативы.

В защите Венгерской Советской Республики приняли участие и женщины. 12 апреля 1919 года в Будапеште

состоялся многолюдный митинг женщин, на котором они потребовали, чтобы и им предоставили возможность работать на оборонных предприятиях или же служить в рядах действующей армии. Многие женщины стали самоотверженно трудиться на военных заводах, в армейских госпиталях, в медицинских пунктах. Это движение охватило всю республику. Так, например, в Секешфехерваре 80 женщин и девушек попросили принять их в венгерскую Красную армию.

7 и 8 апреля 1919 года Народный комиссариат по военным делам издал приказ о реорганизации дивизионной артиллерии и авиационных частей, а 10 апреля — приказ о сформировании железнодорожного полка. В интересах укрепления армии Революционный Правительственный Совет вынес решение организовать курсы по подготовке пролетарских командиров. Несмотря на тяжелое военное положение Венгерской Советской Республики, нельзя было игнорировать такой важный вопрос, как квалифицированные кадры. Нужно было срочно подготовить по меньшей мере несколько сот пролетарских командиров. Находясь во главе рот и батальонов, они стали бы костяком в борьбе против контрреволюционной, подрывной деятельности старых кадровых офицеров. 18 апреля Революционный Правительственный Совет постановил, чтобы впредь и младших командиров назначало командование (до этого они выбирались в подразделении). Революционный Правительственный Совет учредил также институт политических комиссаров. 3 мая 1919 года была сформирована морская бригада.

Дальнейшее развитие военных событий показало, однако, что все эти меры были недостаточно эффективны, к тому же они медленно осуществлялись. 19 апреля 1919 года Революционный Правительственный Совет решил призвать в Красную армию весь венгерский пролетариат. В тот же день на заседании Будапештского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято предложение коммунистов об отправке половины членов рабочих советов, а также народных комиссаров на фронт для поднятия боевого духа войск. Началось массовое вступление рабочих в Красную армию. Только из рабочих, мобилизованных в 1, 29, 69-й и в Красный чепельский полки, до 31 мая в Будапеште удалось создать 16 новых пролетарских батальонов.

19 апреля Революционный Правительственный Совет издал приказ о формировании будапештской Красной дивизии металлистов. Главной задачей этого соединения, сформированного исключительно из рабочих, была защита сердца республики — Будапешта.

На этом первый этап создания венгерской Красной армии закончился.

Образование Венгерской Советской Республики привело империалистов в сильное замешательство. Социалистическая революция, диктатура пролетариата, советская власть стали реальной действительностью и в Венгрии. Империалисты направили в Венгрию английского генерала Смэтса, чтобы он информировал их об обстановке. Одновременно осуществлялась строжайшая экономическая блокада пролетарской республики. Кроме того, империалисты готовили вооруженную интервенцию против революционной Венгрии. 16 апреля 1919 года войска королевской Румынии начали наступать на всем Восточном фронте.

Вооруженные силы Венгерской Советской Республики в этот период даже в организационном отношении не были подготовлены к военным действиям, развернувшимся на таком широком фронте. В первое время руководство всеми вооруженными силами республики осуществлял Народный комиссариат по военным делам. Организационно он состоял из двух групп. Первая группа занималась вопросами планирования военных действий и фактически выполняла функции главного командования и генерального штаба. Вторая группа ведала формированием частей, их материально-техническим обеспечением и другими организационными вопросами.

Однако вследствие многих причин Народный комиссариат по военным делам оказался не способным решать вопросы руководства военными действиями. Первой группе, помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, приходилось заниматься и другими делами. Кроме того, сказывалась оторванность от театра военных действий, что в свою очередь мешало наладить между воинскими частями на фронте постоянную надежную связь. Организационное построение действующей армии не давало возможности проводить операции широкого масштаба. Основу организационной структуры армии составляли бригадные группы, введенные еще во времена правительства Карольи. В каждую бригадную группу

должны были входить: пехотный полк трехбатальонного состава, три пулеметных взвода, техническая рота, взвод пехотных орудий, телеграфный взвод и артиллерийский полк, на вооружении которого находились четыре 75-миллиметровые легкие пушки, четыре 80-миллиметровые полевых орудия, восемь 100-миллиметровых полевых гаубиц, две 150-миллиметровые тяжелые гаубицы. Однако в тех условиях данную структуру трудно было соблюдать, и поэтому дивизии, в которые входило по три бригадные группы, резко отличались друг от друга по численности, составу и боеспособности. К тому же дивизии и самостоятельные бригады, как правило, не были связаны друг с другом и действовали независимо от соседних частей. Дело в том, что каждое соединение получало приказы непосредственно от первой группы Народного комиссариата по военным делам; туда же оно отправляло в свою очередь и все донесения. При таком порядке затруднялось централизованное руководство армией. К тому времени, пока приказы первой группы доходили до линии фронта, обстановка там обычно менялась настолько, что войска вынуждены были действовать на свой страх и риск. Предпринимая неожиданные передвижения, отдельные части нередко ставили своих соседей в тяжелое положение и, нарушив взаимодействие с ними, сами, таким образом, могли ссуществлять лишь частичные операции. Слабую дисциплину в войсках, отсутствие четкого, централизованного руководства использовали реакционно настроенные командиры и подчас самовольно отдавали приказы об отступлении. Ни один такой офицер, к сожалению, не был привлечен главнокомандующим к ответственности.

Начав свое наступление 16 апреля, интервенты спешили развернуть боевые действия прежде всего потому, что Красная армия Венгрии находилась еще в стадии реорганизации. Войсковые части республики не имели в своем непосредственном распоряжении артиллерии и кавалерии. Плохо налаженная связь мешала оперативно использовать резервы. Необходимо было немедленно и коренным образом улучшить организацию армии и укрепить ее руководство. Кроме того, в венгерской Красной армии не хватало оружия и боеприпасов. 21 апреля Народный комиссариат по военным делам выдал, например, каждой дивизии по восемь 90-миллиметровых минометов, но прицельные приспособления были только у четырех из

них. Не хватало даже лошадей для кавалерийских соединений, а сильная конница могла бы сыграть решающее значение на данном театре военных действий.

Политическое руководство войсками в начальный период также отсутствовало. Политкомиссары прибыли в армию лишь к концу апреля 1919 года. Следовательно, до этого времени власть в ней была полностью сосредоточена в руках командиров, среди которых встречалось немало реакционно настроенных элементов. Например, политкомиссаром 6-й дивизии Красной армии был капитан королевской гвардии Апт Альбин. Реакционные офицеры сеяли в войсках панические слухи и всячески старались деморализовать солдат. Враги революции рисовали общее положение республики гораздо хуже, чем оно было в действительности, постоянно твердили о бесперспективности борьбы, стремясь подорвать такими разговорами боевой дух венгерской Красной армии.

Военное положение республики осложняли еще и предательства. Так, полковник Кратохвил, под командованием которого находились секлерские войска на большом участке румынского фронта, уже 6 апреля вел переговоры с французским и румынским командованием о сдаче своих войск в плен, чтобы таким образом нанести республике коварный удар с тыла. Изменник родины Кратохвил первым отдал приказ об отступлении.

Это предательство значительно подорвало вооруженные силы республики. Секлерские войска в то время выделялись среди других частей венгерской Красной армии своей организованностью и дисциплиной. Выходцы из Трансильвании, секлеры готовы были мужественно сражаться за свою родину. Под руководством честных командиров-патриотов они сумели бы отразить наступление румын. Но полковник Кратохвил и большая часть его офицеров были заядлыми врагами рабочего класса. Они сознательно пошли на предательство, хотя и маскировали свою измену ссылкой на превосходящие силы противника.

Секлерская дивизия отошла в направлении Надькарой-Сатмарнемети и тем самым открыла путь румынской королевской армии в тыл красных войск. В результате венгерская Красная армия вынуждена была отступить по всему фронту. Отдельные ее части, в которых преобладали солдаты из городских и деревенских пролетариев,

героически сражались с интервентами, но остановить превосходящие силы противника было очень трудно. 24 апреля 1919 года Красная армия временно закрепилась на линии Надькалло, Теглаш, Хайдусобосло, Бекеш, Кидьош.

В это время на фронт стало прибывать пополнение — первые части, сформированные по решению Революционного Правительственного Совета от 19 апреля. Эти соединения состояли в основном из добровольцев — промышленных рабочих, причем в каждой части был свой политический комиссар. 18 апреля началась переброска тех батальонов, из которых Народный комиссариат по военным делам собирался сформировать за Тисой 1-ю и 4-ю дивизии, для того чтобы перейти в контрнаступление. Измена Кратохвила помешала осуществить этот план полностью.

Декретом Революционного Правительственного Совета от 21 апреля 1919 года было создано командование восточной армии, действующей на румынском фронте. Начальником штаба этой армии назначили патриота, талантливого военного деятеля полковника Аурела Штромфельда.

2 мая 1919 года войска противника на востоке стояли у Тисы, на северо-востоке — у Хернада, а на северо-западе они активизировали свои действия в районе Мишкольца и Шальготорьяна. Только на южных границах царило относительное спокойствие. Естественно, в таких условиях для основательной организационной работы в армии у командования не оставалось времени. Необходимо было срочно собрать и соответствующим образом перегруппировать имеющиеся силы.

Начальник штаба Штромфельд пытался задержать продвижение румынской королевской армии с помощью целого ряда контратак. Нужно было как-то выиграть время для успешной переброски частей Красной армии на правый берег Тисы. 24 апреля войска Красной армии остановили и отбросили румын у Хайдусобосло. Прибывшая на поле боя 1-я венгерская дивизия предприняла контрудар в районе Ньиредьхазы и отбросила наступавшие румынские части, захватив при этом значительное количество пленных и боевой техники. В этом бою особенно отличились 1/32-го чепельского рабочего батальона и вооруженный отряд ньиредьхазских рабочих.

Контратаки Красной армии, проведенные по плану Штромфельда, в основном достигли цели — продвижение противника резко замедлилось.

26 апреля большая часть секлерской дивизии под давлением полковника Кратохвила и других офицеров — изменников родины сложила оружие перед румынами. Другая же часть дивизии распалась. В результате этого крупные участки фронта остались без какого бы то ни было прикрытия, и войска венгерской Красной армии вынуждены были отойти за Тису. Штромфельд понимал, что, используя Тису как естественную преграду, можно выиграть время для того, чтобы реорганизовать и поднять боеспособность войск. Отход за Тису прошел благополучно, хотя многие соединения отступали беспорядочно. Исключение составляла 6-я дивизия: отходя от Мароша, она в полном порядке достигла места назначения — Сольнока. В первые дни мая эта дивизия считалась единственной боеспособной частью на западном берегу Тисы.

Войска Венгерской Советской Республики заняли позиции у мостов в Токае, Тисафюреде и Сольноке, а по всему берегу реки были выставлены лишь немногочисленные дозоры. В войсках, отошедших за Тису, наводился порядок.

Хочется подчеркнуть интересную, не отмечавшуюся до сих пор деталь из истории венгерской Красной армии: более полутора тысяч сельскохозяйственных рабочих и крестьян-бедняков, гнувших раньше спину на графов Дегенфельдов, Паллавичини и других крупных землевладельцев, присоединились к частям отступавшей 6-й дивизии. В ходе переформирования, проводившегося в Надькёрёше и его окрестностях, дивизия пополнилась также за счет бывших военнопленных. Многие из них принимали участие в Великой Октябрьской социалистической революции и теперь, как наиболее опытные, назначались на командные должности. В результате проведенной организационной и политико-воспитательной работы 6-я дивизия отлично зарекомендовала себя в последующих наступательных операциях.

Стремясь остановить наступление румынской королевской армии, Народный комиссариат по военным делам отдал приказ о контрнаступлении и выдвинул вперед около восьми пехотных батальонов. Кроме того, в район Эрмихайфалва, Нодькарой с чешского фронта было на-

правлено одиннадцать батальонов и пять батарей. Однако вследствие измены командования секлерской дивизии ввести эти войска в бой не удалось, их также пришлось отвести за Тису.

27 апреля сербские части заняли Мако и Надьлок. 29 апреля белочехи перешли в наступление у Банрева и через Хедьаля, а затем, переправившись через Хернад и Шайо, начали продвигаться к Мишкольцу. 30 апреля сербы и французы вступили в Ходмезевашархей. 1 мая румынские королевские войска прорвали оборону предмостных позиций у Сольнока и вышли к Тисе на всем ее протяжении. Тогда командование всем фронтом взяло на себя армейское командование, передислоцировавшееся из Сольнока в Гёдёлле. 2 мая 1919 года красные части вынуждены были оставить Мишкольц.

Военное положение Венгерской Советской Республики стало критическим. Воспользовавшись этим, правые социал-демократы пытались убедить трудящихся в бесперспективности дальнейшей борьбы. Они распространяли панические слухи о противнике и его наступательных планах. Всеми средствами враги революции старались подорвать уверенность пролетариата в своих силах. Главнокомандующий армией социал-демократ Вильмош Бем 1 мая 1919 года без ведома революционного правительства разослал командирам войсковых соединений телеграммы с предложением вести переговоры с противником о капитуляции красных войск и роспуске их по домам. В своей ответной телеграмме командир 6-й дивизии протестовал против этого распоряжения и сообщал, что солдаты и политкомиссары буквально рвутся в бой.

Отдельные части, где не было политкомиссаров, выслали к противнику своих парламентеров, однако командующие чешскими, румынскими, французскими и сербскими войсками отказались вести с ними какие бы то ни было переговоры. А в это время некоторые венгерские социал-демократы в Вене лихорадочно договаривались с посольствами стран Антанты, а также с контрреволюционными группами венгерских аристократов и крупных капиталистов, бежавших в Австрию, как сломить пролетарскую диктатуру, оказавшуюся в тяжелом военном положении.

Но коммунисты верили, что рабочий класс, трудящиеся массы не изменят делу революции. И они не обма-

нулись в своих надеждах. 2 мая 1919 года на заседании Будапештского Совета рабочих и солдатских депутатов после выступлений членов Совета Бела Куна, Тибора Самуэли, Енё Ландлера и других, вопреки паническим речам правых социал-демократов, было решено всем как один взяться за оружие, чтобы защитить Венгерскую Советскую Республику. На ряде заводов на массовых митингах принимались такие же решения.

Революционно настроенные отряды рабочих вливались в состав венгерской Красной армии, которая в то время насчитывала 17 полков, объединяющих 55 батальонов и один отдельный батальон. К ним присоединились бригада моряков, интернациональная бригада в составе пяти батальонов, два полевых красных полка и два отдельных батальона. В результате этого за короткий срок изменилась социальная структура венгерской Красной армии, возросла роль политического воспитания и контроля, активизировалась деятельность политкомиссаров.

Во время первой мировой войны значительная часть рабочих была освобождена от воинской повинности и вследствие этого не прошла соответствующей военной подготовки. Теперь буквально за несколько дней рабочие получали некоторые элементарные военные знания, учились владеть оружием и решительно шли в бой за свое пролетарское государство.

В битвах с врагами бойцы и командиры венгерской Красной армии показали блестящие примеры самоотверженности и героизма. В историю венгерского рабочего движения, в историю Венгерской Советской Республики была вписана новая славная страница.

Первые военные успехи Красной армии и победоносный северный поход

После того как румынские королевские войска вышли на линию Тисы, военные действия на несколько дней прекратились. Начальник штаба венгерской Красной армии Штромфельд использовал это время для пополнения, обучения и приведения в порядок войск республики. 3 мая Штромфельд представил командованию план, согласно которому 6-я дивизия должна была освободить Шальгото-

рьян. Из рабочих батальонов в качестве армейского резерва предлагалось сформировать 1-ю и 4-ю дивизии. Правительство Венгерской Советской Республики одобрило этот план. 6 мая было создано Главное командование Красной армии, которому подчинялись все вооруженные силы республики. Политико-воспитательной работой в армии руководили в первую очередь Бела Кун, Тибор Самуэли и Енё Ландлер. Они оказывали огромную помощь политкомиссарам дивизий в повышении сознательности и боевой готовности солдат.

В этот период батальоны так называемой «будапештской группы» под командованием Тибора Самуэли и Отто Штайнбрука взяли Сольнок, оккупированный небольшими силами румын и местных контрреволюционеров. Эта победа подняла моральный дух венгерских войск.

В это время белочехи стали совершать передвижения, носившие скорее разведывательный характер. На некоторых участках фронта, однако, их действия приобретали опасный характер. 6 мая чешские войска при поддержке бронеавтомобилей и бронепоездов прорвали венгерскую оборону, захватили Надьсечень и, не встретив серьезного сопротивления, заняли Петервашар и Сарвашкё. Со всех сторон — от Балашшадьярмат, Литке, Лошонца, Феледа и Фюлека — они рвались к единственному крупному угольному району страны — Шальготорьяну. 80-я венгерская бригада, оборонявшая этот угольный бассейн, отошла на линию Чингерхедь, Шагуйфалва, Каранчшач, Лапуйто, Шалго, Задьварона, Барна. Положение казалось безнадежным. По заданию революционного правительства в Шальготорьян прибыла специальная комиссия. Члены этой комиссии на совещании доверенных лиц профсоюза горняков, а затем и на массовом митинге трудящихся объяснили шахтерам значение угольного бассейна для всей страны. Правые социал-демократы и офицеры 80-й бригады пытались было доказать, что удержать шахтерский район невозможно, но встретили решительный отпор. По призыву коммунистов рабочие Шальготорьяна и его окрестностей взялись за оружие и вместе с частями 80-й бригады заняли оборонительные позиции по северной границе угольного бассейна. Горняки дрались самоотверженно и частыми контратаками задерживали продвижение противника.

Это позволило выиграть время, необходимое для под-

готовки военных операций против чехословацких войск. 10 мая 1919 года 80-я бригада и роты вооруженных рабочих вынудили противника отступить севернее Шальготорьяна. В преследовании войск белочехов активное участие приняла и 6-я дивизия, с помощью которой 12 мая части Красной армии освободили Фюлек.

Империалисты Антанты не брезговали никакими средствами, чтобы задушить Венгерскую Советскую Республику. Не сумев в первое время организовать согласованное наступление армий интервентов, они старались теперь дезориентировать командование Красной армии ложными слухами о том, будто на южной границе Венгрии, в районе Сегеда и Загреба, происходит концентрация крупных сил французских войск. Главнокомандующий венгерской Красной армией Бем, оказавшийся, как выяснилось позднее, изменником родины, с радостью воспринимал любые панические слухи. Поэтому он заведомо неправильно информировал армии, будто Антанта готовится к крупному общему наступлению на юге. Эта версия оказала пагубное влияние на планирование военных действий. Командование Красной армии начало игнорировать наиболее активный в то время чешский фронт и приказало направить 4-ю и 6-ю дивизии в район Кечкемета для отражения «ожидаемого» с юга нападения противника. Позднее была установлена безосновательность всех этих слухов и даже выяснилось, что несколько французских частей отозваны с юга в другие места. Наши красные дивизии пришлось снова срочно перебрасывать на северный фронт.

Именно в то время большая группа французских солдат сдалась в плен бойцам Красной армии. На допросе пленные заявили, что французские войска не готовы к наступлению и что солдаты горят желанием поскорее вернуться домой. Из других источников также стало известно, что нет никаких оснований ожидать наступления с юга. Оценив обстановку, начальник штаба Штромфельд решил сосредоточить основные силы против чехословацких интервентов и перейти в наступление на стыке флангов чешской и румынской армий. Теперь уже были созданы все предпосылки для осуществления такого плана: к середине мая 1919 года в основном удалось произвести реорганизацию частей Красной армии. Кроме того, с приходом в армию рабочих улучшилось настроение солдат и поднялась воинская дисциплина.

В этот период венгерская Красная армия насчитывала 3 армейских корпуса и 8 дивизий, в составе которых было 113 батальонов, 84 пулеметные роты, 8 кавалерийских эскадронов, 39 артиллерийских батарей, 16 технических и 8 авиационных рот. На их вооружении находилось 51 588 ружей, 682 пулемета, 68 пушек, 81 гаубица, 6 тяжелых минометов и 37 самолетов.

Используя хорошо налаженную систему железных дорог, Красная армия за короткий срок смогла перебросить крупные войсковые соединения с одного участка фронта на другой и вовремя сосредоточить силы против чешской армии, которая, кстати сказать, плохо координировала свои действия с румынами.

Прежде всего нужно было освободить Мишкольц. Эту задачу выполнили войска 3-го армейского корпуса. 21 мая части Красной армии уже вышли на линию Мишкольц, Диошдьёр; 22 мая 1-я дивизия вышла к Оноду, Жольцу и Шайосентпетеру, а 5-я дивизия — в район Надашда и Петервашара. Если бы в эти дни 4-я и 6-я дивизии не были направлены в Кечкемет для отражения мнимого наступления Антанты, а участвовали бы в освобождении Мишкольца, это сыграло бы решающее значение. Теперь же Штромфельд решил нанести удар по стыку чешских и румынских войск, а затем, форсировав Тису, развить наступление против румынских войск.

По плану Штромфельда 3-му армейскому корпусу под командованием Енё Ландлера предстояло в кратчайший срок выйти на линию Шаторальяуйхей, Кашша, Сепшы. Корпус в составе 1, 4 и 6-й дивизий, а также 10-й бригады 5-й дивизии находился на направлении главного удара Красной армии. 5-я дивизия к 29 мая должна была прорваться к Римасомбату и частью сил выйти к Рожньо и Тисольцу для обеспечения флангов. 3-й дивизии к 29 мая нужно было овладеть Лошонцом и, взяв Зойом, обеспечить правый фланг. 1-я бригада должна была обеспечить левый фланг наступающей группы у Левы.

Наступление, начавшееся 30 мая, было развито по всему фронту. Оно имело успех даже на правом фланге, где военные действия носили преимущественно связывающий характер и преследовали цель помешать чехам перебросить часть своих сил против войск Красной армии, сражавшихся на главном направлении. На правом фланге 1-я венгерская бригада вышла к реке Гарам и овладела

Ипойшагом, а также высотами к северу от Балашшадьярмата. 46-я и 80-я бригады, захватив Фюлек и Рапп, двигались к Лошонцу. 65-я бригада 5-й дивизии освободила Шайоказу и Путнок. На участке 3-го армейского корпуса 10-я бригада в ходе ожесточенных боев вышла на линию Мучонь, Жилиз, а правый фланг 6-й дивизии — к Франкхедь, Сиксо. 1-я дивизия у Хернаднемета вела тяжелые бои с противником, превосходящим ее в артиллерии. 30 мая 3-я дивизия освободила Лошонц; на следующий день войска 5-й дивизии вошли в Римасомбат, а 10-й бригады — в Эделень. Подоспевшие к Хернаднемету красные артиллерийские части 1 июня уничтожили вражеские батареи. Здесь впервые были применены 350-миллиметровые мортиры. Под массированным ударом частей 4-й дивизии румыны бежали к Тисе. Эти успехи были достигнуты благодаря громадному воодушевлению, которое в то время охватило Красную армию, и умелому военному руководству со стороны Штромфельда. Большую роль также сыграли героизм рабочих отрядов и горячая поддержка жителей освобождаемых районов.

Стремясь использовать поспешное отступление румынских войск на правом фланге, Штромфельд решил частью сил форсировать Тису, чтобы выйти в тыл и перерезать коммуникации противника. 3-й бригаде было приказано продолжать наступление к Шатораљяуйхею, а 4-й дивизии — форсировать Тису у Токая и во взаимодействии с 1-й и 8-й дивизиями наступать в направлении Ньиредьхазы. Заняв Токай и Бодрогкерестур, 4-я дивизия отбросила противника на левый берег Тисы. Однако форсировать реку красным частям не удалось, так как при отступлении румыны взорвали все мосты, а 4-я дивизия не располагала необходимыми переправочными средствами. Части 3-й бригады, используя Тису и Бодрог как естественные преграды, прорвались прямо к Шатораљяуйхею.

На чешском фронте венгерская Красная армия продолжала победоносное наступление. 3 июня 1919 г. войска противника были отброшены на линию Эршекуйвар, Лева, Вамошфавла, Сендрё и Гёнцруска. 6-я дивизия успешно продвигалась в направлении Сиксо — Кашша. 4 июня части 6-й дивизии отбросили противника за Абауйвар и Бузица. 5 июня 3-я бригада уже вела бои на окраинах Шатораљяуйхея, 6-я дивизия — на линии Абауйвар, Надьида, а одно подразделение 3-й дивизии —

у Араньошмарота. 6 июня 16-й полк овладел Корпоной и Шелмецбаней. 6-я дивизия, действовавшая на направлении главного удара, взяла Кашшу.

Освобождение Кашши имело большое значение, так как это был крупный узел шоссейных и железных дорог в бассейне реки Хернад. Население с радостью встретило войска венгерской Красной армии. Торжественный прием был оказан и делегации Будапештского Совета рабочих и крестьянских депутатов, прибывшей в Кашшу.

После короткого отдыха войска 6-й дивизии продолжали преследовать противника. 9 июня части 10-й бригады достигли Торны, 5-я бригада вышла на линию Силич, Пелшец, Четнек, Полшва, а 39-я бригада овладела Хачо. На своем левом фланге 1-я бригада успешно отразила контрнаступление чешских войск и продвинулась к Бестерцебанья. 9 июня 1-я дивизия освободила Эперьеш. На некоторых участках фронта войска чешской армии предприняли контратаки, но они не имели успеха.

Дипломаты Антанты поспешили на выручку чешским войскам. 8 июня 1919 г. Клемансо от имени Антанты направил венгерскому советскому правительству ноту, в которой потребовал прекратить военные действия и отвести войска Красной армии на прежние позиции.

9 июня командование 3-го армейского корпуса предложило командованию армии план, который предусматривал использовать благоприятную обстановку на фронте и продолжить наступление вдоль рек Хернад и Ваг, чтобы окончательно разгромить белочехов. Однако командование армии имело на этот счет другие соображения. Еще в начале операции против чешских войск Штромфельд разработал план, согласно которому войска Красной армии, разрезав чешско-румынский фронт и отбросив чешские части назад, должны были сосредоточить основной удар против румын. Форсировав Тису выше Токая и вклинившись в глубину румынской обороны, предполагалось уничтожить значительную часть румынских войск, а оставшихся принудить к отступлению в районе среднего течения Тисы. Замысел Штромфельда и теперь остался без изменения. Начальник штаба считал, что успешное осуществление его плана на длительное время лишит чешскую армию способности к наступательным действиям. Поэтому он отказался от форсирования Тисы и ограничился обороной Кашши и его окрестностей. Преследование отступав-

ших по долине Хернада чехов возлагалось на части 1-й дивизии. 6-я дивизия оставалась в резерве. Основной удар по чехословацким силам предполагалось нанести в Кишалфельде. С этой целью 3, 4 и 8-я дивизии вновь сформированного 5-го армейского корпуса сосредоточились в районе Лева, Парканья, готовясь наступать в направлении Ньитры и Эршекуйвара.

В освобожденных районах Словакии развернулось движение за образование Словацкой Советской Республики. К командирам наступавших венгерских войск приходили словацкие трудящиеся, в том числе много молодых парней, которые просили принять их в Красную армию. 16 июня 1919 г. была провозглашена Словацкая Советская Республика. Политкомиссару 6-й дивизии удалось достать в Будапеште полное военное снаряжение на 5 тыс. человек для частей словацкой Красной армии.

Поскольку венгерское советское правительство не удовлетворило требования империалистов, 13 июня Клемансо в повторной ноте заявил, что, если венгерская Красная армия отступит на линию, на которой она находилась до наступления чешских войск, Антанта отведет румынские части от Тисы на старую демаркационную линию.

Главнокомандующий венгерской армией Бем, ориентирующийся на правых социал-демократов, а через них — на различные контрреволюционные комитеты в Вене, 16 июня довел до армии содержание нот Клемансо и одновременно отдал приказ о немедленном прекращении военных действий.

Коммунисты считали, что Красная армия может уйти из освобожденных ею районов только тогда, когда румынские королевские войска действительно очистят оккупированные ими районы за Тисой.

На съезде Советов продажным лидерам социал-демократов удалось протащить решения об отступлении. Красные солдаты, готовые и дальше сражаться за пролетарскую диктатуру, не понимали, почему они должны оставить районы, освобожденные от врагов ценою крови.

16 июня чешские войска напали на Леву и развернули наступление по всему фронту. 17 июня командование Красной армии вынуждено было отдать приказ о продолжении военных действий. Критическое положение, создавшееся в районе Левы, спасла 4-я дивизия. Войска 8-й ди-

визии подошли к Эршекуйвару, а части 6-й дивизии с боями продвинулись до линии Маргитфалва, Койшо, Араньида. 21 июня войска 1-й дивизии вышли в район Браниско, северо-западнее от Эперьеша. Части 6-й дивизии, овладев Гёльницбаней, 23 июня продвинулись до Сепешремета и Сомольнока.

22 июня представитель Антанты французский генерал Пелле потребовал от венгерского советского правительства отвести красные войска из районов, указанных в нотах Клемансо.

Лидеры правых социал-демократов и их представители в профсоюзах использовали это требование Антанты в своих контрреволюционных целях. Они распространили в Будапеште слух, будто венгерская Красная армия уже отступает, что падение советского правительства — вопрос нескольких дней, что под эгидой Антанты будет создано новое правительство при участии правых социал-демократов и представителей буржуазных партий и что страны Антанты якобы передадут этому правительству не только оружие, но и продовольствие.

Контрреволюционные элементы, которые до этого трусливо прятались в Будапеште по тайным квартирам, вновь подняли голову. 24 июня 1919 года на сторону контрреволюционеров перешли дунайские мониторы, стоявшие в порту Обуды. Они подвергли обстрелу гостиницу «Хунгария», где находилась официальная резиденция советского правительства. Группа курсантов бывшей военной академии Людовика также перешла на сторону контрреволюции и захватила телефонную станцию в Йожефвароше.

Большая часть руководителей Коммунистической партии Венгрии в это время была на фронте. Командир дивизии металлистов Хаубрих, имея в своем распоряжении несколько тысяч людей и внушительную артиллерию, ничего не сделал для подавления контрреволюционного мятежа. В решительный бой с врагами революции вступили несколько частей будапештского гарнизона, руководимые коммунистами, артиллерийские батареи, преданные диктатуре пролетариата, а также рабочая охрана добровольческих отрядов. Контрреволюционный путч, не поддержанный народными массами, удалось быстро подавить. Осторожность, проявленная в эти дни Бемом, Хаубрихом и лидерами правых социал-демократов, говорила о том, что

они не смели открыто выступить против пролетарской диктатуры, так как рабочие остались верны Венгерской Советской Республике и поднялись на ее защиту.

24 июня Бем отдал новый приказ о прекращении военных действий, а 29 июня — об отступлении из освобожденных районов.

Приказы и распоряжения, непонятные войскам, породили в солдатской массе отчаяние. Лишь благодаря большой разъяснительной работе политкомиссаров и их огромному авторитету был предотвращен немедленный развал армии и обеспечен организованный отход и перегруппировка войск.

Действовавшие на чешском фронте части Красной армии сосредоточились в следующих районах: 2-я бригада — у Токая; 3-я бригада — у Шаторальяуйхея; 1-я дивизия — у Сиксо; 5-я дивизия — у Шайосентпетера, Путнока; 80-я бригада — у Шальготорьяна, Пасто; 3-я дивизия — у Ретшага, Вереце; 4-я дивизия — у Дунакеси, Алаг; 6-я дивизия — в районе Ясладань, Уйсас.

После перегруппировки войск Штромфельд ушел в отставку с поста начальника генерального штаба, так как все его замыслы не одобрялись главкомом. Его отставка была тяжелой потерей для венгерской Красной армии.

Главнокомандующий Бем, ссылаясь на болезнь, также попросил отставки. Назначенный послом в Вену, Бем получил теперь неограниченные возможности вести непосредственные переговоры с представителями стран Антанты, с реакционными венгерскими помещиками и различными контрреволюционными комитетами о свержении пролетарской диктатуры в Венгрии.

Социал-демократические лидеры, вступив в соглашение с противником, надеялись на скорое падение пролетарской диктатуры в Венгрии и потому легко согласились на то, чтобы главкомом Красной армии был назначен пламенный революционер Енё Ландлер.

Выдвижение Ландлера на столь высокий пост стало возможным благодаря военным успехам 3-го армейского корпуса, которым он командовал во время майско-июньского наступления против чешских войск. Ландлер хотя и не был профессиональным военным, но в ходе боев зарекомендовал себя способным командиром, хорошо разбирающимся в вопросах стратегии и тактики. Начальником

штаба армии назначили подполковника Ференца Юлиера, бывшего начальника штаба 3-го армейского корпуса.

Нового главнокомандующего ждали большие трудности. Социал-демократические предатели и контрреволюционные группировки кадровых офицеров еще в период победоносного наступления Красной армии старались подорвать моральное единство и боевой дух армии. Правда, тогда влияние их было незначительным, к тому же всю подрывную работу враги революции вели с большой осторожностью. Отступление красных войск создало для них более благоприятную обстановку. Деморализующее воздействие их агитации сказалось уже во время перегруппировки войск. В армии участились случаи нарушения воинской дисциплины, дезертирства, открытых выступлений контрреволюционных офицеров.

На новые позиции войска венгерской Красной армии прибыли с сильно поредевшими рядами и пошатнувшейся дисциплиной. Несомненно, новому главкому легче было бы наводить порядок в войсках, если бы рядом с ним находился Штромфельд. Новый же начальник генерального штаба Юлиер тайно поддерживал деятельность контрреволюционно настроенных офицеров. К сожалению, это выяснилось только позднее.

Ландлер смог приступить к выполнению обязанностей главнокомандующего только 22 июня. До этого его замещал Бем, который не только не принимал никаких мер для восстановления единства и дисциплины в армии, а напротив, всячески покрывал деморализующую деятельность нового начальника штаба Юлиера и контрреволюционных офицеров. О повышении уровня боевой подготовки и об укреплении воинской дисциплины заботились лишь в частях, где политическое руководство осуществляли коммунисты. Таких частей, однако, было немного, так как политкомиссаров назначал секретариат партии, а он в то время в большинстве своем состоял из социал-демократов.

Наступление Красной армии в бассейне Тисы

После того как части Красной армии покинули освобожденные ими районы, в военных действиях наступил кратковременный перерыв. Правительство Венгерской Советской Республики удовлетворило требования, изложен-

ные в нотах Клемансо, и отвело свои войска на линию, где они находились до начала наступления чешских войск. Но несмотря на неоднократные заверения Клемансо, румыны, однако, и не собирались уходить из оккупированных ими районов за Тисой. Таким образом Венгерская Советская Республика потеряла свои хлебные районы. И без того тяжелый продовольственный кризис еще более усилился. Правые социал-демократы требовали отставки венгерского советского правительства, капитуляции перед Антантой и восстановления в стране капиталистического режима. Коммунисты же продолжали борьбу. Их воодушевляло и то обстоятельство, что международные рабочие организации наметили на 21 июля 1919 года всеобщую забастовку солидарности с Венгерской Советской Республикой. Коммунисты стремились использовать перерыв в военных действиях, наступивший вследствие нерешительности международной реакции и временной неспособности чехословацкой армии к боевым действиям, для укрепления Красной армии и пополнения ее рядов.

Начальник штаба Юлиер понимал, что, несмотря на колебание одной части социал-демократов и предательство другой, коммунисты способны привести Красную армию в состояние боевой готовности. Стараясь помешать этому, Юлиер использовал свое положение начальника штаба и добился безотлагательного решения советского правительства о новом наступлении Красной армии.

Кроме того, контрреволюционные офицеры с помощью Бетлена, Хорти, Гёмбёша передали план нового наступления командованию румынской армии. Таким образом, румынский генеральный штаб мог заранее предпринять соответствующие контрмеры.

Не дожидаясь указания советского правительства о начале наступления, Юлиер отдал 5 июля распоряжение, в котором говорилось следующее: «Командование армии намерено, независимо от того, очистят ли румыны территорию за Тисой или нет, переправить основные силы армии через Тису и продвинуться до насильственно навязанной нам демаркационной линии. Для этой цели создаются две группы: а) 1-й армейский корпус со 2, 6 и 7-й дивизиями с районом сосредоточения в Сольноке и 8-й дивизией — с районом сосредоточения в Чонграде. Направление наступления — Бекешчаба, одной колонной — Надьварад; б) 3-й армейский корпус с 1-й и 5-й дивизиями, 2-й и

3-й бригадами с районом сосредоточения в Токае. Направление наступления — Дебрецен, одной колонной — Надькарой».

Одной бригаде было приказано форсировать Тису в районе Поросло, чтобы ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара.

К началу возобновления военных действий войска Красной армии оказались намного слабее, чем в период победоносного Северного похода. Под влиянием предательской агитации социал-демократов многие рабочие полки в ходе перегруппировки разбежались. Это в значительной степени изменило социальный состав армии. Только отдельные войсковые части, где руководство осуществляли коммунисты, выполнили приказ и заняли указанные им позиции за Тисой. Кроме того, во время Северного похода при освобождении Шальготорьяна, в операциях у Сиксо, Кашши, Эперьеша и т. д. большую роль сыграли бронепоезда. Теперь же их не могли перебросить на левый берег, так как все мосты через Тису были взорваны.

Будь в то время Коммунистическая партия Венгрии сильной и единой, она, несомненно, нашла бы путь к рабочим массам, вызвала бы среди них патриотический подъем и помогла бы в короткий срок пополнить поредевшие ряды Красной армии новыми рабочими отрядами. Но такой партии тогда не было. Подрывная деятельность социал-демократического руководства и предательские махинации начальника генерального штаба неудержимо толкали пролетарскую диктатуру к гибели.

Тем не менее последующие события показали, что даже в таких сложных условиях венгерская Красная армия осталась революционной армией, армией диктатуры пролетариата. Не имея достаточных технических средств, эта армия форсировала Тису. Поддержанные огнем 210 орудий, установленных в районе сольнокского моста, главные силы Красной армии с достойным восхищения героизмом успешно провели эту сложную операцию.

Наступление началось 20 июля 1919 года в 3 часа утра. Первыми на тот берег переправились части 7-й дивизии. Форсирование и дальнейшее наступление осуществлялось тремя группами: в северную группу входил 101-й полк 6-й дивизии; в среднюю — 4-й полк 7-й дивизии; в южную — полк моряков. Красная артиллерия заставила замолчать румынские батареи, установленные на

противоположном берегу Тисы. Части 6-й дивизии уже к 9 часам утра полностью переправились через Тису, а войска 5-й стояли в готовности для переправы в районе сольнокского вокзала. К 9 часам вечера вся сольнокская группа уже находилась на левом берегу Тисы.

В районе моста красные войска захватили девять румынских орудий, много пулеметов и пленных. Пленные рассказали, что румынское командование считало Красную армию неспособной провести такую крупную операцию, как форсирование Тисы, а в итоге румынским войскам пришлось даже отступить.

На южном, чонградском участке, на участке 2-й дивизии 20 июля около 9 часов утра через Тису переправился 15-й полк, вышедший затем в район Курцапатак. 1-й батальон 38-го полка форсировал Тису у Сентеша, а 2/68-й батальона овладел Миндсентом. Чонградская группа располагала незначительным количеством артиллерии, и поэтому противник оказал ей здесь более сильное сопротивление. Два батальона дивизии, форсировав реку с западного направления, а 2/68-го батальона — от Сегвара двигались к Сентешу. 30-й полк вечером 20 июля еще находился на правом берегу Тисы и готовился к переправе. 21 июля части 2-й дивизии выбили противника из Сентеша.

Наступление северной, токайской, группы задержалось из-за густого тумана на рассвете. По этой же причине артиллерия смогла поддержать переправу огнем только около 7 часов утра. Под прикрытием артиллерийского огня 1/39-го батальона, не встретив сопротивления, форсировала Тису у Тисадоба. До 9 часов вечера того же дня 21-й полк вышел на линию Тимар, Ракамаз на левом берегу Тисы. 2/34-го батальона освободила Надьфалу, а 3/30-го батальона — Тисаеслар. 13-й истребительный батальон, входивший в резерв командования, наступал вдоль дороги Ракамаз — Ньиредьхаза и занял позиции в западной части Ракамаза. 32, 9 и 16-й полки еще не форсировали Тисы, а их передовые части заняли лишь предмостные позиции на восточном берегу. Саперные подразделения дивизии навели у Токая понтонный мост и приступили к строительству запасного моста. При переправе основной группы красные войска хотя и понесли незначительные потери, но в то же время захватили у противника четыре гаубицы и пленных.

21 июля сольнокская группа продолжала наступление. 101-й полк 6-й дивизии, взаимодействуя своим левым флангом с частями, расположенными в Тисапюшпеке, вышел в район между Терексентмиклошом и Пустаалмышом. На участке 6-й дивизии румыны при поддержке артиллерии предприняли контратаку, но она была успешно отражена. Один батальон 33-го полка 6-й дивизии вышел к Терексентмиклошу. Части 7-й дивизии отразили контратаку противника на участке между Блашковичтанья и Тенётанья.

Менее успешной была операция тисафюредской группы. Здесь противник имел значительное превосходство в артиллерии, и поэтому только штурмовой полуроте 1/26-го батальона и небольшому подразделению 3/26-го батальона удалось вечером 20 июля переправиться на противоположный берег Тисы.

Части 1-й дивизии, посланные для усиления токайской группы, продвигались вперед медленно, с боями. 1 и 3/9-го батальона вступили в рукопашный бой. Перегруппировавшись, части 3-го армейского корпуса в ходе боев вышли 22 июля к западной окраине села Саболч и восточной окраине сел Надьфалу и Тисаэслар, а 23 июля — на линию Гава, Пренихалом, Чеххалом, Надьфали, Тисаэслар. Положение тисафюредской группы несколько улучшилось. Части 80-й бригады вступили в Тисаэрвень, Эдьек и Тисачег.

На участке 1-го армейского корпуса части 6-й дивизии, преследуя отступавшего противника, 22 июля вышли на линию Федьвернек, Сапарфалу. К Туркеве, Кишуйсаллаш, Кендереш и Кунхедьеш были высланы роты, усиленные пулеметными взводами. 7-й кавалерийский полк подошел к Кендерешу. С юга, от железной дороги Кишуйсаллаш — Сольнок противник атаковал части 7-й дивизии. Подоспевшие на помощь части 5-й дивизии помогли отбить контратаку противника. Сентешская группа также успешно отразила контрнаступление румын, направленное против ее южного фланга.

На участке действий 1-го армейского корпуса части 6-й дивизии освободили Кишуйсаллаш и Кендереш. 7-й кавалерийский полк контратаковал румынскую кавалерию и отбросил ее назад. Части 5-й дивизии в ходе боев вышли к Туркеве, а часть 7-й дивизии — к Мазетуре. Утром 23 июля из штаба 1-го армейского корпуса было получено

донесение о том, что противник в панике отступает. Пленные румынские офицеры, в большинстве своем жители Трансильвании, рассказывали о моральном разложении румынских войск.

Но как бы успешно ни началось наступление 20 июля, все же положение, сложившееся на фронте к 23 июля, должно было бы вызвать беспокойство у командования Красной армии, и в первую очередь у начальника генерального штаба. Изо всех наступавших групп, форсировавших Тису у Сольнока, удалось продвинуться вперед на 35—40 километров только главной группе, остальные даже на четвертый день наступления смогли пробиться всего лишь на 2—5 километров. Несомненно, успешное продвижение сольнокской группы вызвало серьезное беспокойство в румынских войсках. Но, имея на руках план наступления Красной армии, румынское командование смогло быстро ликвидировать этот прорыв. Через три дня начались контратаки румынских войск против сольнокской группы, а затем против ее флангов. Широкие бреши, образовавшиеся между наступавшими группами, еще больше увеличились. Войскам, действующим на флангах сольнокской группы, больше нельзя было топтаться на месте, иначе противник мог легко окружить и уничтожить основную группу.

Начальник генерального штаба Юлиер, тайно поддерживающий связь с контрреволюционным сегедским правительством и командованием румынской армии, знал, что посланный в Вену агент правых социал-демократов Бем и подобные ему ведут переговоры с миссиями Антанты, с представителями графа Бетлена и даже с посланцами Хорти о свержении пролетарской диктатуры в Венгрии. Поэтому, игнорируя критическое положение на фронте, 24 июля 1919 года Юлиер отдал приказ о начале всеобщего наступления. Этот приказ был на руку противнику, так как создавал все условия для окружения сольнокской группы.

В этот же день одно подразделение 6-й дивизии вышло к Карцагу, 10-й пехотный полк 5-й дивизии — к Пустаэчегу, а кавалерийский эскадрон 7-й дивизии продвинулся вперед в направлении к Деваналья. Тем самым интервалы между сольнокской, тисафюредской и чонград-сентешской группами увеличились, а фланги сольнокской группы оказались еще более обнаженными. Командование румынской

армии воспользовалось этим. Части 2-й румынской дивизии нанесли удар по северному флангу сольнокской группы в кишуй-саллашском направлении. В то же время войска южной, чонград-сентешской, группы без боя отошли от Тисы по приказу начальника штаба группы подполковника Политовски, который через Юлиера поддерживал связь с хортистами.

Контрреволюционные офицеры стали действовать более решительно. Используя охвативший солдат страх перед окружением, реакционные командиры под предлогом «спасения войск» во многих частях отдавали приказы об отходе, усиливая тем самым панические настроения. Офицеры-предатели нашли себе усердных помощников в лице правых социал-демократов. И те и другие стремились вырвать солдат из-под влияния коммунистов и политкомиссаров, которые не покладая рук боролись за боеспособность Красной армии.

26 июля, то есть через два дня после начала общего наступления, Юлиер отдал приказ об общем отступлении. Начался беспорядочный отход за Тису. Правда, обошлось без потерь, потому что румынское командование не смогло организовать преследование отступающих. Даже многочисленную артиллерию сольнокской группы удалось благополучно переправить на правый берег.

Подрывная деятельность социал-демократов и предательство реакционных офицеров привели к тому, что в частях Красной армии, отходивших под незначительным давлением румынских войск, началось разложение. Восстановить порядок в армии теперь уже было невозможно. Солдаты стали разбегаться в одиночку и целыми группами. Предательство социал-демократов помешало также использовать для обороны Венгерской Советской Республики и находившийся в Будапеште 4-й армейский корпус, насчитывавший 22 тыс. винтовок и 30 орудий.

Красная армия Венгерской Советской Республики — героическая защитница завоеваний пролетарской диктатуры, одержавшая не одну славную победу, в результате отступления таяла день ото дня. Однако ее славные дела вписали героическую страницу в историю революционных боев венгерского рабочего класса и всего трудового народа, в историю борьбы за создание социалистической Венгрии.

Вскоре советское правительство было заменено так на-

зываемым профсоюзным правительством предателя Пейдля. Через пять дней это правительство передало всю власть реакционной буржуазии. Начался кровавый хортистский террор. Правые социал-демократы провозгласили лозунг «Пусть виновные понесут наказание», открыто направленный против коммунистов.

Предательство правых социал-демократов и контрреволюционно настроенных офицеров

В результате героического решения, принятого венгерским пролетариатом 2 мая 1919 года, добровольческие рабочие отряды укрепили Красную армию и коренным образом изменили ее социальный состав. Красная армия стала классовой армией пролетарской диктатуры. Однако способы комплектования рабочих полков, которые применяли в тот период из-за нехватки времени, позднее отрицательно сказались как на дисциплине этих полков, так и всей армии.

В дни 1 и 2 мая уполномоченные объединенной Партии мира на массовых митингах по-разному разъяснили обстановку рабочим, выразившим готовность бороться за Венгерскую Советскую Республику. Не в пример социал-демократам коммунисты призывали защищать власть пролетариата. Они не обещали легкой победы, не говорили, что напряжение сил будет кратковременным, а жертвы незначительными. Коммунисты призывали следовать героическому примеру трудящихся масс России, которые уже целый год не на жизнь, а на смерть сражались против 14 империалистических государств и банд внутренней контрреволюции.

Рабочие полки и батальоны венгерской Красной армии формировались из представителей одних и тех же профессий или предприятий. Созданные по такому принципу части в значительной мере представляли собой нечто вроде вооруженной профсоюзной организации. Единственным преимуществом подобного метода было быстрое формирование войск. Но во всех остальных отношениях эта система оказалась вредной.

Дело в том, что руководство профсоюзами и после объединения Коммунистической партии Венгрии с реформистской социал-демократической партией оставалось

преимущественно в руках социал-демократов. Таким образом, в большей части рабочих отрядов влияние социал-демократов было решающим. А поскольку солдаты-рабочие хорошо знали друг друга, им сразу же становилось известно, например, кому из их коллег удалось вернуться домой благодаря связям с социал-демократической партией. Кроме того, солдаты имели неограниченную переписку с родными и близкими, в результате чего события, происходившие на фронте, были до мельчайших подробностей известны в тылу, а солдаты регулярно получали информацию о бедственном положении своих домашних. Все это использовали контрреволюционеры в своей подрывной деятельности.

В первые недели, когда героизм рабочих полков увлек за собой всю армию, эти факторы имели незначительное влияние. Но оно возросло после освобождения Кашши, как только военные действия приостановились. Социал-демократы уже в то время распространяли в армии и в тылу пораженческие настроения. Используя продовольственные трудности, переживаемые республикой, факты бюрократизма в работе некоторых тыловых органов, прибегая к нашептываниям, правые социал-демократы добивались того, что из тыла на фронт шли письма с многочисленными жалобами. Родственники солдат писали, например, что «на фронте теперь находятся только ослы», поименно называли самовольно вернувшихся домой и уговаривали своих близких сделать то же самое. Подобные настроения очень быстро распространялись среди уставших от войны солдат. К тому же пагубное влияние оказывали и плохие вести из дому. Солдаты-коммунисты и политкомиссары, проявляя революционную стойкость, стремились приостановить начавшееся разложение в армии, но сделать это было невозможно. Во-первых, политкомиссары имелись лишь в немногих соединениях, так как главнокомандующий Бем всячески старался их дискредитировать и под разными предлогами удалить из армии. Бем устранял политкомиссаров также и от решения чисто военных вопросов, так как, по его мнению, они ничего в них не понимают. Бем считал пригодными к военному руководству лишь реакционных кадровых офицеров. Таким образом, сам главнокомандующий возглавлял подрывную деятельность социал-демократов в армии.

В этих условиях не могло быть и речи о том, чтобы

так называемые революционные военные трибуналы, созданные по «специальному» приказу Бема, полностью отвечали бы своему назначению и явились бы эффективным средством поддержания воинской дисциплины. Социал-демократические предатели и контрреволюционные офицеры могли спокойно вести в армии преступную агитацию и пропаганду.

Стремясь доказать «небоеспособность» Красной армии, Бем и его ближайшее окружение использовали любые трудности, возникавшие на фронте, и требовали немедленного заключения мира. Всеми способами они пытались внушить солдатам мысль о неизбежности отступления. «Мир любой ценой!», «Строительство социализма при помощи Антанты!», «Демократия — это мясо, сало, вино!» — такими лозунгами правые социал-демократы ввели в заблуждение многих солдат Красной армии.

Контрреволюционно настроенные офицеры также активизировали свою преступную деятельность в армии. Венгерская Советская Республика вынуждена была привлекать на службу в армию бывших кадровых офицеров и военных специалистов. Но, оказывая такое большое доверие, необходимо было наладить и постоянный политический контроль за деятельностью офицеров. Такого контроля, к сожалению, в венгерской Красной армии почти не было. Практически он осуществлялся лишь в некоторых соединениях, где политкомиссары имели уже боевой опыт, особенно опыт русской революции. Большинство же политкомиссаров оказались в армии впервые. Зачастую они даже не знали, какие задачи в военной обстановке являются наиболее важными. Как правило, в военном и политическом отношении комиссары были подготовлены весьма поверхностно, к тому же многих из них рекомендовали социал-демократы.

В силу всех этих причин в значительной части соединений реакционные офицеры беспрепятственно вели контрреволюционную пропаганду. Первое время они действовали весьма осторожно, так как видели, что, вопреки насаждаемым в широких народных массах врагами Венгерской Советской Республики антивоенным настроениям, пролетарской диктатуре все-таки удалось создать Красную армию. Когда же Красная армия впервые отступила от Тисы, офицеры осмелели и вовсю развернули контрреволюционную агитацию, направленную на подрыв боевого

духа войск. Кроме того, офицеров ободряло покровительственное отношение к ним главнокомандующего армией Бема, который открыто проявлял свою враждебность к коммунистам и занимал преступную позицию в вопросе о военном и политическом контроле политкомиссаров над офицерами.

Революционная практическая деятельность Венгерской Советской Республики воодушевляла солдат на защиту диктатуры пролетариата. Однако в Красной армии (за исключением немногих частей) отсутствовала планомерная агитационная и пропагандистская работа, которая бы глубже знакомила солдат с целями и задачами революции, воспитывала бы в них сознательность, активную любовь к пролетарской Родине. Но, как я уже отмечал, большая часть политкомиссаров в силу тех или иных причин была непригодна к выполнению своих обязанностей. Широкому развертыванию революционной агитации и пропаганды мешало и то обстоятельство, что листовки и другие печатные материалы рассылались из центра на места без всякого учета особенностей различных частей.

Накануне июльского наступления 1919 года реакционные офицеры распространили ложный слух, будто в состав румынской королевской армии входят венгерские части, а следовательно, советское правительство посылает Красную армию на «братоубийственную войну». Эта реакционная клевета, однако, не произвела должного впечатления на солдатские массы. Красноармейцы хорошо понимали, что если даже и на самом деле существуют какие-то венгерские отряды, поддерживающие румынскую армию, то солдат этих отрядов никак нельзя называть «братьями», так как они сражаются на стороне тех, кто добивается восстановления старого режима.

Однако офицеры, входившие в контрреволюционные организации и кружки, упорно придерживались этой версии. Так, например, офицеры 101-го артиллерийского полка 6-й дивизии на своем тайном собрании даже обсудили вопрос: сражаться или нет против своих братьев, находившихся в румынской армии. Решение, конечно, могло быть только одно — сражаться они не будут. Преданные диктатуре пролетариата солдаты сообщили об этом собрании политкомиссару 6-й дивизии[1]. По его приказу офи-

[1] Политкомиссаром 6-й дивизии в это время был Ференц Мюнних. — *Прим. ред.*

церов арестовали и препроводили под охраной в штаб армии.

Вскоре Бему донесли, что политкомиссар 6-й дивизии превысил данную ему власть, и главнокомандующий приказал доставить арестованных офицеров в его ставку в Гёдёлле. Каково же было наше удивление, когда через несколько дней главнокомандующий направил этих офицеров обратно в дивизию, снабдив их приказом о восстановлении в прежних должностях. В приказе так буквально и говорилось: «Они признали свои ошибки и обещали честно выполнять свои обязанности». Солдаты не скрывали своего возмущения и заявили вернувшимся офицерам, что впредь будут внимательно следить за каждым их шагом, а в случае малейшего подозрения не пощадят их.

После падения диктатуры пролетариата реакционные офицеры, прежде пресмыкавшиеся перед солдатами, сбросили с себя маску и приняли непосредственное участие в кровавых злодеяниях карательных отрядов Пронаи, Остенбурга и других бандитов.

Лидеры правых социал-демократов вели свою враждебную, подрывную деятельность также и в руководящих государственных органах, и на международной арене, в области внешней политики, где они имели тесный контакт с секретными службами стран Антанты.

О героизме бойцов венгерской Красной армии

В боях за Венгерскую Советскую Республику венгерский пролетариат, и в первую очередь рабочая молодежь, во главе с коммунистами показали блестящие образцы мужества и героизма. В тяжелой боевой обстановке, в которой могли бы дрогнуть и хорошо обученные воинские части, рабочие отряды проявляли храбрость и самопожертвование. Так, например, в ходе операций по освобождению Мишкольца один рабочий батальон, попав в окружение в Ашошольце, истекая кровью, упорно сражался до тех пор, пока не пришло подкрепление. Другой рабочий батальон в боях за село Вилмань неожиданно попал в огневую ловушку противника: внезапно с тыла по боевому порядку батальона открыл огонь пулемет, установленный на церковной колокольне. Батальон понес большие потери,

но сумел уничтожить противника и обеспечил дивизии успешное продвижение.

История боев Красной армии знает немало примеров массового героизма. Памятен подвиг небольшой группы разведчиков. За несколько дней до освобождения Кашши молодые добровольцы проникли во вражеский тыл и предприняли неожиданный дерзкий налет на французский штаб, так что генерал, командующий чешскими войсками, вынужден был спасаться бегством. Эта операция помогла частям Красной армии быстрее освободить чрезвычайно важный опорный пункт противника — город Кашшу. Вечной славой покрыли себя безымянные молодые солдаты, которые в начале июльского наступления переплыли Тису и разведали позиции румынской артиллерии. По заданным координатам артиллерия Красной армии быстро уничтожила огневые позиции противника.

Заслуживают особого упоминания боевые действия красных бронепоездов. Эти поезда в то время состояли из простых товарных вагонов, обшитых броневыми листами, которые в лучшем случае защищали лишь от огня стрелкового оружия. В команды бронепоездов зачисляли преимущественно промышленных рабочих. Они быстро осваивали технику вождения и с героической самоотверженностью выполняли поставленные перед ними задачи.

Впервые очень важную роль бронепоезда сыграли в освобождении Шальготорьяна. Здесь сражались бронепоезда № 2 и 6. Опытный в военном отношении противник разбирал железнодорожное полотно, минировал мосты и принимал другие контрмеры, но ему так и не удалось сорвать действия бронепоездов № 2 и 6.

Сознательные рабочие и деревенские пролетарии Венгрии героически сражались против врагов диктатуры пролетариата. Большую услугу Советской власти оказал политкомиссар народного комиссариата внутренних дел в Эстергоме Шандор Сентей. 21 мая местных руководителей Советской власти в Эстергоме арестовали контрреволюционеры. Мост через Дунай был еще не взорван, так что чешским войскам оставалось только перейти через него и захватить город. По призыву Шандора Сентея группа солдат и рабочих залегла у моста и открыла огонь по противнику. Застигнутые врасплох, чешские солдаты отступили, так и не сумев переправиться на правый берег Дуная. Отряд Сентея, таким образом, создал Красной армии

одну из важных предпосылок для того, чтобы вскоре начать крупное наступление.

Яркий пример героизма показали в мае 1919 г. рабочие Мишкольца и Диошдьера. Когда чешские войска перешли демаркационную линию и неожиданно напали на малочисленный местный гарнизон, рабочие, не дожидаясь приказа, немедленно поспешили к нему на помощь. Они защищали Мишкольц и Диошдьерский завод, имевший большое значение для Венгерской Советской Республики, и только значительное превосходство противника в силе заставило рабочих временно отступить. В боях за освобождение Мишкольца и Диошдьера мужество рабочих и отличное знание ими местности в значительной мере помогли частям Красной армии в короткий срок (всего за два дня) и с относительно небольшими потерями изгнать противника из Мишкольца и его окрестностей.

Приведенные выше примеры героизма — лишь немногие из тех подвигов, что совершили защитники Венгерской Советской Республики. Массовый героизм — вот что сделало венгерскую Красную армию способной несколько месяцев вести неравную борьбу с врагом. Преодолевая неимоверные трудности, предательство правых социал-демократов и подрывную деятельность контрреволюционного офицерства, окруженная со всех сторон врагами, Венгерская Советская Республика неоднократно одерживала победы над превосходящим ее по вооружению и численности противником. Личный пример коммунистов, самоотверженность пролетарских масс города и деревни, героизм сотен тысяч красноармейцев и их руководителей вдохновляли венгерскую Красную армию на эту трудную борьбу. Славные боевые дела рабочих и солдат Венгерской Советской Республики вписали еще одну героическую страницу в летопись освободительного движения венгерского народа.

Совместная подрывная деятельность внутренней контрреволюции — правых социал-демократов, заговорщиков-офицеров, кулаков, клерикальной реакции, а также крупных помещиков и капиталистов — лишь ослабила, но не сломила героический пролетариат Венгрии. Поражение венгерской Красной армии можно объяснить только превосходством сил международного империализма, задушивших Венгерскую Советскую Республику.

Венгерская Народная армия — продолжательница традиций освободительной борьбы нашего народа

Военные подвиги Красной армии Венгерской Советской Республики заслуженно вызывали и вызывают восхищение и уважение международного рабочего класса, всего прогрессивного человечества. Созданная буквально за несколько недель, эта армия была замечательным творением венгерского пролетариата, всех трудящихся масс страны. Память о ней и ее недолгом, но поистине героическом пути дорога для солдат и офицеров венгерской Народной армии.

Борьба Красной армии явилась новым этапом и продолжением той битвы за свободу и независимость Венгрии, которую венгерский народ вел в течение тысячи с лишним лет.

Венгерский народ при прямой помощи победоносной Советской Армии сбросил в 1945 году ярмо капиталистической эксплуатации и приступил к строительству армии нового типа — подлинно народной армии. Горько сознавать, что вследствие порочной политики старого партийного и государственного руководства венгерская Народная армия оказалась практически бессильной во время контрреволюционного мятежа, разразившегося в Венгрии осенью 1956 года. Мы учли ошибки прошлого и сегодня создали такие вооруженные силы, солдаты и офицеры которых являются преданными сыновьями народа. Они бдительно стоят на страже социалистического Отечества, на страже мира и в любую минуту готовы отразить нападение империалистов, откуда бы оно ни исходило.

Солдаты венгерской Народной армии воспитываются на славных традициях прошлого. Они хорошо помнят о жертвах, принесенных народом во имя защиты родины в различные периоды ее истории и свято чтят подвиги Надь Антала Будаи, Дьердя Дожи, Бочкаи, Бетлена, Ференца Ракоци II, гонведов Кошута, красноармейцев 1919 года, героические деяния венгерских коммунистов. Уроки прошлого учат воинов венгерской Народной армии, что лишь тот народ заслуживает свободы, который способен защищать ее от врагов.

Народ и армия в нашей стране составляют единое це-

лое. Венгерская социалистическая рабочая партия, Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство, все трудящиеся считают нашу народную армию своим кровным детищем и проявляют постоянную заботу о ней. Клич пламенного революционного поэта Шандора Петёфи «За народ — в огонь и в воду!» служит лозунгом солдат и офицеров венгерской Народной армии.

Март 1959 г.

ВЕЧНАЯ И НЕРУШИМАЯ

Венгерский рабочий класс, все трудящиеся нашей страны, строящей социализм, торжественно отметили 40-ю годовщину Венгерской Советской Республики.

Если оглянуться на пройденный путь, перелистать пожелтевшие страницы старых газет, просмотреть документы, послушать ветеранов революции, перед глазами возникнет замечательная картина советско-венгерской дружбы.

Тесная и искренняя дружба между нашими народами родилась в дни Великого Октября.

Империалистическая война, независимо от воли ее организаторов, привела к широкому общению народных масс. Миллионы солдат, попав в плен, получили возможность лично наблюдать события в другой стране.

Более 600 тыс. венгерских военнопленных, оказавшихся на территории России, после Великой Октябрьской социалистической революции стали равноправными гражданами нового общества, освободившего трудовой народ от эксплуатации. Эта рабоче-крестьянская масса с жадностью впитывала в себя идеи социалистической революции. Многие из венгерских военнопленных присоединились к борьбе русского пролетариата.

В Великой Октябрьской социалистической революции и в сражениях гражданской войны приняло участие около 100 тыс. венгерских интернационалистов. В их среде возникли первые группы венгерских коммунистов. Вернувшись на родину и объединившись с левыми силами Венгрии, бывшие военнопленные создали революционную организацию венгерского рабочего класса — партию коммунистов, которая стала знаменосцем пролетарской диктатуры 1919 года, знаменосцем советско-венгерской дружбы. В свою очередь в период Венгерской Советской Респуб-

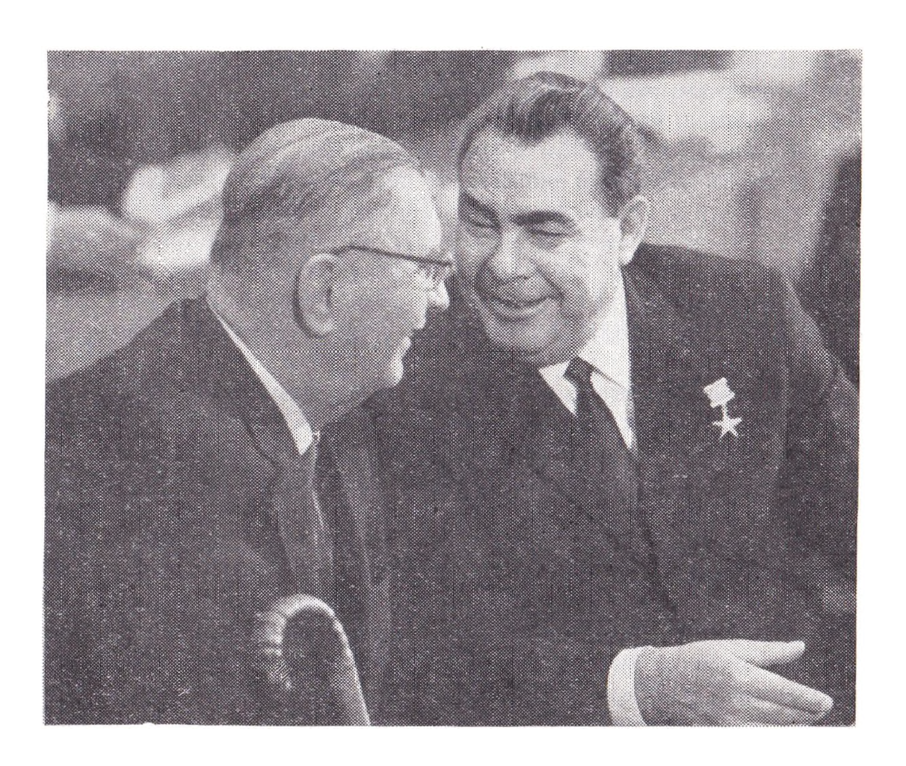
лики в рядах венгерской Красной армии была сформирована интернациональная бригада из русских военнопленных, которые также храбро защищали советскую власть в Венгрии.

После подавления советской республики в Венгрии настали мрачные годы реакции. Период фашистского мракобесия длился 25 лет. В эти годы любое проявление дружеских чувств к Советскому государству выжигалось огнем и железом. Но задушить эти чувства было невозможно, они продолжали жить в сердцах миллионов простых людей.

Дружба с советским народом возродилась с новой силой, когда, ведя тяжелые кровопролитные бои, к нам пробились с востока воины-освободители с красной пятиконечной звездой на пилотках. Вступив на территорию Венгрии, которая из-за предательской политики Хорти оставалась последним сателлитом Гитлера, советская победоносная армия руководствовалась чувством искреннего уважения к венгерскому народу. Советские солдаты видели в венгерских трудящихся своих друзей, а не врагов. Освободив нашу страну от гитлеровских захватчиков, они помогли нам создать государство нового типа, которое постепенно превратилось в государство народной демократии.

Венгерские рабочие, крестьяне и интеллигенция никогда не забудут той материальной и моральной поддержки, которую они получили от Советского Союза еще до заключения мирного договора. Советские люди присылали нам продукты питания, трактора, автомашины и семена для посевов. Эта дружеская помощь еще больше возросла после того, как венгерский рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством полностью взял власть в свои руки и приступил к строительству социализма.

Благодаря всесторонней и бескорыстной помощи советского народа мы успешно выполнили свой первый трехлетний план, а затем и пятилетний план развития народного хозяйства. В результате наша страна из аграрной превратилась в индустриально-аграрную. Венгрия стала равноправным членом великого содружества социалистических стран. Самоотверженно трудясь в союзе братских государств, венгерский народ успешно строит социализм. Большую помощь в этом нам оказывал и продолжает оказывать великий друг — Советский Союз, с которым



Ф. Мюнних и Л. И. Брежнев в президиуме IX съезда Венгерской социалистической рабочей партии (ноябрь 1966 г.)

Венгрия установила многосторонние экономические и культурные связи.

Принимая во внимание реальную угрозу со стороны империалистических агрессоров, Венгрия вступила в Варшавский оборонительный союз. Европейские страны социалистического лагеря готовы объединенными усилиями дать отпор любому врагу. И это вселяет в сердце венгерского народа еще большую уверенность в победе нашего правого дела, придает ему новые силы в борьбе за социализм.

Осенью 1956 года империалистическим провокаторам и внутренней контрреволюции удалось развязать в Венгрии контрреволюционный мятеж. Социалистические завоевания венгерского народа оказались под угрозой. И в этот тяжелый для нас час решающую роль сыграла

советско-венгерская дружба. Советские войска, временно находившиеся на территории Венгрии в соответствии с Варшавским договором, по просьбе Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства оказали поддержку венгерскому народу. Верный друг не оставил нас в беде в трудную минуту. Он протянул нам руку помощи. И наш народ говорит ему за это сердечное, братское спасибо.

В настоящее время трудящиеся Венгрии уверенно идут по избранному ими пути — по пути социализма. Наглядный пример Советского Союза, его величественные достижения и грандиозные перспективы вселяют в нас еще большую решимость и неуклонное стремление добиваться новых успехов.

Свободно и вдохновенно трудится венгерский народ. Он помнит и всегда будет помнить о тех, кто принес ему долгожданную свободу, — о славных воинах Страны Советов, храбрых и мужественных, стойких и неутомимых, суровых к врагам и сердечных к друзьям. Для венгерского народа слово «свобода» навечно связано с именем советского воина. Вот почему так велика любовь к советскому народу и убеленного сединой ветерана революционной борьбы, и юноши, для которого в социалистической стране открыты все пути. Вот почему так теплы и сердечны встречи венгерских трудящихся с советскими воинами, несущими службу на территории Венгрии. Вот почему советский человек — всегда желанный гость трудового венгерского народа.

Нерушимая дружба нашего народа с Советским Союзом имеет глубокие исторические корни. Эта дружба — залог нашей уверенности в своем будущем. Постоянная забота и поддержка великого советского народа удесятеряет наши силы. У нас одна судьба, общие задачи, единая цель.

Март 1959 г.

ВЕНГЕРСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС И ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ

В нашей стране два великих события в апреле. 22 апреля венгерский народ вместе со всем передовым человечеством празднует день рождения Владимира Ильича

Ленина, а 4 апреля трудящиеся Венгрии отмечают 15-летие освобождения своей страны.

Эти два исторических события неразделимы для венгров. Свободу венгерскому народу принесли советские воины — плоть от плоти народа, воспитанного на идеях Ленина; в строительстве социализма мы также руководствуемся идеями Ленина.

Осуществляя свою освободительную миссию, Советская Армия изгнала из нашей страны немецких оккупантов и венгерских реакционеров — нилашистов. Перед демократическими силами Венгрии был открыт путь к новой, свободной жизни.

Вступив на территорию Венгрии, советские воины вели себя как настоящие друзья венгерского народа. Для спасения голодающего городского населения были выделены продукты. Советская Армия помогла венграм восстановить шоссейные и железные дороги, а также коммунальные сооружения. Крестьяне получили лошадей и трактора.

Все это вызвало искреннее чувство благодарности и уважения даже у тех, кто во времена господства Хорти верил антисоветской клевете.

Под руководством коммунистической партии венгерский народ восстановил разрушенную войной экономику и, творчески применяя к нашим специфическим условиям ленинские принципы и опыт социалистического строительства в Советском Союзе, начал возводить здание социализма в своей стране.

В канун национального праздника — 15-летия освобождения Венгрии наш народ может с гордостью говорить уже о своих успехах.

За последнее десятилетие (1949—1959 гг.) общее производство государственных промышленных предприятий утроилось. Продукция тяжелой промышленности увеличилась более чем в три раза; легкой и пищевой — почти в три раза. Количество рабочих возросло вдвое, а производство на душу населения почти удвоилось.

К концу января 1960 года на долю сельскохозяйственных кооперативов приходилось уже 54,5 процента всех пахотных земель, а если считать и госхозы, то всего социалистический сектор в деревне охватил более чем 70 процентов обрабатываемой площади. Таким образом, полный переход к крупным социалистическим формам хозяйствования в деревне — вопрос недалекого будущего.

Большие изменения произошли и в культурной жизни страны. Если в 1937—1938 гг. в начальных школах занималось немногим более миллиона детей, то в 1950—1960 гг. их стало 1314 тыс. человек; в средних школах вместо 52 тыс. обучается 204 тыс. учеников; в высших учебных заведениях вместо 12 тыс. стало 34 тыс. студентов.

За период после освобождения Венгрии национальный доход страны удвоился.

Народно-демократический строй в Венгрии сейчас прочен как никогда. В канун большого национального праздника — дня освобождения, подводя итоги, наша коммунистическая партия, весь наш народ еще и еще раз отмечают, что вся многолетняя борьба венгерского пролетариата была озарена светом ленинского учения.

До победы Октябрьского вооруженного восстания в России революционные силы венгерского рабочего движения сковывались оппортунистическим руководством. Рабочие массы Венгрии мало что знали о героической борьбе, которую вела против царизма партия большевиков под руководством Ленина. Такое историческое событие в России, как буржуазно-демократическая революция 1905 года, венгерский пролетариат осознал уже после того, как она была жестоко подавлена. Еще меньше знали рабочие Венгрии о борьбе Ленина и большевистской партии против господствующего в партиях II Интернационала оппортунизма.

Венгерский пролетариат, рабочие и крестьяне, по-настоящему познакомились с учением Ленина лишь в годы первой мировой войны, когда многие венгры, находясь в русском плену, включились в революционную борьбу рабочего класса России.

Венгерские военнопленные боролись за победу Великой Октябрьской социалистической революции и с оружием в руках защищали молодую Советскую республику в годы гражданской войны. Большая пропагандистская и агитационная работа, которую вели под руководством Бела Куна и его соратников революционные организации военнопленных, помогла венгерскому пролетариату осознать международное значение Октябрьской революции и тот исторический факт, что победа революции в России приблизит революцию в Венгрии.

18 марта 1919 года на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин сказал:

«Сотни тысяч военнопленных из армий, которые империалисты строили исключительно в своих целях, передвинувшись в Венгрию, в Германию, в Австрию, создали то, что бациллы большевизма захватили эти страны целиком. И если там господствуют группы или партии с нами солидарные, то это благодаря той, по внешности не видной и в организационном отчете суммарной и краткой, работе иностранных групп в России, которая составляла одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии, как одной из ячеек Всемирной коммунистической партии» [1].

Венгерские интернационалисты, принимавшие участие в Октябрьской революции, в борьбе Советской России против интервенции и внутренних контрреволюционных сил, — простые бойцы, командиры, политические работники во главе с Бела Куном и его товарищами, — вернувшись на родину в конце 1918 года, стали ядром, вокруг которого концентрировались силы будущей пролетарской революции в Венгрии. Рассказывая о делах молодой Советской республики в России, бывшие военнопленные вовлекали в революционную борьбу все больше народных масс Венгрии. В этот период левые силы социал-демократической партии присоединились к революционному движению венгерского пролетариата. И коммунисты, и левые социал-демократы поддерживали требования масс о том, что с буржуазией надо говорить на языке пролетарской революции.

Руководствуясь учением Ленина, Бела Кун и его товарищи начали работу по разоблачению оппортунизма лидеров правых социал-демократов.

В ноябре 1918 года была создана Коммунистическая партия Венгрии — первая действительно революционная партия в венгерском рабочем движении.

Это был исторический поворот в судьбах венгерского пролетариата. На митингах, рабочих собраниях, в печати коммунисты пропагандировали революционное учение марксизма-ленинизма, которое, как мощный прожектор,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 141.

рассеивало оппортунистический туман соглашательства, предательства и обмана масс. Коммунисты указывали путь революционной борьбы, решительной классовой борьбы за власть, за диктатуру пролетариата, за уничтожение капиталистической собственности, за ликвидацию позорного полуфеодального помещичьего режима.

Рабочий класс Венгрии под руководством коммунистической партии, преодолев сопротивление правых социал-демократов и буржуазии, взял власть в свои руки и провозгласил первую Венгерскую Советскую Республику. Идеи Ленина восторжествовали и в Венгрии, венгерский рабочий класс стал правящим классом.

Создание Венгерской Советской Республики сопровождалось множеством ошибок, на которые в свое время указывал Коммунистический Интернационал. Тем не менее тот факт, что венгерская буржуазия почти без боев вынуждена была отдать власть, а также утверждение в Венгрии советского строя стали конкретными доказательствами таких принципиальных положений учения Ленина, как: во-первых, диктатура пролетариата не всегда исключительно насилие; во-вторых, власть рабочего класса, советская власть — явление не чисто русское, а международное.

Ленин горячо приветствовал Венгерскую Советскую Республику, ее рабочих и крестьян.

Многие произведения Ленина оказали огромную помощь в организации власти трудящихся в Венгрии. Важнейшие из них — «Очередные задачи советской власти», «Государство и революция», «О «демократии» и диктатуре» — были изданы на венгерском языке уже в 1919 году.

Четыре месяца Советская Венгрия стойко сопротивлялась внутренней реакции и армиям интервентов. В этой неравной борьбе с врагами ей придавали силу учение Ленина, солидарность народов Советской России, героический пример ее Красной Армии.

Превосходящие силы империалистов задушили Венгерскую Советскую Республику. Но свет ленинских идей и четырехмесячный опыт советской республики в Венгрии навсегда остались в сердце рабочего класса и беднейшего крестьянства. И даже 25-летний кровавый режим Хорти не смог погасить в Венгрии огонь революционной борьбы,



Ференц Мюнних беседует с делегатом IX съезда ВСРП от Дебреценской партийной организации товарищем Яношем Хайду в перерыве между заседаниями

веру в победу пролетарской диктатуры. Имя Ленина кровью писали на стенах брошенные в тюрьмы борцы за свободу, последние слова идущих на смерть коммунистов были обращены к Ленину. Находясь в подполье, венгерские коммунисты, рискуя жизнью, несли в массы учение Ленина, объясняли причины поражения первой советской республики в Венгрии, рассказывали об успехах социалистического строительства в Советском Союзе, разоблачали антисоветскую пропаганду. В обстановке фашистского террора не было условий для создания массовой партии, но, действуя в рядах легальных организаций, венгерские коммунисты поддерживали веру трудящихся в то, что правда социализма, правда Ленина победит.

Эта боевая пропагандистская деятельность коммунистов дала свои положительные результаты в годы второй мировой войны, когда венгерские солдаты, посланные кликой Хорти воевать против Советского Союза, в большом количестве переходили на сторону Советской Армии.

После освобождения Венгрии Советской Армией коммунистическая партия вместе со всем народом приступила к восстановлению экономики страны. Нужна была также большая организационная и политическая работа в массах, чтобы подготовить создание народной демократии как формы диктатуры пролетариата. В тот период компартия разделяла власть с социал-демократической партией, партией мелких хозяев и некоторыми другими более или менее крупными буржуазными партиями.

В таких сложных условиях коммунистам все же удалось провести немало мероприятий, которые способствовали развитию страны в социалистическом направлении. Важнейшими из них были: раздел земель крупных помещиков, уничтожение остатков феодализма, национализация шахт, транспорта, крупных предприятий и банков. Эти шаги настолько расширили сферу влияния коммунистической партии, что даже в парламенте, где большинство депутатов представляло социал-демократическую и буржуазную партии, были проведены мероприятия, фактически подготовившие переход к народной власти.

В тот период коммунисты особенно большое значение придавали разоблачению клеветы о Советском Союзе и пропаганде учения Ленина о диктатуре пролетариата. В этой агитационной работе большую помощь венгерским коммунистам оказали солдаты и офицеры Советской Армии. Венгерский народ теперь мог воочию убедиться в гуманности советских людей, воспитанных на идеях Ленина, мог почувствовать, с каким уважением советские солдаты относятся к свободе, традициям и культуре других народов.

Героическая организационная и политическая работа Коммунистической партии Венгрии завоевала сердца масс. Это сделало возможным в 1948 году объединить рабочий класс и создать единую партию. Мы пришли к новой форме диктатуры пролетариата — к народной демократии.

Теоретические труды В. И. Ленина и богатый практический опыт Коммунистической партии Советского Союза стали основным руководством для Коммунистической партии Венгрии в строительстве социализма. Позднее, в годы культа личности, широкое распространение получили сектантские и догматические взгляды и методы работы, а

также ревизионистские и открыто реакционные настроения. Стали игнорироваться указания Ленина о защите единства партийных рядов и внутрипартийной демократии, о значении критики и самокритики, о необходимости бдительности, о том, что надо вести непримиримую, бескомпромиссную борьбу с врагами революции. Отщепенцы от партии, сгруппировавшиеся вокруг Имре Надя, а также фашистские элементы с помощью империалистических шпионских и диверсионных организаций в октябре 1956 года нанесли нашей народно-демократической республике предательский удар в спину. Враги стремились полностью разгромить силы партии и свергнуть народную власть.

В Венгрии создалось опасное положение. Венгерская социалистическая рабочая партия собрала верные пролетарской диктатуре силы, сформировала под своим руководством Революционное Рабоче-Крестьянское правительство и с помощью нашего надежного друга — Советского Союза ликвидировала заговор буржуазных реакционеров и фашистов.

В настоящее время наша партия восстановила свое единство, укрепила государственную и партийную дисциплину. Следуя ленинским принципам внутрипартийной демократии, партия расширила связи с массами, восстановила авторитет руководства партии и правительства. Успеху этой работы способствовала бескорыстная материальная помощь и моральная поддержка Советского Союза и других братских социалистических стран.

Учение Ленина помогло венгерскому рабочему классу победить в пролетарской революции 1919 года, сохранить пламя революционного движения в период 25-летнего господства фашистского режима Хорти, помогло создать народную власть и добиться больших успехов в строительстве социализма. Все это говорит о непобедимости и великой животворной силе ленинского учения.

Празднуя 4 апреля 15-ю годовщину со дня освобождения нашей родины, мы со словами благодарности обращаемся к нашему освободителю — Советскому Союзу.

Апрель 1960 г.

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Великая Октябрьская социалистическая революция, победившая в России, озарила своим ярким светом весь мир. Сейчас, когда все прогрессивное человечество готовится отметить 50-летие Великого Октября, знамя Ленина высоко несут коммунистические партии многих стран, а Советский Союз стал одним из самых могучих в экономическом и политическом отношении государств мира.

Нам, венграм, октябрьские события 1917 года в России особенно близки, так как сотни тысяч венгерских граждан, находясь в то время в русском плену, были живыми свидетелями Великой Октябрьской социалистической революции. Великий пример русского пролетариата оказал огромное влияние на венгерских военнопленных. Бывшие солдаты, испытавшие на себе все ужасы развязанной империалистами первой мировой войны, находясь в тяжелых условиях плена, они задумались и над своей судьбой. Трудно было представить, чтобы после всего пережитого эта морально подавленная, апатичная масса могла снова взяться за оружие. И тем не менее под идейным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, воодушевленные героизмом русского пролетариата, десятки тысяч бывших венгерских военнопленных приняли участие в борьбе за власть Советов.

Такую широкую поддержку Великой Октябрьской революции со стороны венгров, оказавшихся в России, объяснить нетрудно. Подавляющее большинство венгерских военнопленных были крестьяне, которые увидели в русской революции возможность разрешения земельного вопроса. Военнопленные из рабочих руководствовались своим классовым сознанием, чувством пролетарской солидарности. Они понимали, что победа русской революции открывает путь для революции в Венгрии.

В огне боев гражданской войны в России венгерские военнопленные получили революционную закалку. Многие из них стали впоследствии выдающимися руководителями венгерского пролетариата. По возвращении на родину бывшие красногвардейцы объединились с левыми силами страны, что позволило в конце 1918 года создать в Венгрии поистине революционную рабочую партию. Это была партия нового типа. Наглядный пример Советской России помог Коммунистической партии Венгрии убедить народ-

ные массы, что, несмотря на промышленную отсталость страны и наличие в ней пережитков феодализма, в Венгрии не только нужно, но и можно свергнуть систему капиталистической эксплуатации революционным путем. Эта партия оказалась способной правильно оценить ситуацию в Венгрии, поднять боевой дух рабочих, крестьян и революционно настроенной интеллигенции и, объединив их вокруг себя, повести на вооруженную борьбу за установление диктатуры пролетариата.

Таким образом, массовое участие венгерских интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и в гражданской войне явилось как бы увертюрой к установлению диктатуры пролетариата в Венгрии. Защищая завоевания Октябрьской революции, венгерские интернационалисты заложили гранитный фундамент той великой дружбы, что сложилась между народами Советского Союза и Венгрии в борьбе за общее дело.

Великие исторические события тех лет все дальше уходят в прошлое. Воспоминания о них в связи с 50-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции еще больше сближают наши народы.

Венгерские военнопленные с воодушевлением встретили победу Октябрьской революции. Декрет Советского правительства об освобождении военнопленных вселил в них надежду на скорое возвращение на родину. На многочисленных митингах, проходивших в лагерях, раздавались страстные призывы к международному пролетариату поддержать борьбу трудящихся Советской России за мир и дружбу народов.

Наиболее сознательная часть венгерских военнопленных перешла на сторону русского пролетариата еще в период Февральской революции в России. Однако массовое участие венгерских интернационалистов в борьбе за Советскую власть в России началось в годы гражданской войны. Большая заслуга в этом принадлежит венгерским секциям Российской социал-демократической рабочей партии, действовавшим в лагерях для военнопленных.

Во всех лагерях, разбросанных на огромной территории от польской границы до Владивостока и от Мурманска до Ташкента, развернулась кипучая революционная агитационно-пропагандистская и организаторская работа. Сначала из военнопленных создавались красногвардейские отряды. Когда же перед Советской Россией встала насущ-

ная необходимость иметь регулярную армию для борьбы с белогвардейцами и интервентами всех мастей, из распыленных красногвардейских отрядов венгерских интернационалистов стали формироваться крупные воинские части.

Венгерские интернационалисты не раз участвовали в подавлении различных контрреволюционных мятежей в России. Впервые в составе крупных советских воинских формирований они выступили в мае 1918 года, когда подстрекаемые реакционными офицерами части чехословацкого корпуса начали захватывать населенные пункты на железнодорожной магистрали, связывающей европейскую часть России с Дальним Востоком. В этот период венгерские интернационалисты бок о бок с местными силами Советов обороняли важнейшие железнодорожные узлы. Они сражались в Пензе, Оренбурге, Омске, Тайге, Красноярске, Иркутске, Симбирске, Казани и других городах, в Забайкалье и на Урале.

Тяжелую борьбу вели тысячи русских и венгерских красногвардейцев в Омске и его окрестностях. Здесь венгерскими интернационалистами руководил Карой Лигети. Однажды, тяжело раненного, его схватили белогвардейцы и казнили. Трудящиеся Омска свято чтят память Кароя Лигети и других венгров, погибших в боях за Советскую власть.

Крупным центром революционных выступлений венгерских интернационалистов был город Томск. Венгерские военнопленные томских лагерей одними из первых с оружием в руках встали на защиту Октябрьской революции. Во главе томской организации военнопленных стояли Бела Кун, Эрне Шэйдлер, Йожеф Рабинович, которые позднее сыграли важную роль в подготовке и проведении пролетарской революции в Венгрии. К числу руководителей этой организации относился и автор этих строк. В мою задачу входило формирование красногвардейских отрядов из бывших военнопленных и их обучение. Это явилось для меня своеобразной подготовкой, которая так пригодилась несколько позже в Венгрии.

Под руководством Бела Куна вся работа в нашей организации велась в марксистском направлении. Мы издавали газету на трех языках, которую распространяли не только в Томске, но и пересылали в другие лагеря для военнопленных.

Организаторская работа в томских лагерях для военнопленных шла настолько успешно, что уже в феврале 1918 года мы смогли сформировать и направить в Иркутск целый батальон для борьбы с бандами атамана Семенова. Вместе с сибирскими шахтерами и вооруженными отрядами томской партийной организации мы успешно обеспечивали деятельность Советов в Томске, подавляя выступления сосредоточившихся здесь после демобилизации бывших царских офицеров и местных анархистов.

В мае 1918 года силам контрреволюции удалось захватить Транссибирскую железную дорогу. В результате Томск был отрезан от внешнего мира. В городе сложилось критическое положение. Встал вопрос об эвакуации сосредоточенных здесь материальных ценностей, запасов военного снаряжения, а также вооруженных отрядов. Некоторые намеревались уйти в тайгу и там дожидаться прихода Красной Армии из европейской части России. Я предложил на имевшихся в нашем распоряжении речных судах двинуться навстречу отрядам Красной Армии, с тем чтобы соединиться с ними где-нибудь на Урале. Это предложение было принято.

Интернационалисты установили на буксире «Ермак» два полевых орудия. Пассажирский пароход «Федеративная республика» был вооружен станковыми пулеметами. На эти же суда мы погрузили все вывозимые материальные ценности.

В путь двинулись 1 июня. В это время на сибирских реках начался весенний ледоход. Обстановка для плавания была далеко не из благоприятных, но мы продолжали свой путь.

Чтобы запастись топливом, остановились в Нарыме. На местной почте лежала телеграмма командира контрреволюционных отрядов, вступивших в Томск. В ней требовалось немедленно задержать большевистскую «эскадру». Мы только посмеялись над содержанием этой телеграммы: у нас имелось два полевых орудия, около 40 станковых пулеметов и 400 бойцов-интернационалистов, так что нам не страшны были никакие угрозы.

Забрав материальные ценности в нарымском банке (позже они были переданы Уральскому Совету), мы двинулись дальше. В Тобольске уже хозяйничали белогвардейцы, однако они довольно почтительно отнеслись к

нашим орудиям и пулеметам и даже не помешали нам провести митинг в местном лагере для военнопленных. Здесь к нам присоединилось еще 50 венгерских товарищей.

В Тюмени мы помогли местному Совету подготовить оборонительные позиции для отражения возможного наступления контрреволюционных сил.

Дальше наш путь лежал на Екатеринбург (нынешний Свердловск). Представители Советской власти на Урале попросили меня и Кароя Рейнера по пути следования создавать новые красногвардейские отряды из венгерских военнопленных. Прибыв в Пермь, мы сразу же начали формировать такой отряд. Вскоре в нем уже насчитывалось несколько сот бойцов. Затем отряд был преобразован в батальон, который под моим командованием участвовал в боях против белочехов и белогвардейцев.

Здесь я вновь встретился с Бела Куном. Он прибыл к нам из Москвы с подкреплением, состоявшим из венгерских интернационалистов. Бела Кун находился в нашем батальоне около двух недель. Во время боев он всегда был в первых рядах. Вернувшись в Москву, Бела Кун принял участие в разгроме эсеровского мятежа. Под его руководством венгерские интернационалисты освободили от эсеров здание почтамта.

Бывшие венгерские военнопленные сражались не только в Сибири и на Урале. Под руководством Лайоша Гавро они участвовали во многих боях против контрреволюционных банд в Астрахани. Под командованием Дьюлы Варги венгры участвовали в освобождении Средней Волги. Они воевали против Колчака, Деникина, Юденича, Григорьева, Махно, Петлюры, Врангеля. Словом, венгерские интернационалисты плечом к плечу с советскими товарищами почти повсюду с оружием в руках отстаивали завоевания Октября. За свою самоотверженность и героизм они снискали себе любовь и признательность советского народа. Среди тех, кто особенно отличился в боях, следует назвать Рудольфа Гарашина, Мате Залку и многих других.

Дружба советского и венгерского народов скреплена кровью наших лучших сынов. В 1919 году, в период существования Венгерской Советской Республики, бывшие русские военнопленные также мужественно сражались в рядах венгерской Красной армии

В 1945 году Советский Союз освободил нашу родину от немецко-фашистских захватчиков и кровавого режима Хорти. На земле Венгрии повсюду можно найти могилы советских воинов, павших в боях за нашу родину. Венгерскому народу дороги эти могилы. Они всегда украшены цветами. Советский народ и в 1956 году помог нам отстоять Венгерскую Народную Республику от опасной атаки внутренней контрреволюции, поддержанной оголтелыми империалистическими кругами Запада, и создать все условия для строительства социализма. Эта великодушная помощь Советского Союза еще больше укрепила искреннюю дружбу, которая связывает наши народы.

Октябрь 1966 г.

ВСТУПАЯ В ГОД ПЯТИДЕСЯТЫЙ

Время — суровый, но объективный судья. Многие явления общественной жизни мои современники считали историческими событиями, а на поверку они оказались лишь эпизодами. Но в отношении октябрьской ночи 1917 года, когда с «Авроры» прогремел выстрел и революционные рабочие и солдаты пошли на штурм Зимнего, не было двух мнений: все понимали, что свершилось нечто грандиозное. Это был рубеж истории. Родилась сила, способная сформировать новую эпоху и преобразовать мир.

Сейчас, когда мы вступаем в год пятидесятилетия Великой Октябрьской социалистической революции, в год «золотого» юбилея, бессмертие и величие идей Октября предстают перед всеми с особой силой.

В эти ноябрьские дни мне исполняется 80 лет. Когда грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, мне шел тридцать первый год. Уже зрелым человеком я вступил на путь революционной борьбы. И не было в моей жизни ни одной секунды, ни одного мгновения, когда бы я пожалел об этом. Вновь и вновь вспоминая октябрьские дни 1917 года, я каждый раз испытываю чувство большой радости: дело великой революции продолжается, вспышка октябрьского выстрела «Авроры» озарила своим немеркнущим светом весь мир. Сознание справедливости дела Ленина, дела коммунистов будет всегда объединять



Й. Фок, Т. Живков, Ф. Мюнних, Л. И. Брежнев, Я. Кадар и Д. Каллаи в президиуме IX съезда Венгерской социалистической рабочей партии на заключительном заседании 3 декабря 1966 г.

трудящихся, объединять и воодушевлять все народы в борьбе за счастливое будущее, за победу великого учения Маркса и Ленина.

В 1916 году, находясь в томском лагере для военнопленных, под руководством одного из верных учеников Ленина Бела Куна я начал изучать труды классиков марксизма. Бела Кун разъяснял нам, что главное в марксизме-ленинизме — это учение о классовой борьбе, о пролетарской революции, о роли партии рабочего класса как авангарда и руководителя революционной борьбы. 1 мая 1917 года после большого митинга Бела Кун, я и многие другие однополчане-венгры вступили в РСДРП. Этот день навсегда остался в моей памяти.

Создавая интернациональные батальоны для защиты завоеваний Октября, венгры старались быть верными соратниками Ленина. Коммунистическая убежденность помогала нам в этом. В 1917—1922 годах тысячи венгерских солдат из рабочих и крестьян принимали участие в боях на стороне Красной Армии. Не было такого фронта, где бы не сражались «красные мадьяры».

Два раза я слышал выступления В. И. Ленина в Москве и один раз встречался с ним. Это случилось так.

Однажды венгры-красногвардейцы стояли во дворе Кремля и громко разговаривали. Владимир Ильич, проходя мимо и услышав иностранную речь, обратился к нам по-немецки. Узнав, что мы — венгры-интернационалисты, он поблагодарил нас за мужество и самоотверженность в борьбе против врагов Советской власти.

— Хотим поехать на родину и там поднять знамя революционной борьбы, — сказал кто-то из нас.

Владимир Ильич ответил, что это решение очень верное, так как от него будет огромная польза для всего пролетарского дела.

Опыт Октября и Венгерской Советской Республики показал, что пролетарский интернационализм является могучей силой рабочего класса. Великий Октябрь принадлежит каждому, кто поверил в него, кто в меру своих сил и возможностей защищал его. Он принадлежит тем, кто самоотверженно строит социализм в своих странах, кто мужественно борется против капиталистического гнета, против колониализма, за свободу и счастье человечества, за мир.

Прошу извинить за перечисление из своего «послужного» списка, но когда я вместе с Бела Куном принимал участие в создании Коммунистической партии Венгрии, защищал Венгерскую Советскую Республику, вместе с немецкими коммунистами боролся за свободу Германии, командовал интернациональной бригадой в Испании, оборонял Сталинград, выкорчевывал контрреволюцию на венгерской земле — везде и всегда идеи Великой Октябрьской социалистической революции, пролетарского интернационализма помогали мне выстоять и преодолеть все трудности, помогали быть верным солдатом великой армии Ленина. Любовь к советскому народу, к партии Ленина всегда согревала меня, вливала новые душевные силы.

Я называю Советский Союз своей второй родиной. Оглядываясь на весь 50-летний путь Страны Советов, нельзя не восхищаться бессмертным подвигом советского народа.

Пламя Октября согревает наши сердца, служит нам путеводной звездой. Но есть люди, которые сегодня забыли заветы Ленина, отошли от принципов пролетарского интернационализма. Они всячески клевещут на Советский Союз, хотя при этом и твердят всуе что-то об Октябре и Ленине. Таким людям мы решительно говорим: антисовет-

ского коммунизма не было, нет и никогда не будет. Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма, Венгерская социалистическая рабочая партия, как и другие братские коммунистические партии, ведет борьбу против авантюризма, национализма, антисоветских выступлений, ревизионизма и всех других подобных течений. Мы твердо уверены, что идея единства мирового коммунистического движения восторжествует.

Ноябрь 1966 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ференц Мюнних
БУРНЫЙ ПУТЬ
Авторизованный перевод с венгерского
Редактор *Афанасьев Г. Г.*
Литературный редактор *Кобозева А. Г.*
Художник *Сотсков Г. А.*
Технический редактор *Мельникова Л. Д.*
Корректор *Панюгина А. В.*

Сдано в набор 15.11.67. Подписано к печати 6.1.68.
Формат 84×108 1/32. Печ. л. 6. (Усл. печ. л. 9,84).
+ 1 вкл. Печ. л. 1/16. (Усл. печ. л. 0,103). Уч.-изд. л. 9,738
Бумага типографская № 1. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 10/74 *Цена 75 коп.* Зак. 1127

Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160
1-я типография
Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

М98 **Мюнних Ф.**

Бурный путь. Воспоминания. Авторизованный перевод с венгерского. М., Воениздат, 1968.

192 с., 50 000 экз., 75 к.

«Бурный путь» — воспоминания видного деятеля международного и венгерского рабочего движения Ференца Мюнниха. В сжатой форме Ференц Мюнних рассказывает о крупных исторических событиях, активным участником которых был он сам. Октябрьская революция в России, Венгерская советская республика, гражданская война в Испании, Великая Отечественная война — вот основные этапы жизни и борьбы пламенного венгерского коммуниста-интернационалиста.

1-12-2
69-68

И(Венгр.)

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ ВЫХОДЯТ В СВЕТ:

Х. Бургер. «1212 ПЕРЕДАЕТ». Перевод с немецкого.

В основу романа легли факты о деятельности американских войск специального назначения, занимавшихся ведением так называемой психологической войны.

Действие романа развертывается на территории Западной Европы в 1944—1945 гг. Секретная американская радиостанция «1212» выдает себя за гитлеровскую радиостанцию и ежедневно передает в эфир сообщения, которые вводят в заблуждение население Германии.

В увлекательной форме автор рассказывает об американских «рыцарях плаща и кинжала», о приемах и методах их шпионско-диверсионной работы. 15 листов.

Г. Мольнар. «ОДИЧАВШИЕ ГОДЫ». Перевод с венгерского.

В увлекательной, порой захватывающей остротой сюжетных коллизий форме воссоздает автор в своем романе широкую картину венгерской действительности 1940—1945 гг. Главная задача, которую ставит и успешно решает Г. Мольнар, — показать, как лучшие люди Венгрии, коммунисты и некоммунисты, скромные борцы Сопротивления в годы минувшей войны боролись против фашизма за свободную и независимую Венгрию, какой она стала весной 1945 г. 18 листов.

Д. и Е. Джуровы. «МУРГАШ». Перевод с болгарского.

Горная вершина Мургаш в Болгарии давно стала легендарной. Молчаливый, туманный Мургаш — защитник угнетенных, отец гайдуков — помнит события многих веков. Он видел легионы Александра Македонского, был свидетелем легендарных подвигов Чавдара и Мануша, Сидера и Рады-воеводы, чет Хитова и Ботева, храбрых воинов генерала Гурко. Седой Мургаш вечно хранит живую славу русского оружия.

Весной 1942 г. суровый Мургаш стал свидетелем рождения еще одной величественной эпопеи, написанной горячей кровью бойцов партизанской бригады «Чавдар». Об их подвигах рассказывает книга бывшего командира бригады «Чавдар», а ныне министра обороны НРБ, генерала армии Добри Джурова и его жены Елены Джуровой, соратницы по подполью. 24 листа.

А. Михале. «НОЧНОЙ ЭШЕЛОН». Перевод с румынского.

В книге рассказывается о событиях в Румынии накануне и непосредственно после вооруженного восстания 23 августа 1944 г. В ярких, полных драматизма эпизодах повествуется о том, как румынская армия, повернув оружие против гитлеровской Германии, плечом к плечу с Советской Армией сражалась на равнинах и в горах Румынии, Венгрии, Чехословакии.

С большим мастерством автор рисует облик бойцов, сержантов, офицеров, показывает рост их самосознания, их раздумья и веру в светлое будущее своей страны. 18 листов.

«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ». Сборник рассказов. Перевод с вьетнамского.

В сборник включены рассказы писателей Северного и Южного Вьетнама о героической борьбе южновьетнамских патриотов против американских агрессоров и сайгонских марионеточных войск. В рассказах повествуется о том, с каким мужеством и стойкостью воины вьетнамской Народной армии и население Северного Вьетнама отражают пиратские налеты американских стервятников. 15 листов.

Д. Джонс. «ОТСЮДА И В ВЕЧНОСТЬ». Перевод с английского.

В романе американского писателя Джеймса Джонса с большой обличительной силой рассказывается о нравах военнослужащих армии США.

С подлинным мастерством автор раскрывает омерзительную сущность американской военщины, повествует о судьбах рядовых солдат, становящихся жертвами губительной системы воспитания и дисциплинарной практики американской армии. Меткими штрихами он рисует образы американских офицеров — пьяниц, развратников и стяжателей, пренебрегающих служебным долгом ради личных интересов.

Роман не только правдив и реалистичен, но и актуален.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей. 45 листов.